

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КОМИ КРАЯ

ВЫПУСК 4

Сыктывкар 2009

УДК 947.07/084.6 (470.13)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КОМИ КРАЯ. Сыктывкар, 2009. Вып. 4. 124 с.
(Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН).

В сборник статей вошли материалы, посвященные различным сторонам повседневной истории крестьян и горожан Коми.

*Сборник подготовлен при поддержке гранта РГНФ № 09-01-41104а/С
«История повседневной жизни населения Коми края в XIX – первой трети XX века».*

Редакционная коллегия

А.Ф.Сметанин (председатель), И.Л.Жеребцов (зам. председателя),
М.В.Таскаев (отв. секретарь), О.В.Золотарев, А.Д.Напалков, В.А.Семенов,
А.И.Таскаев

Ответственный редактор и составитель выпуска
доктор исторических наук И.Л.Жеребцов

Рецензенты

доктор исторических наук А.К.Гагиева
кандидат экономических наук Е.Н.Рожкин

ISBN 978-5-89606-377-3

© И.Л.Жеребцов, составитель, 2009
© Авторский коллектив, 2009
© ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2009

М. А. Мацук

**Судебная деятельность городских воевод в XVII в.
(на материалах Яренского уезда) ***

Городовые воеводы во время исполнения своей служебной деятельности должны были заниматься самыми разнообразными делами. Широко известно, что они отвечали: 1) за своевременную и в полном объеме уплату населением государственных налогов и выполнение тяглецами государственных повинностей; 2) за сохранение на должном уровне состояния правопорядка в уезде; 3) за успешное функционирование системы волостного и уездного самоуправления и государственных учреждений (таможенные и кабацкие избы).

В деятельности воеводы по поддержанию должного уровня правопорядка значительной составляющей являлась его судебная практика. Обязательное наличие ее стандартно декларировалось в наказе воеводам об отправлении ими своей должности. Приведем два примера такой декларации, относящиеся к одному уезду (Пустозерскому, соседнему с рассматриваемым нами Яренским) и разделенные семнадцатью годами. В наказе Семену Обьедову об отправлении им должности Пустозерского воеводы от 10 марта 1647 г. сказано следующее: «... А посадцких и уездных всяких людей ведати и судити во всем и росправа меж ими чинить в правду, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси крестному целованью, не нороя никому ни в чем, и всякие государевы дела делать по прежнему государеву указу и по грамотам, как о том к прежним воеводам в государевых грамотах писано, и по сему государеву наказу» [1]. В 1664 г. 9 февраля подобный наказ получил Василий Диков. В наказе ему было отмечено: «...А посадцких и уездных всяких чинов людей ведати и судити во всем и росправа меж ими чинить в правду по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца указу и по Соборному

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 09-01-41104а/С «История повседневной жизни населения Коми края в XIX – первой трети XX века».

Уложению, не норовя никому ни в чем, и всякие государевы дела делать по прежнему государеву указу и по грамотам, как о том к прежним воеводам в государевых грамотах писано, и по сему государеву наказу» [2].

Как видим, отличие в двух приведенных фрагментах текстов весьма незначительное и заключается лишь в том, что после принятия Соборного Уложения 1649 г. оно стало основой судопроизводства и поэтому упоминается в наказе.

Какие дела в судебном порядке рассматривал воевода? Действительно ли он мог подведомственных ему посадских и уездных людей «ведати и судити во всем»? На этот вопрос мы постараемся ответить, опираясь на материалы одного из северных черносошных уездов – Яренского уезда. Привлекаемые нами для анализа материалы отложились в фонде Яренской приказной избы (ф. 1178) Российского государственного архива древних актов.

Всего в этом фонде хранится 208 дел. Хронологически дела относятся к периоду от 1620 по 1702 г. Одно дело не датировано (без даты). От 21 января 1620 г. дошла «деловая запись» братьев Я. и П. Васильевых детей Изродиных на двор, землю и скот, оставшиеся после смерти их отца [3]. Документ составлен в Усть-Выми. Никаких помет судебного характера на документе нет. Эта «деловая запись» была записана для сведения в дела съезжей (приказной) избы и сохранилась в копии благодаря этому.

Второе дело, прямо не относящееся к судебной деятельности воевод, датируется 1622–1677 гг. Там представлены списки с купчих (десяти: 1622, 1638, 1644, 1645, 1653, 1655, 1663, 1667, 1672, 1677 гг.), закладных (трех: 1658 и 1662 гг.), меновой (одной: 1668 г.), складной памяти (одной: 1652 г.) и челобитной (одной: 1662 г.). Вероятно, все указанные в документах земельные участки, дворы и т.п. в конце концов отошли к одному владельцу, который и собрал все оправдательные документы и зарегистрировал их в официальном порядке в приказной избе. Хотя, возможно, что эти документы были представлены на каком-либо судебном разбирательстве.

Третье дело представляет собой собрание разных документов (двух духовных завещаний и двух купчих) на спорный участок земли в Ленском погосте-волости [4].

Остальные 206 дел представляют собой протоколы судебных заседаний и, опираясь на них, мы можем проанализировать судебную деятельность яренских воевод.

Начнем с хронологии. Как мы сказали выше, представленные 206 дел хронологически относятся к периоду от 1620 по 1702 г. Однако распределение дел по годам весьма неравномерное. Из приведенного списка (см. приложение к статье) видно, что из 79 дел, указанных там, одно дело относится к 1627 г.; одно – к 1630 г.; одно – к 1631 г.; одно – к 1635 г.; одно – к 1638 г.; пять – 1639 г.;

шесть – к 1640 г.; одно – к 1643 г.; два – к 1644 г.; одно – к 1647г.; три – к 1648 г.; десять – к 1649 г.; восемь – к 1650 г.; восемь – к 1651 г.; девять – к 1652 г.; двенадцать – к 1653 г.; пять – к 1654 г.; одно – к 1656 и два – к 1657 г.

Возможно, другие дела за данный хронологический промежуток (1620–1650-е гг.) находятся в другом архивохранилище и в свое время будут найдены и введены в научный оборот.

Указанные в списке дела позволяют проанализировать основные позиции, по которым требовался суд воеводы.

Люди обращались с жалобами и просьбами по самым разным делам. Мы выделили 11 блоков таких проблем: 1) воровство; 2) не платеж занятым в долг денег; 3) хулиганство (избиения, угрозы убийства); 4) потеря или порча документов; 5) насильственное завладение землей; 6) жалобы на непослушание и недостойное поведение взрослых детей; 7) жалобы в причинении убытков; 8) уничтожение имущества; 9) грабеж; 10) жалобы на административных лиц волостного и уездного самоуправления и управления; 11) убийство.

Среди сохранившихся дел, рассматривавшихся яренскими воеводами в указанный период, т.е. до 1660 г., воровство представлено в 12 делах; не платеж денег – в 27; хулиганство – в девяти; извещение о потере или порче документов – в пяти; насильственное завладение землей – в восьми; жалобы на детей – в двух; жалобы на причинение убытков – в трех; уничтожение имущества или повреждение его – в пяти; грабеж – в пяти; жалобы на неправомерные действия лиц мирского самоуправления и уездного управления – в пяти; извещение об убийстве – в одном деле.

Наиболее распространенными жалобами, по которым проводились судебные разбирательства, были жалобы на то, что взятые в долг на определенный срок деньги не возвращались заимодавцам. Рассмотрение таких противоправных действий, как хулиганство (выражавшееся, в основном, в избиениях людей, угрозах расправы, включая убийство), воровство, грабеж, в сумме составляло весьма значительную часть дел указанного времени (всего 26 дел). В крестьянской среде наиболее тяжелыми по своим последствиям считались уничтожение чужого имущества и насильственное завладение земельными участками (всего 13 дел). Несомненно, что эти дела имели большой общественный резонанс. Обращает на себя внимание и то, что в судебной практике воевод встречались жалобы родителей на непослушание и недостойное поведение взрослых детей, а также на неправомерные действия представителей волостных администраций.

Все указанные дела, по которым обращались к яренскому воеводе, по реакции на них самого воеводы, можно разделить на две большие группы: 1) Дела, которые рассматривал воевода и по которым он выносил судебные

решения; 2) Дела, которые рассматривал воевода, но по которым судебного решения он не принимал. Всего в первую группу входило 37 дел, во вторую – 40 дел.

Инициатива судебного рассмотрения дела исходила от истца. Так, П.М.Каракчиев подал жалобу на Г.И. Выйсинова, поскольку тот не возвращал взятые в долг деньги. В конце челобитной истец пишет: «Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руссии, пожалуй меня, сироту своего. Вели, государь, на того Григорья в том дати свой царский суд и управу» [5]. По подобной челобитной воевода обязан был устроить судебное разбирательство и вынести обоснованное решение.

В случае, если истец не просил судебного разбирательства, но хотел, чтобы его проблема была известна, он в челобитной после изложения своего вопроса писал следующее: «Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руссии. Пожалуй меня, сироту своего. Вели, государь, Сю мою явку в Еренском в съезжей избе принять воеводе Андрею Павловичю Акинфому и челобитье мое записать» [6]. По такой челобитной воевода обычно принимал решение: «записать», о чем делалась специальная помета с указанием времени записи.

Воевода устраивал судебные разбирательства обычно в съезжей (приказной) избе в уездном городе. Однако для удобства населения он иногда предпринимал поездки по уезду и в отдаленных волостях также проводил судебные заседания для решения дел населения того региона. Яренский воевода проводил судебные заседания в Яренске, а также в Туглиме (регион нижней Вычегды) [7] и в Турье (Вымский регион) [8]. Там также имелись резиденции воеводы со съезжими избами.

Теперь рассмотрим саму процедуру судебных заседаний. После того, как истец подавал челобитную с изложением вопроса, воевода назначал определенное время заседания. Истец и ответчик извещались о времени и месте заседания и за них поручались приставам посторонние люди в том, что они будут присутствовать на суде с начала до окончания процесса.

Приведем следующий пример этого. В 1656 г. К. Осколков просил дать суд на Л.Н. Котомина, который завладел его сенокосными участками. За К.А. Осколкова поручились И.П. Гуляев и З.Д. Бахманов, а за Л.Н. Котомина – А.Ф. Глотов. («Се аз Иван Прокофиев сын Гуляев да яз Зотий Денисов сын Бахматов поручилися есми Еренсково городка съезжие избы приставу Ларке Оринову по Конане Амосове сыне Осколкове. Ставиться ему, Конану, за нашею порукою в Еренском городке в съезжей избе пред воеводою Игнатьем Васильевичем Палицыным с суда по вся дни нынешнего 164 году июля с 22 числа по челобитью своему против ответчика Левки Котомина в похвальных словах, да в поуженной потраве, да в поуженном же владенье. А буде он,

Конан, за нашею порукою с суда ставитися по вся дни не учнет до судного дела вершения или сойдет, или збежит, и на нас, на порутчиках, государевы пошлинные деньги и ответчиковы убытки все сполна. На то послух Иван Стефанов сын Орлов. Поручную писал Первушка Тютрин. Лета 7164-го июля в 22 день.

Се аз Афонасий Федосеев сын Глотов поручился есми Еренсково городка съезжие избы приставу Ларке Оринову по Леонтье Никифорове сыне Котомине в том. Ставитца ему, Леонтью, за моею порукою в Еренском городке в съезжей избе пред воеводою Игнатъем Васильевичем Палицыным по вся дни нынешнего 164 году с суда против судного дела вершенья по челобитью Конана Осколкова в похвальных словах, да в пожженном владенье да в пожженной потраве. А буде он, Леонтей, за моею порукою в Еренском ставитися по вся дни до судного дела вершения не учнет, сойдет или збежит, и на мне, на порутчике, государевы пошлины и исцов иск и порука вся сполна. На то послух Афонасей Матфеев сын Наумов. Поручную писал Ивашко Орлов. Лета 7164-го июля в 22 день» [9]).

В определенный день истец и ответчик приходили в съезжую избу, в которой уже находились воевода и подьячий, который вел запись протокола судебного дела. Там истец вновь вручал свою челобитную воеводе. Сначала воевода обращался к ответчику с вопросом, признает ли он свою вину. Если ответчик отвечал отказом, то воевода требовал от истца документального подтверждения своей жалобы. Если документов было достаточно, то воевода принимал решение в соответствии с действующим законодательством. Например, если истец представлял расписку о выдаче денег в долг (кабала), а заемщик соглашался с тем, что он занял деньги и вовремя не отдал, то воевода отмечал: «Заимщик кабалы не лживил, по кабале винился. Велеть дать на поруки по кабале на правеж» [10].

Иногда случались такие запутанные дела, когда обе стороны имели необходимые оправдательные документы. В таких случаях воевода прибегал к процедуре клятвы (крестного целования), как к последнему средству. Так поступил Яренский воевода Григорий Орефьевич Неронов при решении дела о споре двух родных братьев С. и А. Туробовых. Г.О. Неронов оправдал ответчика на основании его крестного целования, заявив при этом, что «опричь крестного целованья того дела вершить не уметь» [11].

После принятия решения с проигравшей стороны взыскивались государственные пошлины. Об этом делалась соответствующая запись. Протокол дела, включающий в себя копии со всех представленных документов, помещался на хранение в съезжую избу.

Таким образом, судебная деятельность воевод была достаточно разнообразной и являлась одной из важных аспектов их работы, как представителя государственной власти в уезде и руководителя местной администрации.

Приложение.

Список судебных дел, рассматривавшихся яренскими воеводами:

Часть I. До 1660 г.

1. По челобитью Яренского городка разсылщика Т.А. Попова на К.П.Ананьина в снятии с пояса камьяну. 24 февраля 1627 (7135) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 2.
2. По челобитью В.К. Захарова Турецкой трети на И. и на С. Ивановых в не платеже по заимочной кабале денег. 21 марта 1631 (7139) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 3.
3. По челобитью В.П. Семеновой той же волости на крестьянина Михаила Исаева в битии и в мучении. Ноября 1630 (7139) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4.
4. По челобитью Никифора Кондратьева на Гаврила Старцова в увозе сена. 6 декабря 1635 (7143) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 5.
5. По челобитью Николы Прохорова Юмшаного и Я. Сергеева на П.Власова в сильном завладении пожнями и землями. 1638 (7146) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 6.
6. По челобитью С. Турובה на брата своего родного А. Турובה в волоките и в убытках. 11 марта 1639 (7147) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 7.
7. По челобитью Жешартской волости крестьянина С. Иванова той же волости на крестьян Ф. Пантелеева с товарищами в причинении ему убытков. 1639 (7147) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 8.
8. По челобитной Окологородного крестьянина О. Иванова на Окологородного же крестьянина А.Ф. Глотова в сожжении поварни. 8 июня 1639 (7147) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 9.
9. По челобитной И.В. Щепетева из Жешарта на И. Иванова в брани и в метании бить. 9 июня 1639 (7147) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 10.
10. По челобитной Д.Г. Секурова на И. Пестерова в наложении самовольно на лошадь его крюка и в пропаже оной безвестно. 10 июня 1639 (7147) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 11.
11. По челобитью К. Максимова из Червы на брата своего родного И.Максимова с товарищами в приезде на двор его грабежом. 10 февраля 1640 (7148) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 12.
12. По челобитью С. Коняева на Ф. Михайлова с товарищами в не платеже убытков. 14 марта 1640 (7148) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 13.
13. По челобитью Иртовской волости И.А. Афанасьева на Г.С. Пономарева в сильном сжатии и увозе ржи. 25 июля 1640 (7148) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 14.
14. По челобитью Н.Ф. Багая с Турьи на П.О. Мясникова в ложном написании и взыскании напитков денег. 12 октября 1640 (7149) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 15.

15. По челобитью Шеномской волости крестьянина Я.Ф. Клестова той же волости на С.П. Варсина в сильном завладении пожней. 20 октября 1640 (7149) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 16.

16. По челобитью В.М. Отряхнина Ирговской волости на крестьянина Д. Пустошихина с товарищами в битии и грабеже. 2 ноября 1640 (7149) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 17.

17. По челобитью П.С. Окирсова на А.И. Щербака в наложении сильно своим произволом дани. 21 августа 1643 (7151) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 18.

18. По челобитью Яренского городка посадского человека С.К. Оболтина на Д.Е. Опарина в не платеже денег. 8 марта 1644 (7152) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 19.

19. По челобитью В.Д. Лемзакова на Ф.П. Прошева в не платеже денег. 11 апреля 1644 (7152) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 20.

20. По челобитью А.Ф. Каракчиевой из Ляль на детей своих Первово и Логина в не отдаче ей с делу доставшихся поля и пожни. 25 июня 1647 (7155) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 21.

21. По челобитью М.П. Оболтина на П. Фомина в битии жены своей, тещи заявителя. 24 апреля 1648 (7156) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 22.

22. По челобитью А.С. Плотникова Шеномской волости на сына своего Алешку в непослушании. 9 июня 1648 (7156) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 23.

23. По челобитью явочному человеку гостя В. Федотова Федьки Якута в утерьяни кабалы. 9 июня 1648 (7156) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 24.

24. По челобитью изветному вдовы Ф.М. Поповцевой с Ибу Вологодского епископа на сына боярского Ф. Борзунова о взятии ее сильно и сковав в держании и в вымучивании денег и прочего. 17 февраля 1649 (7157) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 25.

25. По челобитью изветному К.И. Моденова на Д. Иванова с Цылиба в не платеже по кабалам денег. 11 февраля 1649 (7157) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 26.

26. По явочному челобитью Сольвычегодского посадского человека И.Л. Пивоварова Пустынской волости на крестьян П. и И. Одинцовых с товарищами в не платеже денег. 18 апреля 1649 (7157) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 27.

27. По челобитью Жешатского попа А. Иванова на Вологодского архиепископа приказного человека Ф.В. Оболтина в держании в крепости и в вымучении кабалы в 6 рублей. 6 июня 1649 (7157) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 28.

28. По челобитью явочному П.А. Страхова на Т.В. Баликина в разрублении и в притоплении бревен и в прочем. 8 августа 1649 (7157) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 29.

29. По челобитью явочному К.И. Поповцова с Ибу на В.Ф. Поповцева и на его детей в битии брата его Ильи. 9 августа 1649 (7157) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 30.

30. По челобитью явочному Яренского городка Окологородного крестьянина Л.И. Никулина на Д.Т. Ортемьеву в продаже деревни и прочего имения. 22 ноября 1649 (7158) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 31.

31. По челобитью явочному Ф.И. Кызродева из Гаму на Г.Д. Курсова и сына его с Тыдора в не платеже денег. 16 января 1650 (7158) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 32.

32. По челобитью явочному М. Турובה на кабацкого целовальника В. Савватиева в вынуждении памяти. 16 января 1650 (7158) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 33.

33. По челобитью явочному сольвычегодского посадского человека И.Л. Пивоварова в покраже в Яренском городке из амбара двух киндяков. 25 января 1650 (7158) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 34.

34. По челобитью явочному Шеномской волости крестьянина К.Л. Ушакова в утерянии памяти. 30 января 1650 (7158) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 35.

35. По челобитью явочному Ирговской волости крестьянина П.О. Крылева на Л.Б. Иванова с товарищами в давлении мало не до смерти. 4 марта 1650 (7158) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 36.

36. По челобитью изветному Яренского городка Спасского попа Е. Семенова в утерянии кабалы. 4 марта 1650 (7158) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 37.

37. По челобитью Е. Дишова на М.С. Афонасова из Тохты и на племянника его в неплатеже денег. 17 октября 1649 (7158) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 38.

38. По челобитью изветному Т.Я. Бутина на Марфу да на сына ее В.С. Тентюкова в битии жены его. 16 декабря 1649 (7158) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 39.

39. По челобитью С.М. Дмитриевой на К.Е. Волкова с Турьи о завладении поскутиною землею. 4 сентября 1649 (7158) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 40.

40. По челобитью К. Волкова на Д. Габушеву в неплатеже по кабале денег. 13 сентября 1650 (7159) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 42.

41. По челобитью Т. Леонтьева на И. Иванову в неплатеже по кабале денег. 29 ноября 1650 (7159) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 43.

42. По челобитью Я.Г. Димова на К.В. Фадеева с товарищами в неплатеже по кабалам денег. 24 января 1652 (7160) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 44.

43. По челобитью П. Малафеева на Ф.М. Некрасова в неплатеже денег по кабале. 19 января 1652 (7160) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 45.

44. По челобитью Я.С. Минина на О.Ф. Курсину в неплатеже по кабале денег. 30 января 1652 (7160) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 46.

45. По челобитью В. Самодурова на О. Суворову в неплатеже денег по кабале. 4 сентября 1651 (7160) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 47.

46. По челобитью Турецкого церковного дьячка И. Захарова на Веслянского церковного дьячка С.С. Лапшикова в неплатеже по кабале денег. 6 сентября 1651 (7160) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 48. В конце дела прикреплена поручная на С.С. Лапшикова от 6 сентября 1651 (7160) г., что ему «ставитца... с суда на Турье в съезжей избе пред воеводою Иваном Ивановичем Хрущовым по вся дни до судного вершения по челобитью Дарьицы Карповские жены Костюкова в бою и в увечье, и в безчестье, и в обиде в ыску в двух рублех в восемнадцати алтын в 4 деньгах».

47. По челобитью П.П. Бызова на В.Л. Ведерникова в неплатеже денег. 20 сентября 1651 (7160) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 49.

48. По челобитью А. Федотова на вымитина Н.К. Черного в неплатеже денег. 15 сентября 1651 (7160) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 50.

49. По челобитью П.М. Каракчиева на Г.И. Войсинова в неплатеже денег. 19 сентября 1651 (7160) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 51.

50. По челобитью М.К. Югидсиневой на О. Пагсеисеву в неплатеже денег. 22 сентября 1651 (7160) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 52.

51. По челобитью сольвычегодского посадского человека И. Пивоварова на И. Самодурову и А. Рогову в неплатеже денег. 26 сентября 1651 (7160) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 53.

52. По челобитью О.Роговы на О. Габушеву в неплатеже денег. 27 сентября 1651 (7160) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 54.

53. По челобитью Вожемского села Троицкого попа П. Родионова на Т.М. Алексеева в неплатеже денег. 24 декабря 1651 (7160) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 55.

54. По челобитью явочному М.И. Кобычева в уходе сына в сибирские города и в уносе денег и о прочем. 23 января 1653 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 56.

55. По челобитью явочному И. Жданова в покраже товару. 6 февраля 1653 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 57.

56. По челобитью явочному церковного старосты Воскресенского прихода (Турья) И.В. Пономарева с товарищами в приимании излишней дани. 8 февраля 1653 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 58.

57. По челобитью явочному Ф.Л. Смолина на П.Л. Леонтьевых в неплатеже денег. 13 марта 1653 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 59.

58. По челобитью явочному Я. Романова на племянника своего Т.Шумилова в «подломлении ларишка и в вынятии раздельной записи». 13 марта 1653 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 60.

59. По челобитью явочному съезжей избы подьячего И. Казакова на И. и П.И. Рыбниковых «в вытравлении озими». 19 марта 1653 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 61.
60. По челобитью явочному В.Я. Леонтьева на К.О. Месникова и на О.Л. Петухова в неплатеже денег. 19 марта 1653 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 62.
61. По челобитью явочному Яренского городка посадского человека М.Н. Цветкова на Удорского судейку И.Ярофеева с товарищи в недаче суда. 20 апреля 1653 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 63.
62. По челобитью явочному Д. Петрова на мачеху свою Пелагию во взятии разных пожитков. 15 июля 1653 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 64.
63. По челобитью явочному И. Пивоварова на неведомых людей в нанесении ран его быкам. 16 июля 1653 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 65.
64. По челобитью явочному церковного дьячка села Лены И.А. Попова в убийстве неизвестными лицами сына. 26 июля 1653 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 66.
65. По челобитью явочному В.Л. Ждановой на Т. Лукина в покраже имения. 8 сентября 1652 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 67.
66. По челобитью явочному Е.Татарина на З.П. Новосильцова во взятии «животишка». 6 октября 1652 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 68.
67. По челобитью изветному Жешартские волости старосты И. Косицына с товарищи на Е.Нестерова в травле пожен. 23 октября 1652 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 69.
68. По челобитью явочному П.Я. Базлуцкой на неведомых людей в вынесении пожитков. 12 декабря 1652 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 70.
69. По челобитью явочному Н.И. Чукичева на К.А. Ростегаева с товарищи в неплатеже денег. 15 декабря 1652 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 71.
70. По челобитью явочному Н.И. Чукичева на П. и Л.И. Лютовых с товарищи во владении насильно пожней и в неплатеже денег. 15 декабря 1652 (7161) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 72.
71. По челобитью явочному Т. Таратина в утерении купчей на пожно и прочих документов. 26 февраля 1654 (7162) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 73.
72. По челобитью явочному И.М. Кырсинского в покраже из лавки рыбы. 23 марта 1654 (7162) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 74.
73. По челобитью С. И А.Н. Преснецовых на М.А. Варенцова в завладении пожней насильно. 26 июня 1654 (7162) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 75.
74. По челобитью явочному Е.Е. Захаровых в подмочении и раздрании купчей. 27 июня 1654 (7162) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 76.
75. По челобитью явочному А.А. Осколкова на Т.Л. Лемзакова о просрочении закладной кабалы. 2 июля 1654 (7162) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 77.

76. По челобитью явочному Т. Артемьева на О.В. Тентюкова в битии. 5 декабря 1653 (7162) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 78.

77. По челобитью И. Пикалева с товарищи о мировом соглашении. 27 июля 1656 (7164) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 79.

78. По челобитью К. Осколкова на Л.Н. Котомина в завладении разными санными покосами. 21 ноября 1657 (7166) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 80.

79. По челобитью К. Осколкова на Л.Н. Котомина в завладение пашенной землей. 21 ноября 1657 (7166) г. РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 81.

Литература и источники

1. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1848. Т. 3. Стб. 83.

2. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1851. Т. 4. Стб. 341.

3. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 208.

4. Там же. Д. 41.

5. Там же. Д. 51. Ст. 1.

6. Там же. См., напр.: Д. 77. Л. 1.

7. Там же. Д. 75.

8. Там же. Д. 42, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54.

9. Там же. Д. 80. Ст. 19, 20

10. Там же. Д. 50, 51.

11. Там же. Д. 7. Ст. 8.

*Приходская летопись Нившерской Воскресенской церкви
(1870–1873 годы)**

В сборнике публикуется фрагмент летописи Нившерской церкви, описывающий события, происходившие в приходе в 1870–1873 гг. Первый фрагмент приходского летописания опубликован в сборнике «Повседневная жизнь Коми края», выпуск 3 (Сыктывкар, 2009).

* * *

*От Рождества Христова 1870 год
От сотворения мира 7378*

Января с 20 на 21 число во всю ночь было видимо северное сияние.

Апреля 21 был первый в сем году гром, но без молнии, на северо-западе.

Апреля 24 дня пошел лед на р. Нившера, при теплой пасмурной погоде.

Мая 7 слышали в первый раз кукование кукушки.

Мая 4-го зачали сеять ячмень.

Мая 11 и 12 был при северном ветре сильный снег; овцы, пущенные на волю, околевали от холоду и голоду; коровы за рекой едва кормимы были соломой, с трудом приобретаемой.

Июня 3-го. В ночь на это число была сильная гроза на страх и удивление жителям Нившеры.

Июня 23 числа с севера была сильная гроза с градом величиной с каленый орех, покрывшим землю добела; началась в 3 часа пополудни и продолжалась до 7 часов; хлебы остались в целости, повредились только в деревне Емель-Иван; конопля и картофельные стебли немного поломались.

Сентября 3 ночью и днем шел снег с перевалами.

[Сентября] 4. Иней порядочный, первый в сем году.

Октября 11 река Нившера покрылась льдом при ясной и холодной погоде.

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 09-01-41104а/С «История повседневной жизни населения Коми края в XIX – первой трети XX века».

[Октября] 29. В 5-м часу пополудни с западной стороны был необыкновенный свет, подобный молнии, минуты на две, но грому не было. Погода ранее сего была облачная, но тогда стали образоваться перевалы; после чего было ясно и холодно. Этот необыкновенный свет видели здешние промышленники по рекам Выми, Ропче и Вукве.

В сем 1870 году хлеба уродилось мало: ячмень неодобрительного качества и в ней много овса, а рожь хороша. Сено поставлено хорошее и в большем против прошедшего года количестве. Цена хлебу весной была 70 и 75 коп. за пуд, а осенью 60 и 66 коп., картофелю уродилось довольно, но многие жалуются на гнилость его. Ягод, особенно черники и брусники, много, черемухи почти не было.

Весной сего года скот сильно голодовал, кормили его соломой и боровым мохом (ягелем). Лето не столь жаркое, комаров было мало, и то не надолго. Осень холодная, в октябре и ноябре были сильные морозы. В весенние промыслы настреляли белок от 70 до 100, продали по 80 и 90 коп. десяток. Осенью – от 100 до 150, продали по 1 р. 20 коп., рябков от 30 до 50 пар, продали по 28 $\frac{1}{2}$ и 30 коп. пару. Тетеревей было мало, даже в Ропче и Тёбысе.

По исповедальным ведомостям сего года значится в сем приходе бывших у исповеди и святого причастия мужского пола 102, женского 128; исповедавшихся, но не причастившихся муж. 15, женск. 13; не бывших у исповеди по малолетству муж. 52, жен. 52; по отлучкам и другим препятствиям муж 44, женск. 36; по опущению муж. 73, женск. 71. Всех разных сословий в Нившерском приходе жителей, кроме духовенства, муж. 281, женск. 296, дворов 80.

По приходе-расходным книгам к сему году от прошедшего 1869 года к настоящему при Нившерской церкви состояло наличных денег 9 руб. 52 $\frac{3}{4}$ коп.

К тому в 1869 году поступило за проданные свечи 10 р. 95 $\frac{3}{4}$ коп., от подаяния в кошелек и кружку 69 руб. 32 коп.; итого 80 руб. 27 $\frac{3}{4}$ коп., а всего с остаточными 89 р. 80 $\frac{1}{2}$ коп. сер. Из того числа поступило в расход: на покупку свеч 6 р. 75 $\frac{3}{4}$ коп., на церковные расходы 67 р. 84 $\frac{1}{4}$ коп., прибыльной суммы внесено 4 р. 20 коп.; итого 78 р. 81 коп. сер.; к следующему 1871 году осталось наличных денег 10 руб. 99 $\frac{1}{2}$ коп. сер.

По особым распоряжениям правительства выдано местному Благочинному, для отсылки в Консисторию, собранных в кружки: на призрение бедного духовенства 24 коп., в пользу православных поклонников в Палестине 13 коп., на восстановление православного христианства на Кавказе 9 коп., на сооружение и содержание церквей и школ в западных губерниях 8 коп., на распространение православия между язычниками в империи 12 коп.; всего 66 коп. сер.

По метрическим книгам в сем году в Нившерском приходе родившихся мужского пола 12, женского 8, браком сочетавшихся 6 пар, умерших мужского пола 5, женского 1; обоего 6. В местной церковно-приходской школе обучалось в первой половине сего года мальчиков 8, девочка 1; во второй половине мальчиков 2 и 1 девочка.

Особенной свирепствовавшей болезни в народе в сем году не было; изредка появлявшееся колотье в боках есть всегдашнее обыкновенное следствие употребления в простонародии холодного питья на жару.

Самовольная продажа вина усилила пьянство, особенно между молодыми людьми, замеченными в непристойных шалостях, в драках, между собой и разбитии стекол в окнах домов.

В справедливости всего вышесказанного подписуемся:
Нившерской Воскресенской церкви священник Александр Павлов
Попов.
Дьячок Виталий Сумароков.

*От Рождества Христова 1871 год
От сотворения мира 7379*

Января 1 дня. В праздник Василия Вел. Постороннему народу было немного. В церковную казну поступило денежных доходов до десяти рублей серебром, а в кабаках от продажи вина получено до 175 руб. сер. по довольно верному расчислению, что приводит в удивление самих крестьян. Впрочем, надобно заметить, пьющие были большей частью посторонние.

1 февраля. В ночь на это число было на северо-востоке около 3-х часов сильное северное сияние; столбы радужного цвета попеременно подымались почти до зенита и от них сыпались как бы искры.

18 февраля была сильная вьюга с северо-востока, дорогу занесло снегом, сообщение прекращалось на два дня; сугробы нанесло, ровно горы; такой погоды давно, говорят, не бывало.

10, 11 и 12 марта оттепель, значительно повредившая дорогу, по мнению народа, предвестница долгой весны.

29 апреля лед на р. Нившере пошел при довольно сильном северо-восточном ветре и ясной,*

7 мая начали сеять ячмень. Кукушка куковала.

11 мая слышали на юго-западе раскаты грома. В тот же день Нившерским крестьянам роздано семян ячменя, купленного на продовольственный капитал

* Так в тексте. Видимо, предложение не дописано.

в деревне Носимской Усть-Куломского прихода, в количестве 171 пуда 8 фунтов на 157 руб. сер.

18 [мая]. Посев ячменя кончен.

21 [мая]. На юго-востоке был порядочный гром с молнией, сильным дождем и ветром.

28 [мая] был сильнейший гром с молнией и обильным дождем, вечером.

Июня 27 дня, в воскресенье, при Нившерской церкви открыто, с согласия прихожан и причта, приходское попечительство, о чем приговор составлен так <...>*

Августа 4 дня был иней небольшой, не повредивший хлеба.

[Августа] 16. Были для нарезки и отвода земли пахотной и сенокосной местному причту Усть-Сысольский уездный Землемер, Титулярный Советник Николай Дмитриевич Земский с депутатом с духовной стороны Пезмогской Прокопьевской церкви священником Александром Щетининым; во время нарезки пахотной земли поставлены 4 столба с клеймом ц.з., на сенокосной с таким же клеймом. Копия с плана тогда же выдана им причту, коим она передана церковному старосте Кириллу Михайлову для хранения. На сем плане значится земли пашенной 2 десятины 1750 сажень и под выгоном 650 саж., всего удобной земли 3 дес., сенокосу с кустарником и одной удобной земли 19 дес. 2200 саж., песку голого 2 дес. 1100 саж., под полурекою и озерами 5 дес. 1260 саж.; всего удобной и неудобной земли 27 дес. 2160 саж. А всей в двух участках пашенной и сенокосной, удобной и неудобной земли 22 десятины, 2200 сажень.

Августа 21 дня был иней довольно сильный, повредивший картофельные листья, и хлеба позднего посева, незрелые, особенно рожь.

Октября 10, в воскресенье, после обеда, крестьянин деревни Тиста Филипп Иванов Габов старший, будучи в промышленном стану от погоста Нившерского вверх по р. Нившере в 60 верстах, ушел на птичий путик, и при переходе через реку, по берегам подернутую тонким льдом, по брошенным им двум жердям, утонул в двухсаженной глубине, место это называется «трундаа ты тыкцла дор». 14 числа, в четверг, понятыми крестьянами он найден и на другой день приплавлен в свою деревню, где и помещен в амбаре до судебного исследования. Об этом утопленнике Габове есть в народе молва, будто он был причиной смерти своего соседа Прокопия Петрова Габова, найденного 19 июля 1839 года в р. Нившера ниже ручья Одью-Водзес Йоль под бором, по названию Ярö Чйбстуй Яг, который будто бы был застрелен им. Бог знает, нарочно или нет, но рана от пули в горле была увеличена ножом.

* Текст приговора не публикуется.

Филип Габов, после медицинского осмотра передан земле по церковному чиноположению 2 декабря.

27 октября, во вторник, р. Нившера покрылась льдом при пасмурной, довольно холодной погоде; ранее сего три дня был мороз довольно сильный.

4 ноября, в четверг, под утро, в облачную тихую погоду, при немного падающем снеге, с северо-востока, вдруг появлялся необыкновенный свет, подобный молнии, продолжавшийся около четверти часа, после чего пошел снег.

[Ноября] 27, в 6-м часу утра было северное сияние, довольно сильное, в виде столбов разного цвета, продолжавшееся 1 $\frac{1}{2}$ часа.

В сем году хлеб уродился довольно порядочный, но поздний посев повредился инеем, бывшим 21 августа. Цена хлебу была весной 80 и 90 коп., осенью 70 и 60 коп. сер. за пуд. Сена собрано мало, хотя хорошего качества. Его считают приблизительно против прошлого лета на одну треть менее. Картофель уродился порядочный. Ягод мало, но грибов, груздей и, особенно, рыжиков было много.

Зима холодная, истребившая сено; весна теплая и благоприятная; лето отличается постоянным холодом к удивлению об урожае хлеба; осень продолжительная и теплая, при большой воде.

В весенние промыслы настреляли здешние промышленники белок от 60 до 100, продали по 80 к. десяток; осенью – рябков от 100 до 150, продали по 26 коп., белок от 150 до 200, а по р. Пёт и Лопи до 300, продали по 86 и 88 $\frac{1}{2}$ к. десяток, несмотря на скудость пороха, покупаемого по 1 р. и 1 р. 20 коп. серебр. Фунт, по неимению его в городе Усть-Сысольске.

По исповедным ведомостям сего года значится в Нившерском приходе бывших у исповеди и святого причастия мужского пола 113, женского 139; исповедавшихся, но не причастившихся муж. 9, женск. 11; не бывших у исповеди по малолетству муж. 56, жен. 55; по отлучкам и другим препятствиям муж. 38, жен. 31; по опущению муж. 73, женск. 68. Всех жителей в приходе с духовенством и военными муж. 289, жен. 304, обоего 593, а крестьян муж. 273, женск. 292, дворов 82.

По метрическим книгам в сем году в Нившерском приходе значится родившихся мужского пола 12 и женского 12, браков 2, умерших муж. 4 и женск. 4.

По приходо-расходным книгам церковным значится: к январю месяцу сего 1871 года оставалось при церкви наличных денег 10 руб. 36 коп., от подаяния в кошелек и кружку 55 р. 31 коп.; итого 65 р. 64 коп., а всего с остаточными 76 р. 66 $\frac{1}{2}$ коп. Из того числа употреблено в расход: на покупку

свеч 6 р. 36 к., на приобретение разных церковных вещей и книг 42 р. 69 $\frac{1}{2}$ к. Внесено процентной суммы по 21 коп. с рубля от доходов 1868 года в пользу духовных учебных заведений 8 р. 43 коп., итого расхода 57 р. 48 $\frac{1}{2}$ к., к следующему 1872 году осталось денег 19 руб. 18 коп. серебром.

Собрано в установленные правительством кружки: на призрение бедного духовенства 20 коп., в пользу православных поклонников в Палестине 14 к., на восстановление православного христианства на Кавказе 8 коп., на сооружение и содержание церквей и школ в западных губерниях 5 к., на распространение православия между язычниками в империи 12 $\frac{1}{2}$ коп. Итого в кружках 59 $\frac{1}{2}$ коп. серебром.

В приходской школе обучалось в сем году мальчиков 3, девочек 1.

Народное здравие было в сем году в удовлетворительном состоянии до начала ноября месяца, когда появилась небывалая доселе болезнь – опухоль в горле и по всему телу, горячка и, от питья больным холодной воды или квасу, колотье в боках, действующая в более семейных домах. С течением времени эта болезнь усиливается и переходит в следующий 1872 год. Во второй половине ноября месяца, по прибытии промышленников из дальних станом, было небольшое тайное возмущение в народе – только в погосте – касательно выбора в церковные старосты прежнего Кирилла Максимова Михайлова. Главным зачинщиком в этом был крестьянин Тит Андреев Михайлов, давно желающий занять должность церковного старосты; сообщниками ему были Иосиф Афанасьев и Григорий Прокопьев Ларуковы, разнесшие, в числе прочих, такой разговор, Кирило Михайлов старостинскую должностью уклоняется от отдачи своего сына Михайла в солдаты.

По сему случаю отказывающийся от должности Кирило Михайлов предложил прихожанам избрать нового, и 6 декабря выбран на его место крестьянин Матвей Автономов Габов, но представленный приговор был остановлен местным Благочинным. Возмутителей Тита Михайлова и Ларуковых следует взять на замечание.

В том же месяце, по случаю открывавшегося местного Приходского попечительства и сбора пожертвований в оное, напрасно старались Алексе Кирилов и Ефим Петров Михайловы охладить усердие прихожан. Они выражались так: «Лучше бросить в огонь, чем отдать в Попечительство».

В справедливости всего вышесказанного подписуемся:
Нившерской Воскресенской церкви священник Александр Попов.
Дьячок Виталий Сумароков.

*От Рождества Христова 1872 год
От сотворения мира 7380*

Января 27 дня. В ночь на это число при немного облачном небе, был необыкновенный свет, продолжавшийся до самого утра, так что снег казался красным. Такое явление в то же время было и в Яренском уезде, по словам очевидцев. По общему мнению, это было северное сияние.

Марта 13 дня. Церковный староста Кирило Михайлов, местным священником, при Благочинном Александре Заварине приведен к присяге на верность продолжения сей службы в следующее трехлетие с 1872 по 1874 год.

С 28 марта стало тепло и снег начал таять так сильно, что со 2 апреля зимнее путесообщение на лошадях прекратилось.

Апреля 16, в день св. Пасхи, лед на р. Нившере немного тронулся, а 19 совсем пошел, при ясной и тихой погоде; утренники порядочные.

[Апреля] 29 числа кукушка куковала в первый раз.

[Апреля] 30 ч. Утром была первая молния с тихим громом на северо-западе и дождь дов. сильный. Того же дня вечером, в 9-м часу, видели птицу величиной с чайку, на незначительной высоте, у коей, по-видимому, крылья были сырые, а туловище и хвост снизу красные, как огонь, подобная яркой звезде, она тихо, плавно пролетела с юга на север, и вскоре исчезла. Эту же птицу видели 8 и 10 мая, вылетающую из лесу под названием Сйорд.

Мая 12 начали сеять ячмень в сухую землю.

Июня 11, в воскресенье, в исполнении Указа Вологодской Консистерии от 13 мая за № 8 отправлен водосвятный молебен с возглашением многолетия Государю Императору, царствующему дому, вечной памяти императору Петру I и благоденствия всему российскому государству, по случаю исполнения двухсотлетия рождению Петра Великого в 30 день мая, с высочайшего соизволения.

Июня 18 разнесена молва в приходе крестьянами здешними Макаром Подоровым и Вишерским Григорьем Афанасьевым Ивашевым, что в сей год, именно в Петров день 29 июня будет кончина миру, после сильных громов и молний, будто о сем в городе Уржуме, Вятской губернии, упала с неба газета, по каковому случаю там и в уезде онаго повсеместно служат молебны со слезами и на коленях. По расчислению времени оказывается в этом нелепом рассказе только та правда, что 30 мая там служили молебен по случаю двухсотлетия рождению Петра I. На основании некоторых мест из Священного Писания объяснено местным священником своим прихожанам, что о кончине мира никто, кроме Бога, не знает, и по признакам, данным в Писании, кончине

быть еще рано; к тому прибавлены были рассказы из истории по сему предмету об обманщиках, с выгодными для них целями.

Августа 4 началась жатва хлеба; хлеб хорош, особенно ячмень стоячий.

[Августа] 7, 8 и 10 были небольшие иньи, но 11 был довольно сильный, повредивший картофельные листья; о хлебах опасаются, и 12 ч. иней и холод; затем дождливая погода до 22 ч., а 23 ч. сильный иней – утренник – продолжавшийся до 8 часу, дождем растаявший.

Сентября 8 дня выпал снег на четверть арш.

Октября 1. Во исполнение Указа Д. Консистории от 17 августа за № 11 отправлена заупокойная литургия с панихидой по представившемся 11 августа в 9 часов утра Епископе Христофоре, управлявшем Тотемским Спасо-Сумориным монастырем, по его прошению в Св. Синод.

Октября 19. Река Нившера покрылась льдом, после трехдневного холода, а до сего было тепло с 10 сентября.

В сем году хлеб уродился хорош, особенно ячмень, зерном и соломой, рожь в малом количестве по причине сорных трав. Сено поставлено хорошее, но уродилось его гораздо менее против прошлого года. Цена хлебу весной была 90 коп. и 1 р., осенью 60 и 70 коп. сер. пуд. Картофелю уродилось очень мало.

Лето отличается дождливой и пасмурной погодой, ясной было всего недели три.

Промышленники в весенний промысел настреляли белок от 150 до 200, продали по 80 коп. десят., зайцев наловили от 50 до 90, продали по 10 коп. сер.; осенью белок от 100 до 150 штук, продали по 1 р. 5 коп. и 1 р. 10 коп. десяток, рябков от 50 до 120 штук, продали по 23 и 26 коп. за пару.

По исповедным ведомостям сего года значится бывших у исповеди и святого причастия всех сословий по приходу мужского пола 100, женского 126; исповедавшихся, но не причастившихся муж. 10, жен. 11; не бывших у исповеди по малолетству муж. 65, жен. 45; по отлучкам и другим препятствиям муж. 37, жен. 34; по опущению муж. 85, жен. 86.

Всех жителей по приходу с духовенством муж. 297, женск. 302, итого 599.

По метрической книге значится в сем году в Нившерском приходе родившихся муж. 9, жен. 12, итого 21, браков 8, умерших муж. 5, жен. 10, итого 15.

По ведомостям, составленным по новым формам, из прихода-расходных книг значится: к январю месяцу сего года оставалось деньгами наличными 19 руб. 18 коп., в продолжение года поступило 79 руб. 77 $\frac{1}{2}$ коп., всего в приходе с остаточными 98 р. 95 $\frac{1}{2}$ коп. Израсходовано 54 руб. 12 $\frac{3}{4}$ коп., затем к следующему 1873 году осталось наличных денег 44 р. 82 $\frac{3}{4}$ коп. В

частности, приход: кружечного сбора 28 руб. 32 $\frac{1}{2}$ коп., кошелькового 24 руб. 60 коп., чистой свечной прибыли 5 руб., итого по трем статьям 57 руб. 92 $\frac{1}{2}$ коп., сверх того пожертвований в пользу местной церкви 21 р. 9 $\frac{1}{2}$ коп., чистой прибыли от продажи венчиков и листов разрешительной молитвы 72 $\frac{1}{2}$ коп., всего наличными 79 руб. 77 $\frac{1}{2}$ коп. Расход: на исправление и украшение церкви и содержание оной 28 руб. 60 $\frac{1}{2}$ коп, отчислено процентного сбора на потребности учебной части духовного ведомства 8 руб. 43 коп., отчислено по распоряжениям съездов депутатов на содержание местных духовно-учебных заведений 3 р. 67 коп., на вспоможение бедным ученикам 78 коп., на пересылку денег по почте и другие мелочные издержки 12 р. 64 $\frac{1}{4}$ коп. – Всего 54 руб. 12 $\frac{3}{4}$ коп. сер.

По ведомостям о пожертвованиях значится: на вспоможение православному духовенству 15 коп., в пользу православных церквей и школ Западного края 7 коп., на восстановление православия на Кавказе 7 $\frac{1}{2}$ коп., на распространение православия между язычниками в империи 12 коп., на улучшение быта православных поклонников в Палестине 10 $\frac{1}{2}$ коп. Всего 52 коп. сер.

В приходском Попечительстве находится зернового хлеба 5 пудов на 3 р., деньгами 3 руб. – всего на 6 руб.

В приходской школе мальчиков 3, девочек 1, обоего 4.

В июне месяце сего года пожертвовано Архимандритом Ульяновского монастыря Матфеем в Нившерскую церковь: 1. штофной материи риза; 2. подризник шелковый; 3. епитрахиль; 4. препояс мишурной; 5. поручей две пары – одна шелковая, другая – бархатная; 6. Воздухов две перемены – одна шелковая, алая, другая – штофная; 7. дароносица аппликовая в сосуде для больных, что все доставлено церковным старостой.

Народное здравие в сем году в удовлетворительном положении, в октябре и ноябре был понос.

В справедливости всего вышесказанного подписуемся:
Священник Александр Попов.
Дьячок Виталий Сумароков.

*От Рождества Христова 1873 год
От сотворения мира 7381*

Апреля 18 дня стало теплее, а до сего было холодно, что особенно неприятно при недостатке сена.

[Апреля] 19 числа появились лебеди.

[Апреля] 22 числа прилетели утки.

На 23 ч. – Егорьев день – ночью тепло, что, по примете ижемцев, предвещает хороший урожай хлеба.

Мая 5. Река Нившера вскрылась, при пасмурной холодной погоде.

[Мая] 12 чис. В 3-м часу по полудни слышали раскаты грома на юго-западе; вечером дождь частый, но тихий.

[Мая 12 чис.] В тот же день кукушка куковала вдали от жила, что, по примете, предвещает хороший урожай хлеба.

[Мая] 16 ч. Некоторые начали сеять ячмень.

[Мая] 17 ч. Вознесеньев день, а на дворе холодно, утром снег, метель, при западном холодном ветре; скоту мученье – голод.

[Мая] 24 ч. Слава Богу, стало тепло, и даже жарко днем, а травы для скота еще нет.

Августа 1 дня. С вечера почти до полуночи была сильная гроза и дождь проливной, не причинивший, впрочем, здесь особенного вреда; а в деревне Лымве был сильный град с голубиное яйцо; хлеба повреждены в той деревне на третью часть.

Августа 5 дня некоторые принялись за жатву хлеба.

[Августа] 28, 29 и 30 число были иньи довольно сильные, но хлеба, как созревшие, не повредились.

Сентября 6 ч. Освящена деревянная церковь в деревне Большелужской, Вишерского прихода, по имя Святит. Николая Мирликийского Чудотворца.

Октября 3. Река Нившера покрылась льдом, при ясной тихой погоде.

Ноября 27 дня церковный староста Кирилл Михайлов доставил в местную церковь из Ульяновского монастыря пожертвованные тамошним Архимандритом Матфеем с братиею: потир, дискос, лжицу и два блюда накладного серебра; в благодарность за эти жертвы тотчас же Михайловым доставлено в монастырь собранного зернового хлеба до десяти пудов.

В сем 1873 году хлеб уродился очень хорош, зерном и соломой; поздние посевы повызябли. Сено поставлено хорошее, и в большем против прошлого года количестве. Цена хлебу весной 90 и 80 коп., осенью 60 и 75 коп. серебром.

Картофель уродился довольно порядочно. Ягод, грибов, черемухи и вообще древесных плодов было очень довольно, кроме малины.

Тетеревов и прочей дичи было мало.

В домах мух было много, под осень они стали кусаться.

Зима холодная, весна не теплая с большой водой, лето довольно жаркое, осень дождливая и продолжительная; громов летом мало.

В весенний промысел охотники настреляли белок от 100 до 150, продали по 90 к. и 1 р. десяток, осенью от 50 до 120, продали по 60 к. десяток, рябков от 5 до 25 пар, продали по 35 и 40 к. за пару.

По метрической книге сей церкви значится в настоящем году родившихся муж. пола 15, жен. 12, обоего 27, браков 5, умерших муж. 11, жен. 8, обоего 19.

По исповедным ведомостям сего года значится бывших у исповеди и святого причастия муж. 98, жен. 134; исповедавшихся, но не причастившихся муж. 10, женск. 11; не бывших у исповеди по малолетству муж. 60, жен. 55; по отлучкам муж 40, женск. 28; по опущению муж. 93, ж. 79. Всех жителей в приходе с духовенством и военными муж. 301, женск. 310, обоего 611, дворов 88.

По ведомостям из приходо-расходных книг значится: под лит. А. к 1 января сего года оставалось церковных денег 44 р. 82 $\frac{3}{4}$ к. В течение года поступило 81 р. 25 к., всего в приходе с остаточными 126 р. 7 $\frac{3}{4}$ коп. Израсходовано 99 р. 18 $\frac{1}{4}$ к. Затем осталось к следующему 1874 году 26 руб. 89 $\frac{1}{2}$ коп. В частности, приход: Б. кружечного сбора 22 р. 26 $\frac{1}{2}$ коп., кошелькового 27 р. 12 коп., чистой свечной прибыли 5 р. 2 коп. Итого по трем статьям 54 р. 40 $\frac{1}{2}$ к. Доходов с оброчных статей 25 р. 40 коп., чистой прибыли от продажи венчиков и листов разрешительной молитвы 1 р. 14 $\frac{1}{2}$ коп., итого по всем статьям 81 р. 25 коп. В расходе по ведомости В. на исправление и украшение церкви и содержание оной 56 руб. 68 $\frac{1}{2}$ к., отчислено процентного сбора на потребности учебной части духовного ведомства 8 р. 43 коп., отчислено по распоряжениям съездов на содержание местных духовно-учебных заведений 21 р. 99 $\frac{1}{2}$, на вспоможение бедным ученикам духовных училищ на счет венчиковой прибыли 1 руб. 23 к., на пересылку денег по почте и другие мелкие издержки 10 р. 84 $\frac{1}{4}$ коп. Итого 99 руб. 18 $\frac{1}{4}$ коп. серебр. По ведомости Г. о пожертвованиях значится: на вспоможение православному духовенству 14 коп., в пользу православных церквей и школ Западного края 6 к., на восстановление православия на Кавказе 9 к., на распространение православия между язычниками в империи 13 коп., на улучшение быта православных поклонников в Палестине 10 коп. – Итого 52 коп. серебром.

В приходском Попечительстве находится хлеба зернового 8 пуд. 5 ф., денег 4 руб. 58 коп. сер.

В приходской школе обучалось 3 мальчика и 1 девочка. Затем, по случаю открытия училища в погосте Вишерском на счет земства, с особым наставником от него, школа здесь закрыта. Народное здравие в сем году было в удовлетворительном положении, особенных болезней в приходе не являлось, кроме горячки и колотья.

В справедливости всего вышеписанного подписуемся:

Священник Александр Попов.

Дьячок Виталий Сумароков.

Публикация И.Л.Жеребцова

В. В. Власова

Система запретов и конфессиональные символы коми староверов: бытовые явления как маркеры группы*

Представления об окружающем мире как «мире антихриста» привели к формированию в рамках старообрядческой культуры определенного типа поведения, особенностью которого было сочетание эсхатологического ожидания с активным поиском возможности спасения. Исследователи отмечают, что бытовое поведение в случае, когда социум оказывается в положении изгоя, наделяется особым смыслом и дополнительными функциями, т.е. обыденное обретает в староверии знаковый статус [1]. Собранные нами сведения о запретах мы систематизируем в соответствии с теми сферами, к которым они относятся. Кроме того, их можно подразделить на безусловные, т.е. действующие во всех ситуациях и условные – такие ограничения, наказание за нарушение которых зависит от ситуации [2].

Во всех районах проживания староверов [3] существует устойчивый комплекс бытовых запретов, которые определяются как конфессиональные маркеры и нестарообрядческим населением, и самими староверами. Начнем с пищевых запретов, наиболее стойко сохранявшихся у всех групп в течение XIX–XX вв.

В начале XX в. миссионеры отмечали: «В 1903 году раскольники печорские изменили свой взгляд на создание Божие – картофель. Есть картофель прежде здесь считалось величайшим грехом и употребление его православными ставилось в вину церкви» [4]. В 1910-е гг. была записана верхневьчегодская легенда (дер. Прупт) о происхождении табака и картофеля: «Дочь царя согрешила с кобелем, их убили, останки закопали. Через некоторое время на месте их захоронения выросло красивое растение, которое люди стали

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Повседневная жизнь сельского и городского населения Коми края в XIX – XX веках».

выращивать, высушивать и нюхать. Это был табак. Через некоторое время мужик решил посмотреть, откуда растут эти травы, выкопав яму, он обнаружил, что табак растет из зада дочери царя, а картофель из кобелиной мошонки» [5]. Этот текст имеет аналогии с рукописью, которая была известна в середине XIX в. среди русских староверов [6]. Легенда о происхождении картофеля отражается в его локальных номинациях: *вижля мѡшня* вв., *пон кольк* вп. (=кобелиная мошонка, собачьи яйца). «Картошка слишком многоплодная, это «блудное» растение». «Местное название картошки – *вижля мѡшня* (=кобелиная мошонка). Назвали так, потому что быстро родится – 3 месяца и готово» [7]. На верхней Вычегде информанты отмечали, что местные жители картофель не ели довольно долго, хотя и выращивали на продажу, одна из женщин сказала «картошки было мало, да и зачем она, если хлеб есть» [8]. Негативное отношение к картофелю в конце XIX в. существовало не во всех старообрядческих группах. Так, А. Сивкова пишет, что Иван Малахевич Матеев, происходивший из известного на Удоре староверческого рода Рахмановых, был первым картофелеводом [9].

Долгое время сохранялись запреты на мясо некоторых животных (конина, зайчатина, медвежатина), либо мясо, заготовленное без соблюдения определенных правил. «Зайчатину грех есть – у зайца на лапах когти как у собаки, да и не жвачное он животное» (вп.) [10]. «Зайцев ели, медвежатину не ели, птицу, которая в силки попадала не ели (*джагадчем / лэчка кага*), я и сейчас не ем. Почему мясо медведя не ели не знаю. Катя баб шуку не ела» (уд.) [11]. На верхней Вычегде наряду с представлениями о зайчатине как нечистом мясе, существовало и другое. «Зайчатину вообще не ели, потому что заяц как собака ступает» «Заячье мясо не ели (пеж – нечистое), грех его мясо есть – у него уши чёрные». «Зайчатину есть можно, у него черные отметины» [12].

Легенды о проклятии / благословении домашних животных были записаны автором в 1999–2000 гг. Согласно им, мясо лошади – проклято, тогда как мясо в коровы (уд.), свиньи (вв.) – благословлено. «*Вѡв яй беслэн. Сія нилэдэ, кыскасе, шаткасе. Богородица из лэдз некытче вайны, первѡй вѡвлэ пырас, вѡв яслиѡ кѡсьес. «Мед же ме тан, вѡв яслиѡ вая, шоньд, туруна». И вѡв яслиѡ пырас пытшикас. «Тані, – шуас, – ме ог вермы рѡдитны. Ме мѡлита, мед тэ сетшѡм немтѡ груз кыскавны и немтѡ кокни тор». Водзе сія пырас мѡс яслиѡ. Мѡс яслиѡ пырас, мѡс нюлас сія, нюлас <...> сія любитас, сэтче сія и вае. Сэтшѡм мѡс бур карма. «Но, – шуас, – матенка, ме молита, мед тэ нем йѡл да яй сѡйны. Вердасны став свет йѡлѡн да яйѡн» [13] (Мясо лошади бесово. Она потеет, таскается, шатается. Богородицу никуда не пускали рожать. Она пришла к лошади, хотела в лошадиных яслях родить. «Пусть я здесь рожу, тепло, травы много». Зашла в лошадиные ясли. «Не могу, –*

говорит, – я здесь родить. Я буду молиться, чтобы тебе всю жизнь таскать груз и тяжести». Потом Она зашла в ясли к корове, корова облизала Её <...> она там и родила. Вот так корова хорошо сделала. Но, – говорит, – матенка, я вымолю, чтобы ты молоко да мясо давала. Весь свет кормила молоком и мясом). Схожая легенда, о проклятии лошади и благословении свиньи Христом (Христос сумел убежать и пытается спрятаться в яслях, лошадь копытами разворошила сено, а свинья наоборот пыталась Его укрыть) была записана в с. Н. Воч [14]. Легенды о проклятии лошади и благословении коровы / свиньи были записаны и на верхней Печоре [15].

Перечень продуктов, запрещенных к употреблению у коми староверов, практически идентичен таковому в русских старообрядческих группах (устыцилемы, старообрядцы Южного Урала, Верхокамья) [16]. В число «запрещенных продуктов» до начала XX в. (а в некоторых семьях до середины XX в.) входили картофель, чай, некоторые сорта рыб и мясо, добытое или приготовленное без соблюдения определенных правил. Запреты были связаны с представлениями о нечистоте некоторых животных. Согласно мифологическим текстам, зайцы были сотворены и Омолем (темный демиург, после христианизации отождествляется с дьяволом), и Еном (Бог). После долгих споров они пришли к компромиссу, и зайцы были признаны общей собственностью [17]. Отсюда двойственное отношение коми зырян к зайцам: большая часть считает зайцев, как творение Бога, желанной добычей, но некоторые – созданием нечистого, что обосновывают наличием когтистых лап, отсутствующих у других травоядных. В Библии же заяц отнесен к числу нечистых животных (Лев 11:6; Втор 14:7). На Удоре староверы не ели давленное мясо, в силу чего мужчины из старообрядческого рода Рахмановых при охоте не использовали ловушки: силки, слопцы. Прямого запрета на мясо удушенной дичи нет, но в Библии присутствует фраза, что «если кто ... поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен дать вытечь крови ее и покрыть землю» (Лев 17:13), можно провести параллель и с библейской фразой «душа тела в крови» (Лев 17:11). Достаточно долго во всех регионах существовал запрет на чай, кофе, сахар. В данном случае представления о нечистоте переносились на «новые»=неизвестные растения и продукты. На средней Печоре до середины XX в. бытовали рассказы о том, что при производстве сахара используют человеческие кости [18]. Чай заменяли традиционные напитки: квас, заварки зверобоя, шалфея, чашелистиков морошки, черемухи. «Староверы вместо чая пили и пьют квас. В чугуна наливают 5 литров воды, размешивают ржаную муку 2 кг, ставят в печь, где квас бродит всю ночь, становится густым, окрашивается в коричневый цвет. Воду доливают и ставят в протопленную печь на полдня. Затем вынимают из печи, добавляют дрожжи и выливают в бутыль. Через день два – квас готов к употреблению» [19].

Со временем почти все запреты стали «условными» или исчезли вовсе, уже с начала XX в. староверы всех групп ввели в свой рацион картофель и чай, а епархиальные миссионеры отмечали, что в старообрядческие села постепенно проникают пагубные привычки – курение, пьянство. К.Ф. Жаков, посетивший в начале XX в. с. Керчомья, записал объяснение старообрядческого наставника, что «водку употреблять нельзя, потому что первым виноделом был Кузь-бѣжа (антихрист)» [20]. Длительное время сохранялись ограничения на употребление спиртного, в первую очередь в обрядовых трапезах. «Вина много пить нельзя. Сразу после погребения едят на кладбище, молятся, всех приглашают, всем подносят, никого не обходят. Мужики пьют, женщины нет», «Раньше на *карезнях* (поминках – В.В.) не пили, такого чуда не было» [21]. В настоящее время вино (водка) является непременным атрибутом поминальной трапезы, но информанты отмечают, что подобной практики раньше не было. Одна из наставниц на вопрос о допустимости употребления спиртного зачитала отрывок из Устава Соловецкого, который, по ее мнению, свидетельствует о том, что в небольших количествах пить вино допустимо [22].

Дольше остальных в старообрядческой среде держался запрет на употребление **табака**. В начале XX в. удорский наставник М. Бозов писал: «До этого табака не было, этот же благочестивый государь (М.Ф. Романов – В.В.) принимал все меры, чтобы табак не был принят к употреблению, и особенно духовным лицам совсем воспрещено употреблять, таковое вредное влияние на отогнание Св. Духа» [23]. «Курить табак нельзя, потому что его цветы не увяли в день Распятия Христа» [24]. «Табак не курили, не нюхали. Почему, не хочу говорить. Умерла одна женщина, голую ее похоронили, из лобка вырос табак» [25]. Мотив о произрастании табака из праха грешного человека в разных вариантах существует и у русских, и у других европейских народов [26]. Т.Ф. Волкова отмечает, что в старообрядческой среде получили широкое распространение и письменное закрепление обличительные легендарные сюжеты, отличающиеся резкой негативной оценкой пристрастия к табаку [27]. В настоящее время курение является распространенным явлением среди мужчин, курение женщин по-прежнему оценивается крайне отрицательно.

В комплекс **бытовых** запретов входили, прежде всего, поведенческие правила, регулировавшие повседневное общение староверов и нестароверов, обращение с посудой и др. Запреты на контакты с мирскими и необходимость последующего очищения обуславливались представлениями старообрядцев об окружающем мире как «мире антихриста». Старообрядческие общины коми, как и во многих других регионах, разделялись на две категории верующих: *истых* или *верных/старообрядцев* и *мирских*. *Мирскими (мирянами)* называют людей, исповедующих староверие, но не исполняющих всех религиозно-бытовых предписаний. Принадлежность к этим категориям

не была строго фиксирована, *мирской* мог стать *истым* после исповеди, в свою очередь *истый* мог омирщиться. До начала XX в. охота и рыболовство занимали значимое место в жизни коми; широко было распространено отходничество. Естественно, что уходя на промысел, мужчина не мог в полной мере соблюдать все правила «старой веры». «Муж (Егор) поехал на охоту вместе с другом, который старовером не был. Сварили кашу, Егор в котелке провёл ложкой черту: «Ты ешь с этой половины, а моё не трогай». Первое время так и ели, а потом надоело, стали вместе питаться. Приехал Егор домой, мать первым делом спросила: «Как ел-пил?» Он рассказал, признался, чтобы очиститься, читал молитвы по книге» [28]. «Исправа» при переходе в староверы на Удоре заключалась в шестинедельном посте, усердных молитв и покаянии, после чего на человека накладывалась епитимья [29]. Подобная практика существовала и у печорских староверов: мужчины, работавшие на лесозаготовках, по возвращению домой исповедовались, а затем исполняли наложенную епитимию. Отступление от установленных норм – тесное общение с иноверцами – было обусловлено хозяйственной необходимостью и допускалось во многих старообрядческих общинах [30].

Существование отдельной посуды является, пожалуй, наиболее ярким атрибутом, характеризующим, по мнению обывателей, старообрядческий быт: «Староверы считают грехом общаться с *мирскими*, пользоваться общей с ними посудой» [31]. «*Сунис мед тѡдам, если староверский гѡсть воис, да мед тѡдам, что тая ложка староверскѡй, сѣтче сунис дѡмав, ог и путайтѣ мирскѡйес. Сунис сѣд, ложка еджыд. Кодкѡ кѡ босьтас – мирщитчас, бокынджык и видза. Ложка пуысь. Обычно сѣя пуысь карасны*» (Нитку повязывали, чтобы знать, если пришел в гости старовер, то это староверская ложка, нитку навяжи и не спутаешь с мирской. Нитка черная, ложка белая. Если кто-то возьмет – обмирщится, в стороне и держим. Ложка деревянная, обычно они деревянные делали) [32]. Информанты отмечают, что староверы готовили еду отдельно, ходили со своей посудой в гости, вытирались особым полотенцем. Существовали правила, позволявшие очистить «замирщившуюся» посуду или освятить купленную. «Когда на сенокос ходили, дети пили из ее (матери) кружки, просто, чтобы побаловаться. Она ругалась, говорила: «Опять мою кружку мирщили». Бросала с молитвой в огонь, если дома, то в печку» [33]. «*Мирскѡй кѡ босьтас – нинѡм оз ло, мирскѡй лоас. Магазинысь кѡ ньѡби, мыськи и должен кадитны <...> кутиѡм вера мян – разнѡй посудайсь сѣй, веруйтѡ кѡ*» (Если мирской возьмет – ничего не случится, мирской (посуда – В. В.) станет. Если в магазине купил, надо вымыть и покадить <...> какая вера у нас – ешь из отдельной посуды, если веруешь) [34]. Таким образом, так называемое «чашничество» в среде коми староверов, также как и у русских [35], являлось одним из наиболее устойчивых признаков

староверия, расценивалось как конфессиональный маркер самими староверами и их соседями. «У меня брат женился на важгортской, так там у каждого своя чашка, ложка, если тронешь, то могут и проклясть» [36].

В начале XX в. миссионеры отмечали, что печорские староверы «не любят также вещей, где имеется проба, так что зазарают носящих серебряные кресты, где пробита проба. Не прививают оспу, даже хвалятся выздоровев от болезни, своим изрытым оспой лицом, т.к. между ними распространено мнение, что по смерти в могиле все ямки, образовавшиеся от оспы на лице покроются золотом» [37]. «Зыряне любят баню (ходят почти каждый день), некоторые раскольники совершенно не ходят в нее, они даже считают грехом чисто мыть свою избу. Не моются раскольники главным образом из подвига и боязни осквернения (в бане вода (поганая) может попасть в рот и внутрь и осквернить» [38]. На наш взгляд, эти сведения, представленные местными священниками, следует рассматривать критически, поскольку последние стремились продемонстрировать «дикость» и «невежество раскольников». Материалы Ю.В.Гагарина [39] и собственные наблюдения автора свидетельствуют, что на протяжении XX в. в страннической среде на верхней Печоре существовало негативное отношение к документам, которые связывали человека с «миром антихриста», поэтому «ушедшие из мира» отказывались от документов, пенсии, медицинского обслуживания. В 1969–1970-е гг. от пенсий отказывались и староверы, они мотивировали это тем, что «пенсию получать грех, надо своим трудом жить. Если искалечен на войне или всю жизнь трудился, то можно, а для нас, которые в своем хозяйстве живут, она даровая» [40].

Бытовали и другие правила «запретного» характера. На верхней Печоре перед умыванием перекрещивали воду, вытирались осторожно, чтобы не стряхнуть её с рук, иначе не успеешь обтереться, как на пальцы бесы насыдут. Поверх открытого сосуда с водой кладут палку – *вуджёр*, объясняя это тем, что в противном случае её осквернят бесы. Следует отметить, что подобный обычай существует и в районах с старообрядческим населением (на Мезени, Сысоле и т.д.). В одном из Цветников (с. Чупрово) приведен рассказ о встрече старца и беса, который «осквернился от блудных жен» и говорит старцу, что Бог «повелевает ангелу водному отгонять нас оружием огненным» от источников и рек, умывается же бес «в домах христиан» и где найдет незакрытые сосуды. Верхнепечорские староверы считали, что вилкой пользоваться нельзя: на том свете за это тебя черти будут тыкать вилками в бок [41]. В настоящее время во многих семьях предпочитают есть ложками, хотя прямого запрета нет, практически везде запрет на использование вилок распространяется на обрядовые трапезы.

Информанты отмечают, что поведение за столом было строго регламентировано, хотя сейчас эти традиции уже не соблюдаются. Пожилые женщины

читают молитву до и после еды, тогда как другие члены семьи этого не делают, на совместных трапезах молитвы читают все присутствующие женщины. Одной из черт, характеризующих староверов и их образ жизни, являлось строгое соблюдение поста. Т.А. Воронина отмечает, что чередования поста и мясоеда являлись основой народного питания [42]. В старообрядческой среде до настоящего времени говорят о необходимости соблюдать как многодневные посты (Великий, Петров, Успенский, Рождественский), так и однодневные – в среду и пятницу, редко – в понедельник (Удора). «Прежде чем сесть за стол обязательно молились. Первым садился отец, потом братья по старшинству. Кто где сидит – там и сиди. Вилочка раньше не было, рыбу и мясо ели – *мачкали*, *мачитны* (брали пищу, при помощи кусочка хлеба и пальцев – В.В.). Прежде чем взять какой-то кусок, присмотрись, потом уже и бери, а не выбирай. Суп ели из одной тарелки <...> За столом нельзя громко говорить – грех. Раньше соблюдали все посты, в основном, мама детям не давала молочного. В пост (*кос лун*) ели рыбу, капусту, свеклу, редьку. В обычные дни (*уль лун*) мясо, молоко, масло. Хлебный квас всегда на посту был, в тугесе хранили. Когда хлеб ешь, то нельзя отщипывать, надо ломать, говорили хлеб *ен дар божий*» [43]. «Староверы много молятся, бога знают, молитв много читают. Соблюдали все посты. Едят перекрестятся, до еды перекрестятся», «Перед едой обязательно молились: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас. Мама стоит у печи, подаёт на стол. Ели все вместе из одной большой тарелки. Постовать начинали с 2-3 лет, как говорить научатся, так сразу с этого же времени молились, ничего без молитвы не делали» [44]. Именно в семье ребенок впервые узнавал об этикетных и бытовых нормах, приобщался к религиозной традиции. Наставницы указывали на необходимость жить с «сердцем смиренным», путь к спасению видели в посте, молитвах и соблюдении обрядово-бытовых норм [45]. Значительное место в повседневной жизни верующего занимали ежедневная молитва, чтение духовной литературы и ритуальные «прощения». Повседневная моленная практика включала молитвы в полночь («полуночица»), утреннюю, дневную и вечернюю, счет велся по лестовке, причем обязательно было чтение от 2 до 5 лестовок [46]. На верхней Печоре мы зафиксировали вариант перечня необходимых ежедневных / еженедельных молитв. «Молитвы надо каждый день читать. В понедельник: Слава тэбэ Боже наш, слава тэбэ (столько, сколько можешь). Среда: Слава Господи Кресту Твоему Честному. Четверг: Святые Апостолы моли Бога о нас и святитель Христов Николае; Пресвятая. Пятница: Слава Господи; Пресвятая Богородица. Суббота: Святей всем (один раз обязательно, а потом сколько сможешь). Если брал *милостину*, то читаешь Упокой Господи души усопших раб твоих. Надо три поклона положить. Воскресенье: Слава Господи Воскресению Твоему – 2 раза. Слава Господи Кресту Твоему и воскресению.

Иисусову молитву и Пресвятая надо читать каждый день. Счет молитвам ведется по лестовке» [47]. Повсеместно существуют определенные этикетные правила, которые самими жителями расцениваются как вариант покаяния. «В день надо хотя бы троим сказать: «Господи, прости меня грешницу». Может тогда Бог простит <...> Ваня сейчас мучается, мучаться и надо, а то кого-то ударит, да умрет, даже проститься не может. Без прощения, ничего хорошего нет» [48]. Все пожилые женщины, с которыми беседовал автор в ходе экспедиций, указывали, что перед сном необходимо прочесть молитвы и проститься («Господи, прости меня грешную»). На Удоре прощаясь, женщины часто произносят: «*Прѣститѣ менѣ, грешникаѣс*» (Прости меня, грешницу). После чего следует ответ: «*Аминь Бог прѣститас. Тѣ менѣ прѣстит*» (Аминь Бог простит. Ты меня прости).

А.А. Чувьуров описал покаянные молитвы окружающей природе, бытующие на верхней Печоре (с. Соколово, дер. Кожва). Эти молитвы читаются утром, по пробуждении и вечером перед сном. Обращаясь к Печоре-матушке, солнцу, луне, молящийся просит «*прѣститѣй менѣ грешникаѣс и благѣсловитѣй менѣ – асывнас сувта, а гашкѣ, нин, рытсѣ ог аддзы*» (простите меня грешника и благословите меня – утром пробудился, а вечера, может и не увижу) [49]. Обязательным для всех молитв является формульное словосочетание «проститѣй и помилуйтѣй». А.А. Чувьуров считает, что распространение подобных форм исповеди (земле, воде) может рассматриваться как эволюция церковного института исповеди без духовника. Схожие явления – исповедь лесу, земле, бытующие среди устьцилемов, описаны Т. И. Дроновой [50].

По мнению О.М. Фишман, обособленность старообрядческих общин закреплялась в числе прочего и «системой материализованных этноконфессиональных символов»: лестовки, подручники, одежда, иконы, книги, которые являлись неотъемлемой частью повседневной жизни. Эти символы, усваиваясь с детства и сопровождая человека в течение всего жизненного пути, способствовали культурной консолидации группы [51]. Государство и официальная церковь вели активную «противораскольническую» деятельность, частью которой являлось изъятие богослужебных книг, а также предметов, которые свидетельствовали об «уклонении в раскол». В 1872 г. у важгортских крестьян Бозовых были «изъяты 8 книг, 7 холщевых подколеников, кожаные порванные четки, медные отливные иконы и кресты – 18 штук» [52]. В 1851 г. в с. Керчомья у крестьян старообрядцев были «отобраны иконы, книги и другие вещи до богослужения относящиеся, отосланы в Духовную консисторию на распоряжение с тем, чтобы если те книги окажутся противными православию и единоверию, доставить их в Министерство внутренних дел» [53]. Печорский наставник Николай Мартюшев указывал, что «иконам мы, если не в церкви и сами по себе поклоняемся, в особенности предпочитаем медныя иконы,

также и деревянные, с изображением на них двуперсто-сложенного креста» [54]. Основываясь на имеющихся у нас данных, можно предположить, что популярность литых икон среди коми староверов в XIX – начале XX в. объяснялась существовавшими представлениями об их «древности» и иконографическими особенностями (изображение двуперстного знамения). Среди местного духовенства и чиновников сформировалось мнение, что литые иконы, лестовки являли собой видимые признаки принадлежности к расколу.

Книга являлась непреложной основой всего комплекса религиозных и социально-культурных явлений в системе христианской культуры, старообрядчество сохранило древнюю «дониконовскую» книгу – основу своей веры и культуры [55]. На книжном знании и умении толковать Писание основывался авторитет наставников, базировалась обрядовая и повседневная жизнь верующих. В конце XIX – начале XX в. в на Удоре и верхней Печоре была налажена переписка книг. Исследователи отмечают, что большое количество рукописных сборников, распространенных среди удорских староверов, были созданы людьми, отличавшимися большой начитанностью в области духовной литературы. Многие проходили обучение на территории Каргопольского уезда и Северодвинского края, обладали «профессиональными» навыками составления рукописных сборников. Среди представителей известных старообрядческих династий Удоры навыки составления и переписки книг передавались по наследству (например, род Рахмановых – Матеевых – Палевых) [56]. В конце XIX в. книгописание появляется в селах на Печоре: Медвежском, Аранце, Щугоре и Подчерье [57]. В это время, по информации Ю. В. Гагарина, в пустыни на р. Илыч переписывали книги братья Бажуковы (умерли до 1910 г.), которые специально ездили в Москву, где покупали книги для переписки. Книги писали тетеревиным пером, а чернила изготавливали из ягод и смолы [58]. В 1920-е гг. на книги переписывали в деревнях по р. Щугор (дер. Климады, Большой и Малый Поток, Горд-ю, Сед-ю, Кедровый) и на р. Подчерем (Емель-Устье) [59], скорее всего в скитах скрытников, которые появились в это время на верхней Печоре, кстати, судя по всему книги здесь не только переписывали, но и печатали на машинке: в келье местного наставника Евареста в 1930 г. была обнаружена печатная машинка [60]. Меньше всего информации сохранилось о рукописной традиции верхней Вычегды, в 1976 г. Л.С. Грибова в с. Керчомья видела несколько рукописных книг. Их владельцы сообщили, что рукописные книги «делал» Дзоль Иван (Иван Иванович Катаев), рукописную Псалтырь, хранившуюся у пожилой женщины, переписывал «некто Егор из Катыд пома», причем он же делал и оклад [61].

Верующие трепетно относились к своим святыням, укрывая их от опасности. В 1860 г. Федор Куньгин перед тем как скрыться от местных властей

спрятал в лесу мешки книг. Его односельчанин П.А. Мезенцев (РПЦ) нашел один из тайников (ящик с восьмью книгами), но местные жители не позволили отдать книги священнику [62]. В 1960–1970 гг. ходили рассказы о книгах, спрятанных в лесу. Так, по рассказам жителей в 1930–1940-е гг. И.И. Шахтаров вывез из с. Щугор четверо полных саней книг [63].

В настоящее время навыком чтения на церковнославянском владеют единицы, это одно из основных требований, предъявляемых к кандидату на должность наставника. На Удоре наставница, готовя себе преемницу, обучает её читать и разбирать старославянские тексты, а также «гласу» (пению молитвословий на службах), на верхней Печоре обучение грамоте происходило в скрытнических кельях, практически везде есть люди, которые осваивали старославянскую грамоту самостоятельно. Нельзя не отметить тот факт, что в настоящее время при проведении обрядов все чаще зачитывают выписки из соответствующих литургических книг. Повсеместно было принято «завещать» книги и иконы родственникам или односельчанам. Иногда они содержат пометки, оставленные предыдущим владельцем, на которые читающий должен обратить особое внимание.

Обязательным предметом современного интерьера является божница (*енко, енчом*), расположенная в восточном углу дома. Для верхней Вычегды характерно украшение божницы вышитыми полотенцами, часто иконы стоят за «занавесками» также украшенными вышивкой. В старообрядческих домах на Печоре и Удоре подобная практика не встречается. В домах некоторых староверов иконы стоят не в божнице, а за шкафом, в шкафу или в другом укромном месте. В д. Острове на вопрос, почему иконы хранятся за шкафом, женщина ответила, что там их хранила её свекровь [64]. Зачастую иконы находятся в женской части избы, расположенной напротив печи, отгороженной от остальной части дома деревянной перегородкой или занавесками. На Печоре и Удоре иконы установлены на специальных навесных деревянных полочках (одно- или двухъярусных), крепящихся к стене. Староверы Урала также хранили собственные иконы на специальной полке за занавесками, схожие полки есть у устьцилемов [65]. Наличие подобных «переносных иконостасов» у коми, на наш взгляд, объясняется тем, что в случае прихода нежелательных посетителей полки вместе с иконами можно было легко снять со стены и перенести в другое место. Наблюдатели XIX в. отмечали, что в своем доме староверы имели и чествовали свои особенные иконы, ставили их в разные углы и завешивали платом, чтобы они не осквернились от созерцания их другими. Иконам в переднем углу члены семьи не поклонялись, так как они были предназначены для проходящих (являлись «нечистыми»), даже если они были древнего письма [66]. В настоящее время данная аргументация постепенно утрачивает актуальность, иконы хранят в укромном

месте в силу традиции и из-за боязни кражи. Интерес, который проявляют к ним не только исследователи, музейные работники, но и собиратели антиквариата, способствует формированию отношения к иконам не только как к святыням и семейным реликвиям, но и как к вещам, представляющим значительную материальную ценность.

Как правило, владельцы икон знают, какой именно святой или сюжет изображен (это касается изображений Богородицы, Св. Николая, Христа, Распятия). В то же время многие сюжеты верующим незнакомы: пожилая женщина, показывая икону «Спас Благое молчание», утверждала, что это изображение Богородицы. Гораздо лучше знакомы с иконографией местные наставницы и молящиеся: демонстрируя автору литые иконы, одна из наставниц не только называла изображение, но рассказывала, в каких случаях надо обращаться к тем или иным святым. Например, образу «Преподобного Нифонта – прогонителя бесов» надо молиться об избавлении супруга от пьянства, Богородице – о семейном благополучии и женском здоровье [67]. Вероятно, именно таким образом происходила передача знаний рядовым членам общины. Здесь мы сталкиваемся с прямым сопоставлением изображения с письменным текстом, происходит своеобразное «прочтение» иконы.

В повседневной жизни обращение с иконами в значительной степени ритуализировано. Практически повсеместно существует убеждение, что иконы необходимо доставать из божницы только правой рукой, так как левая является «нечистой». Ни в коем случае нельзя класть икону изображением вниз, данное правило распространяется и на литые, и на писанные образа. Среди староверов Вашки существует обычай класть литой крест Распятие в колыбель младенцу вместе с хлебом и солью, чтобы уберечь его от сглаза и болезни. Воду, в которую погружали икону, использовали для омовения больного и русские крестьяне [68]. Литые образа являются атрибутами ритуалов, маркирующих конфессиональную принадлежность – крещения, погребально-поминальной и праздничной обрядности. Повсеместно на Пасху образа чистят, используя при этом известь, брусничную воду (*лувья ва*), простоквашу (*шома й'ов*). Воду, которой мыли образа, выливают либо на улицу со стороны красного угла (также поступают с водой, оставшейся после крещения младенца), в такое место, где никто не ходит, либо поят ею скот. На Удоре и верхней Печоре считают, что литой образок должен быть в лесной избушке [69]. Литые образки или небольшие складни ставят с внутренней стороны над дверями амбаров и хлевов. Следует отметить, что зачастую они имеют дефекты: изображения на них затерты (не видны лики). Небольшие образки обязательно берут в дальнюю дорогу. Как и раньше, литые иконы принято давать в приданое. В случае, если нет иконы или образа, делят складень, несмотря на запреты.

Предметы культа, правила поведения, принадлежность к определенной страте старообрядческой общины обретали особое значение в ходе проведения служб. В исследуемых районах сохранилась традиция проведения годовых праздничных служб. Как правило, они проходят в доме наставницы или в домах, куда молящиеся были приглашены хозяевами. Иконы устанавливаются на противоположной от входа стене, для чего используются деревянные полочки (иногда двухъярусные). Разным было и поведение отдельных категорий староверов «*Тан мян старовер бабьес ордё локтёны деревняис асланыс, чисто татчё локтёны Тойна и Путикёмаа. И дедьяс вёлі бур молитчись. Аб кё старовер, тэ только эн молитчы, а желайтё кё кывзыны мольбасе ... тэ сувт*» (Тут к нашим бабушкам староверкам приходила вся деревня, только сюда приходили из Тоймы и Пучкомы. Старики (мужчины) тоже хорошо молились. Если не старовер, ты только не молись, а хочешь слушать молитвы ... ты стой) [70]. Информанты на Вашке отмечали, что *мирские* стоят у входа, т.е. максимально удалены от центра с иконами. Вместе с тем, встречаются упоминания о том, что *мирские* и *староверы* молились в разных комнатах (но не помещениях); возможно, ранее это было одно помещение с перегородкой. Во всяком случае, такая практика «разделения» молящихся была у проживавших по соседству русских староверов [71].

Система бытовых запретов и предписаний, существовавшая у коми староверов, была идентична таковой у русских и по содержанию, и по функциям. Более строго контролировалось соблюдение групповых норм и правил, относящихся к сакральной сфере: использование книг и икон, специфика богослужбной практики, тогда как большая часть бытовых запретов была нестабильна и существовала лишь в устной традиции. Посредством декларирования определенных правил создавался барьер между «своими» и «чужими». Разделение в посуде, ношение одежды определенного цвета и покроя, отказ от ряда продуктов, ярко выраженная религиозность и т.п. определяли конфессиональную принадлежность индивида как на внутригрупповом, так и на межгрупповом уровне. В то же время в старообрядческих запретах нашли отражение идеи христианского аскетизма, неприятия никонианского мира, общехристианская идея спасения.

Список сокращений

ВЕВ – Вологодские епархиальные ведомости
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
НАРК – Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми»
НА КНЦ УрО РАН – Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук

Литература и источники

1. Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: Очерки истории и традиционной культуры. Уфа: «Гилем», 2002. С. 137.
2. Никитина С.Е. Устная традиция в народной культуре русского населения Верхокамья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982. С. 98.
3. Староверие было распространено в трех районах, заселенных коми: на Удоре (среднее течение р. Вашки, приток Сев. Двины, современные Важгортский, Пучкомский и Чупровский с/с, Удорский район РК); в верховьях р. Вычегда (совр. Керчомский и Вочевский с/с, Усть-Куломский район РК); на верхней Печоре (совр. Троицко-Печорский, Вуктыльский и Печорский районы РК). На Удоре и Печоре большинство жителей следовало учению поморского согласия, здесь было незначительное число филипповцев, с конца XIX в. в этих районах появляются последователи учения истинно-православных христиан (странствующих) или, как их называли, бегунов, скрытников. Крестьяне верхней Вычегды являлись приверженцами нетовского толка. В XIX – начале XX в. в большинстве коми деревень староверы и сторонники официального православия проживали совместно, причем последние, как правило, составляли большинство, исключение составляли печорские деревни.
4. Отчет о деятельности Православного Стефано-Прокопиевского Братства // Приложение к ВЕВ. 1904. № 7-8. С. 19.
5. Fokos-Fuchs D.R. Volksdichtung der Komi (Syrjänen). Budapest, 1951. S. 239-241.
6. «Царь именем Мамерь имел дочь едину и держал ее в особой палате, и при ней водилась девица служанка, которая усмотрела, что она по дьявольскому действию совокуплялась со псом. Царь велел ю ввркши в ров глубок и пса наверх ея, и завалить земле, в древние годы было. А в последнее время, в пришествии сопотивников закона, поседми тысящи прихода его, открылась всем на пагубу; в Персию человек послан был собирать цветы для исцеления, обнаружил неизвестную траву. Раскопали место – жилы и по жилам круглые яицы и докопались до костей, и вышла из тайных удь и костей и они сплетении яица и стали лечить человека очень расслаблена и вылечили. Картофель распространили и в Россию дошла» (ЦГИА. Ф. 797. Оп. 14. Д. 33811. Л. 4).
7. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 570. Л. 13, 30.
8. Там же. Л. 20.
9. Сивкова А. Н. Заповедная книга // Арт (Лад), 2000. № 4. С. 139.
10. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 79. Л. 176.
11. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 569. Л. 27.
12. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 570. Л. 10, 19, 13, 30.
13. Коровина А.А. 1915 г. р., с. Чупрово, Удорский р-н, зап. 2000 г. Власова В.В.
14. Булышева Е.А. 1914 г.р., с. Н. Воч, Усть-Куломский р-н, зап. 1999 г. Власова В.В.
15. Чувьуров А.А. Материалы фольклорно-этнографических и археографических исследований коми (тексты и комментарии) // Материалы по этнографии. СПб.: «Деловая полиграфия», 2004. Т. II: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. С. 191-193.

16. Дронова Т.И. Русские старoverы-беспоповцы Усть-Цильмы: конфессио-
нальные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX – XX вв.). Сыктывкар:
Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2002; Никитина С.Е. Указ. соч. С. 98-99; Данилко Е.С.
Указ. соч. С. 136-157.
17. Конаков Н.Д. Мифология народов коми о «братьях наших меньших» // Где
ты живешь. Гипермедиа энциклопедия. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2006.
1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.
18. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. Л. 27.
19. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 79. Л. 32.
20. Жаков К.Ф. К вопросу о составе населения в восточной части Вологодской
губернии. М., 1908. С. 7.
21. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 569. Л. 20, 10.
22. Там же. Л. 15.
23. НАРК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 304. Л. 6.
24. Жаков К.Ф. Указ. соч. С. 7.
25. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 569. Л. 27.
26. Волкова Т.Ф. Повести и легенды о табаке в контексте мифопоэтических
представлений о смерти // Смерть как феномен культуры. Межвузовский сборник
научных трудов. Сыктывкар: СыктГУ, 1994. С. 79.
27. Там же. С. 83.
28. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 570. Л. 19.
29. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 70. Л. 5.
30. Данилко Е.С. Указ. соч. С. 141.
31. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. Л. 7.
32. Калинина Р.А. 1918 г.р. с. Пучкома, Удорский р-н, зап. 1999 г. Шлопова Л.Н.,
Власова В.В.
33. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 569. Л. 22.
34. Дорофеева А.И. 1936 г.р., дер. Острово, Удорский р-н., зап. 1999 г. Шлопова Л.Н.,
Власова В.В.
35. Данилко Е.С. Механизмы самосохранения русских и финно-угорских
старообрядческих общин Урало-Поволжья: Автореф. дис... д-ра истор. наук. М., 2007.
С. 35.
36. Пархачева А. К. 1932 г.р., с. Кослан, Удорский р-н, 1999 г. зап. Власова В.В.
37. В Печорском крае // Прибавления к ВЕВ. 1904. № 15. С. 395.
38. Там же. С. 369.
39. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 167.
40. Там же. Л. 53.
41. А КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 79. Л. 175, 176.
42. Воронина Т. А. Особенности соблюдения постов в народной среде в XIX
века // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических
исследований. М.: Наука, 2001. С. 53.
43. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 569. Л. 7.
44. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 570. Л. 17, 29.
45. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 167. Л. 49.
46. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 167. Л. 41.

47. Растворова Н. М. 1937 г.р., с. Покча, зап. 2007 г. Власова В.В.
48. Коровина А. А., 1915 г.р., с. Чупрово, зап. 2000. Власова В. В.
49. Чувьуров А. А. Печора-матушка, прости, помилуй меня, грешного ... // Арт (Лад), 2000. № 4. С. 134-135.
50. Дронова Т. И. Указ. соч. С. 101-102.
51. Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М.: Индрик, 2003. С. 201.
52. НАРК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 304. Л. 59.
53. НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 133. Л. 40.
54. НАРК. Ф. 99. Оп.1. Д. 911. Л. 65.
55. Поздеева И.В. Книга – личность – община – инструменты воспроизводства традиционной культуры (30 лет изучения старообрядческих общин Верхокамья) // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Материалы научной конференции. Пермь, 2001. С. 11.
56. Прокуратова Е.В. Общая характеристика // Старообрядческий центр на Вашке: Устная и письменная традиция Удоры. Материалы и исследования / Отв. ред. А.Н. Власов. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 2002. С. 20.
57. Балашов Д.М., Бегунов Ю.К. Поездка за рукописями в Печорский район Коми АССР в 1960 г. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. XVIII. С. 421.
58. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. Л. 6.
59. Балашов Д. М., Бегунов Ю. К. Указ. соч. С. 421.
60. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 167. Л. 35.
61. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 39. Л. 73об., 74.
62. НАРК. Хр. 1. Ф. 99. Оп. 1. Д. 911. Л. 40.
63. Балашов Д. М., Бегунов Ю. К. Указ. соч. С. 421.
64. Созонова О.К. 1924 г.р. дер. Острово, Удорский р-н, 1999 г. Зап. Власова В.В.
65. Данилко Е. С. Механизмы самосохранения русских. С. 38; Дронова Т.И. Указ. соч. С. 26.
66. Обзорение пермского раскола так называемого «старообрядства» / Сост. А.П.[архим. Палладием]. СПб., 1863. С. 181.
67. Сивкова А.И., с. Пучкома Удорский р-н, зап. 1999 г. Власова В.В.
68. Цеханская К. В. Икона в жизни русского народа. М.: Православный паломник, 1998. С. 143.
69. Шлопов А.А. 1936 г.р., с. Пучкома Удорский р-н, зап. 1999 г. Шлопова Л.Н., Власова В.В.; Растворов Л.А. 1929 г.р., с. Покча Троицко-Печорский р-н, 2007 г., зап. Власова В.В.
70. Созонова О.М. 1917 г.р., д. Острово, Удорский р-н, зап. 1999 г. Шлопова Л.Н., Власова В. В.
71. Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Раскол среди русского населения. Гл. IX // Труды этнографического отдела Императорское общество любителей антропологии, естествознания и этнографии. М., 1877. Кн. V. Т. XXX. Вып. 1. С. 213.

И.И. Лейман

**«Премудрости» и казусы ярмарочного дела
в XIX – начале XX в.
(на примере Европейского Севера России)***

В XIX – начале XX в. ярмарки, имевшие официальный статус, проходили строго в соответствии с законодательством, а сам порядок их проведения зависел от множества факторов.

«Смотря по обстоятельствам и удобствам», ярмарки могли учреждаться в городах и селениях. Для этого необходимо было назначить «время и место», причем сроки проведения ярмарок должны были распределяться так, чтобы «приезжающие на оныя, за окончанием одной ярмарки, могли поспевать на другую» [1].

Преимуществом ярмарочной торговли, привлекавшим к участию в ней большое число торговцев, было право беспошлинной торговли. Еще в 1814 г. был издан закон, согласно которому ярмарки объявлялись «общим рынком», на котором «свободная торговля всем состояниям должна быть дозволена беспрепятственно» [2]. Это право было несколько ограничено в 1883 г., когда от уплаты пошлины за право торговли освобождались торговцы на ярмарках V разряда, продолжавшихся менее семи дней [3].

С 1807 до 1883 г. ярмарки разделялись на главные и обыкновенные. Главными ярмарками были Нижегородская, Ирбитская и Коренная; их отличие от обыкновенных ярмарок заключалось в праве беспошлинной торговли для иностранных торговцев, «коим внутренний торг в России во всяком случае запрещается» [4]. Впоследствии иерархия ярмарок усложнилась. Согласно Уставу о налогах 1893 г., все ярмарки в зависимости от продолжительности торгового дня разделялись на пять разрядов. К первому разряду относилась Нижегородская Макарьевская ярмарка, ко второму – ярмарки, продолжавшиеся более 21 дня, к третьему – ярмарки со сроком от 15 до 21 дня, к четвертому – от 8 до 14 дней, к пятому – не более 7 дней [5].

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 09-01-41104а/С «История повседневной жизни населения Коми края в XIX – первой трети XX века».

За право торговли на ярмарках первых четырех разрядов требовалась обязательная уплата денег в пользу казны и приобретение соответствующего ярмарочного билета: оптовые торговцы брали билет первой гильдии, розничные – билет второй гильдии, мелочные – билет на мелочной торг. Количество взятых каждым торговцев билетов должно было соответствовать «числу и роду содержимых им на ярмарке торговых заведений». От взятия билетов на ярмарках первых четырех разрядов освобождались стационарные торговцы, лавки которых находились в пределах местности, отведенной для ярмарки [6].

Торговцы на ярмарках, продолжавшихся более трех дней, были обязаны заключать контракты и брать билеты на занимаемые ими лавки, балаганы, погреба и прочие торговые помещения. Кроме того, контракты и билеты должны были иметь все лица, «каким бы ни было образом доход от ярмарки заимствующие»: содержатели трактиров, харчевен и других заведений в черте того населенного пункта, где проходила ярмарка. От обязанности брать контракты и билеты освобождались торговцы на ярмарках, продолжавшихся менее трех дней, и окрестные крестьяне, приезжавшие на ярмарки с «собственными произведениями» и торгующие без постройки шалашей и балаганов [7].

Контракты и билеты оформлялись на гербовой бумаге различного достоинства. Необходимый запас гербовой бумаги городские думы и ратуши, а также земская полиция получали по предварительному представлению из Казенных палат. По окончании ярмарки оставшаяся гербовая бумага, а также полученные за контракты и билеты деньги передавались обратно в Казенную палату [8].

Механизм аренды торговых помещений и порядок выдачи соответствующих билетов определялись губернатором. Исполнением предписаний губернатора на местах занимались городские думы и полиция [9].

Цены за аренду торговых помещений устанавливались местными властями еще до начала ярмарки. Цена зависела от типа торгового помещения. В качестве торговых мест использовались лавки и амбары, а также временные помещения, разбиравшиеся по окончании ярмарки: балаганы, шалаша, лары. Кроме того, многие торговцы имели обычай торговать в частных домах, складывая товары при арендуемой квартире [10]. Лавкой называли торговое место следующего размера: две сажени в длину и полторы в ширину (1 сажень – 231,36 см); при необходимости использовались и более крупные лавки на два отделения – три сажени в длину и две в ширину. Амбар являлся холодным торговым помещением, где производилась розничная торговля; он имел от двух до пяти саженей в длину при различной ширине. Существовали также харчевные избы и харчевные амбары, в избах торговали зимой [11]. Балаган

и шалаш определяли как временное дощатое или иное строение, навес для склада товаров и торговли [12]. Лар – большой ящик с навесной крышкой для продажи припасов на базарах [13]. Лавки и амбары обычно функционировали круглый год и использовались стационарной торговлей. Во время ярмарки их либо продолжали занимать те же лица, что и в течение года, либо, если это было предусмотрено договором об аренде, лавки на время ярмарки отдавались в наем приезжавшим торговцам [14]. Места под постройку временных торговых помещений заранее определялись членами ярмарочного комитета на территории, отведенной для ярмарки [15]. Торговцы могли обустроить на интересующих их местах временные помещения из заготовленных на городской счет материалов. В этом случае стоимость аренды снижалась в три-четыре раза [16].

В 1856 г. на Георгиевской ярмарке в Усть-Сысольске аренда лавок составляла 20-25 руб., балаганов – 15 руб. Места под постройку помещений сдавались торговцам по следующим расценкам (цена приведена за квадратную сажень; 1 кв. сажень – примерно 4,5 м²): балаган – 1 руб. 20 коп., шалаш – 1 руб., лар – 50 коп. [17]. В 1873 г. в Усть-Сысольске за постоянно действующие лавки предусматривалась плата 20-25 руб., за временные балаганы – 15-20 руб., за места под устройство балаганов – 5 руб. [18].

Цены на торговые помещения напрямую зависели от объемов торговых оборотов ярмарок. Например, в Красноборске в 1844 г. на крупных Алексеевской и Андреевской ярмарках цены за аренду ярмарочных помещений были в два с половиной раза выше, чем на Зачатьевской и Девятовской ярмарках, куда привозилось значительно меньше товаров [19]. В 1873 г. Усть-Сысольская городская дума не стала повышать цены на аренду ярмарочных помещений во время Георгиевской ярмарки, так как, хотя «для прибыли доходов города» это было выгодно, при «незначительности оборотов и малом съезде приезжающих торговцев» повышение могло отрицательно сказаться на желании последних торговать на ярмарке [20].

Установленные местными властями цены на торговые помещения подлежали утверждению губернатора. Например, в 1844 г. Красноборская ратуша представила в Вологодское губернское правление таксы на торговые помещения, арендуемые в ходе проходивших в городе в течение года четырех ярмарок [21].

До начала ярмарки на основании указа Правительствующего Сената от 24 июля 1849 г. учреждался ярмарочный комитет [22]. В обязанности членов комитета входил «тщательный надзор за производством торговли во время ярмарки»: соблюдение правил аренды торговых помещений, надзор за ведением торговли по установленным правилам и разрешение споров между торгующими [23]. Состав ярмарочного комитета и распределение обязан-

ностей среди его членов определялись на местах. Например, в Усть-Сысольском ярмарочном комитете в 1856 г. в обязанности городничего входило наблюдение за порядком во время ярмарки, а член городской думы Забоев должен был «доводить до сведения комитета о всех приезжающих для торговли, а по окончании ярмарки доставить в комитет подробную ведомость о всех привезенных и распроданных товарах» [24]. В состав Великоустюгского ярмарочного комитета в 1881 г. входили городской голова, кассир городской управы и выборные от купеческого сословия. Деньги за торговые помещения принимал кассир, распределением торговых помещений занимались двое выборных. В обязанности членов Великоустюгского ярмарочного комитета вменялось наблюдение, «дабы никто не занимал помещений без платежа денег в городской доход, возложить на всех членов» [25].

Члены ярмарочного комитета информировались городской думой о ценах, установленных на аренду торговых помещений, и различных нюансах, связанных с условиями этой аренды, что было важно, так как во «внеярмарочное» время основная часть торговых помещений отдавалась в «годовичное содержание» стационарным торговцам. Условия аренды, как уже говорилось выше, могли предусматривать освобождение торговцами своих лавок на время ярмарки, о чем требовалось уведомить членов ярмарочного комитета. Например, в 1853 г. Усть-Сысольская городская дума сообщала в ярмарочный комитет, что «содержатели лавок № 1, 7, 12, 13 на время ярмарок обязаны очистить оные для приезжающих лиц» [26].

Недостаточная информированность или небрежное отношение членов ярмарочного комитета к своим обязанностям приводило к возникновению различных недоразумений. Так, по окончании Георгиевской ярмарки в г. Усть-Сысольске в 1855 г. по решению члена ярмарочного комитета уездного судьи Воронежского было предписано взыскать с сына усть-сысольского купца третьей гильдии Алексея Забоева деньги за занимавшиеся им в ходе ярмарки торговые помещения. Однако в ходе разбирательства выяснилось, что Забоев ярмарочное помещение в аренду не брал. Лавки, за которые ему приказывали заплатить, были наняты им гораздо раньше с условием освобождения их на период ярмарки. Однако, как пишет Забоев, ни члены ярмарочного комитета, ни городская дума во время ярмарки не приказывали ему освободить торговые помещения. В итоге действия членов ярмарочного комитета были признаны неправомерными [27].

Торговцы, желавшие арендовать на время ярмарки то или иное торговое помещение, должны были подать соответствующее «объявление» в ярмарочный комитет. Текст объявления был примерно следующим: «В Устюгскую Городскую Управу Крестьянина Сольвычегодского уезда Тимошеской волости Дмитрия Яковлевича Шатровского объявление. За торговлю в доход города

имею честь при сем представить в Городскую Управу денег четыре рубли, в получении коих покорнейше прошу выдать мне квитанцию. Июля 5 дня 1881 г.» [28]. Члены ярмарочного комитета регистрировали все поданные «объявления» и делали соответствующие записи в журнале ярмарочного комитета с указанием номера лавки или количества квадратных сажений, продолжительности торга и уплаченной арендатором суммы. Отмечался и факт выдачи просителю соответствующего контрактного билета, написанного на гербовой бумаге; ставилась подпись арендующего. Например: «Объявление Устюгского третьей гильдии купеческого сына Николая Горбовского, коим изъявлено желание занять лавку № 8 в течение предстоящей ярмарки в городе Усть-Сысольске с 26 ноября по 2 декабря, причем представил следующие за эту лавку по таксе деньги 20 руб. серебром и просит комитет отвести ему, Горбовскому, означенную лавку и снабдить на оную узаконенным билетом, на написание коего предоставил лист гербовой бумаги 30-копеечного достоинства»; под записью ставились подписи судьи и городничего [29].

В выдаваемом арендатору билете необходимо было указывать номер торгового помещения и дату заключения контракта, ставить казенную печать и подписи ярмарочного комитета. В получении билета и уплате за него денег торговец должен был расписываться в специальной «книге сумм, вырученных за ярмарочные помещения», которая присылалась из Казенной палаты и в которую предварительно были записаны все лавки, балаганы и прочие ярмарочные помещения «по порядку номеров» [30]. В «Книге о приходе сумм...» указывались фамилия и имя торгующего, сословная принадлежность, объем привезенного товара [31].

Бывали случаи, когда в силу не снижающегося спроса и достаточного предложения сроки ярмарки по просьбе торговцев увеличивали. Однако этот факт вызывал ряд недоразумений. Контрактные билеты за аренду торговых помещений заключались до начала ярмарки и поэтому не учитывали более длительные сроки. В итоге во все дополнительные для ярмарки дни торговцы занимали торговые помещения бесплатно. Попытки местных властей собрать с торговцев дополнительные деньги за аренду наталкивались на сопротивление последних и уклонение от уплаты. Вследствие этого, например, в 1913 г. Велико-Устюгская городская управа даже обратилась к Вологодскому губернатору с просьбой «не разрешать им (торговцам – И.Л.) продолжения ярмарки сверх утвержденного для ярмарки в г. Устюге десятидневного срока с 1 по 10 июля» [32].

По окончании ярмарки в «Книгу о приходе сумм...» записывался объем проданного, оставшегося непроданным, а также купленного товара, выраженный в денежном эквиваленте, и основные виды реализуемых на ярмарке товаров. Затем вырученные денежные средства и сама «Книга о приходе

сумм...» передавались городской думе, члены которой переписывали все приходные статьи, отмечали общую сумму собранных в ходе ярмарки средств в другой книге и отправляли все сведения «с первой почтой» в губернское правление [33].

«Книга о приходе сумм...» являлась документом, позволявшим выявлять нарушения, производимые местными в ходе организации ярмарки. Например, в 1851 г. по окончании Георгиевской ярмарки в Усть-Сысольске члены городской думы обнаружили, что ряд приезжих торговцев – крестьяне Иван Лемзаков, Илья Ешкилев, Дмитрий и Василий Айбабины, чердынский купец Федор Мичурин, устюгский купец Яков Грешачев и мещанин Попов – тайно покинули город и не заплатили за занимаемые торговые помещения. Губернским правлением было начато разбирательство о неуплате за торговые помещения. Усть-Сысольскому ярмарочному комитету предписали представить объяснение, почему эти торговцы были допущены к ярмарке без контрактных билетов и почему с них своевременно не были взысканы деньги. В ходе изучения «Книги о приходе сумм...» и объяснительных обвиняемых торговцев губернское правление выявило серьезные нарушения ярмарочным комитетом правил организации и проведения ярмарок. Так, например, далеко не каждому арендатору выдавались контрактные билеты. Согласно объяснительным обвиняемых торговцев, члены ярмарочного комитета не сообщали не только о необходимости вносить арендную плату за торговое помещение, но даже и об условиях аренды. Яков Грешачев писал, что ему «...не предлагали ... никаких помещений для торговли и существуют ли таковые, он ... совершенно не знает». Иван Лемзаков сообщал, что ему «...о взносе денег или взятии на ярмарочные помещения билетов никто из членов ярмарочного комитета не объявлял» [34]. Согласно заявлениям торговцев, они присутствовали на ярмарке не для торговли, а для закупки товаров, что не обязывало брать в аренду торговое помещение. Усть-Сысольск они покинули не тайно, а легально, о чем имели соответствующую запись в паспорте. По итогам разбирательства губернское правление потребовало от Усть-Сысольского ярмарочного комитета соответствующего рапорта. Кроме того, губернские власти выслали копию циркуляра от 31 декабря 1848 г., регламентировавшего правила сдачи в аренду торговых помещений, и положение о ярмарочном комитете от 22 января 1849 г., потребовав впредь точного соблюдения всех его пунктов [35].

Наряду с организацией ярмарок силами местных властей, практиковалась и отдача торговых площадей в откупное содержание частным лицам. В этом случае местные власти направляли на утверждение губернатору не только цены на торговые помещения, но и копию контракта с откупщиком. Губернатор мог не утвердить контракт, если тот был заключен с нарушением

действующего законодательства. Например, в 1845 г. Архангельское губернское правление направило на переработку присланный Пинежской городской ратушей контракт «на взятие мещанином Григорием Серебрянниковым в откупное содержание городской площади на время Благовещенской ярмарки» (проходила с 23 по 31 марта) [36]. Губернские власти посчитали незаконными пункты контракта, по которым «приезжающим и местным гражданам без отводу моего (Григория Серебрянникова – И.Л.) мест не занимать, сбор денег производить за взвешивание на общественных весах товаров и припасов». Опасаясь осуществления незаконных сборов (к примеру, за места, занимаемые крестьянскими возами на торговых площадях; за весы, на которых привозимый товар и не взвешивался; за меру, которая не использовалась при торговле), губернское правление предписало указать в контракте право откупщика взимать деньги только за аренду специально обустроенных лавок и шалашей [37]. Контракт был утвержден после того, как в текст были внесены все соответствующие исправления.

Таким образом, организационная работа по проведению ярмарки была достаточно обширной и требовала от местных властей большого внимания и скрупулезности. Недостаток же последних мог привести к неприятным последствиям и обернуться санкциями вышестоящих органов власти.

Проводились ярмарки на торговых площадях или при церквях и монастырях. В первом случае доходы за аренду шли на городской счет, а во втором – в пользу церкви или монастыря.

В городах ярмарки чаще всего устраивались на торговых площадях. В г. Никольске Вологодской губернии ярмарка проходила на Соборной площади, которая во время ярмарки заполнялась так, что «яблоку было негде упасть». До начала ярмарки здесь возводились балаганы, в которых проводились различные театральные действия. Кругом ходили продавцы с лотками, предлагая различные игрушки и сладости. Кроме площади ярмарка занимала все протяжение Миллионной улицы города: до самого ее конца выстраивались возы с продуктами, мукой, промышленными товарами. Возле городской церкви цыгане торговали лошадьми. Торговля шла и на Сретенской улице Никольска, и даже за городским валом и городским садом [38].

Георгиевская ярмарка в г. Усть-Сысольске Вологодской губернии размещала свои ряды на рыночной площади. Первоначально они располагались у стен Троицкого собора, где находились лавки, составлявшие гостиный двор Усть-Сысольска и начинавшие длинную улицу [39]. В 30-е гг. XIX в. городские власти перенесли рыночную площадь немного в сторону, что вызвало возмущение соборного причта, ранее получавшего в ходе ярмарки хорошую прибыль за аренду построенных при церкви торговых помещений и складов; к тому же ярмарка способствовала массовому притоку прихожан, скупавших

восковые свечи и подававших на церковные нужды. Все же рынок так и остался на новом месте и функционировал вплоть до 30-х гг. XX в. [40]. Возведенные на торговой площади балаганы приезжающие торговцы «находили неудобными» и занимали неохотно; к тому же в Усть-Сысольске торговцы «сыздавна» предпочитали торговать в частных домах и «товары складывать при своей квартире». В итоге в 1870 г. городские власти предназначили существовавшие балаганы «к сломке» и задумали устройство в городе гостиного двора [41].

На торговой площади проводились ярмарки в Великом Устюге, Кадникове, Пинеге. В Пинеге для ярмарок были устроены балаганы. Однако даже во второй половине XIX в. приезжие торговцы считали их неудобными и брали их в аренду «неохотно и почти по принуждению». В балаганах было полно щелей, через которые заметало много снега, в связи с чем торговцы предпочитали нанимать лавки пинежских купцов Вольдина и Кокина [42]. На торговых площадях Кадникова и Великого Устюга во второй половине XIX в. было соответственно около 20 и 50 торговых помещений. Большая часть торговых помещений в Великом Устюге была каменной [43].

В некоторых городах для ярмарок были специально устроены гостиные дворы. Гостиный двор, по определению В.И. Даля, это «ряды, лавки, здание с лавками и кладовыми для товара» [44]. Гостиные дворы, как и торговые лавки, возводились на площадях [45]. В городе Шенкурске Архангельской губернии к открытию Сретенской ярмарки в 1804 г. был построен гостиный двор, состоявший из лавок и амбаров.

На период ярмарок возводились также временные лавки и балаганы. По окончании ярмарки постоянные лавки освобождались и запирались на целый год, а временные торговые помещения разбирались [46].

В г. Грязовце Вологодской губернии еще в 1838 г. специально для ярмарки был устроен каменный корпус для лавок [47]. В г. Красноборске Сольвычегодского уезда Вологодской губернии имелось целых два гостиных двора: старый и новый. Новый гостиный двор был гораздо больше старого. Он включал несколько торговых рядов, среди которых были ряд шелковых и бумажных товаров, ряд красильников, кожевенный ряд, мыльный ряд, ряд «разных товаров». Например, в 1844 г. на время ярмарки в аренду сдавались три лавки старого гостиного двора и более 70 лавок нового гостиного двора [48].

Алексеевская ярмарка в Верховажском посаде Вологодской губернии (12–22 марта) проходила и в гостином дворе, где размещалось около 100 деревянных лавок, и на торговой площади, где торговый ряд состоял из 25 лавок. Около десяти лавок работало в купеческих домах. К ярмарке готовились как к большому празднику: в порядок приводились улицы и площади, строились временные торговые помещения, устраивались увеселительные мероприятия

(например, поблизости от площади ставили карусель). Во время ярмарки торговцы занимали всю торговую площадь и многие улицы [49].

Свои особенности в плане места проведения ярмарки имели губернские города Вологда и Архангельск. На Маргаритинской ярмарке в г. Архангельске, многие участники которой прибывали на кораблях, в торговые места превращалась и большая часть набережной Северной Двины, начиная от предшествовавшей пристани торговой площади – центра ярмарочной торговли [50]. Торговля велась и на берегу, где были устроены рыбные торговые ряды, и на реке прямо с кораблей и барок, стоящих у причала, куда покупателей перевозили стоявшие наготове у берега лодочки [51].

Интересной особенностью Вологодской ярмарки было то, что основная часть ее торговли проходила не под открытым небом, как это было на подавляющем большинстве ярмарок страны, а в специально отведенном для этих целей здании – ярмарочном доме. Время, с которого существовал ярмарочный дом, точно неизвестно. В 1911 г. старожилы утверждали, что этот дом был выстроен специально для ярмарки «во времена крепостного права» для удобства помещиков, которым «не хотелось покупать товары на ярмарке вместе с простонародьем, а в ярмарочный дом простой народ не пускался». В то время в ярмарочном доме торговали товарами дорогими и «аристократическими»: золотом, серебром, изысканными тканями [52].

О существовании ярмарочного дома в Вологде можно точно говорить с 1806 г. Тогда приезжающие на Вологодскую ярмарку купцы уже не арендовали лавки, «коих для них довольно было» в гостином дворе, где была сосредоточена стационарная торговля города, а нанимали «теплой дом здешняго купца Михайла Хомутанникова и все даже до одного в оном поместились в построенных двадцати пяти лавках» [53]. Каменный ярмарочный дом располагался между семинарией и училищем губернского города Вологды [54]. В описании ярмарочного дома 1876 г. говорится, что дом был трехэтажный; в здании насчитывалось 61 торговое помещение. Возле самого дома было устроено 36 деревянных балаганов. По желанию торговцев для возведения ярмарочных балаганов им предоставлялись торговые места напротив ярмарочного дома [55].

Ярмарочный дом как характерная особенность Вологодской ярмарки привлекал внимание многих современников. В начале 1830-х гг. вологодский губернатор Николай Брусилов писал, что Вологодская ярмарка «отличается от прочих тем, что лавки устроены не на открытом воздухе, а в комнатах общественного дома» [56]. Известный историк, издатель, публицист М.П.Погодин, который посетил Вологду в августе 1841 г., отмечал в воспоминаниях, что во время Январской ярмарки купцы располагались со своими товарами в комнатах каменного дома и торговали около двух недель [57]. В

военно-статистическом обозрении Российской империи 1850 г. о Вологодской ярмарке говорилось, что «особенно замечательна она тем, что вся помещается в обширном теплом каменном доме, принадлежащем градскому обществу» [58]. В 1855 г. «Вологодские губернские ведомости» называли теплое помещение «особенностью, которую нечасто можно встретить» [59].

В селах ярмарки чаще всего проходили при церквях, так как торговые площади имелись только в крупных торговых селениях [60]. При церквях и монастырях проходили небольшие по торговым оборотам сельские ярмарки Европейского Севера России. Например, в Вологодской губернии при Маслянской Покровской церкви Вологодского уезда с 1 по 2 октября проходила Покровская ярмарка; при Богоявленской Раменской церкви Грязовецкого уезда с 5 по 7 января – Крещенская ярмарка; при Покровском монастыре Кадниковского уезда с 4 по 7 декабря – Никольская ярмарка. В 1861 г. из 150 ярмарок Вологодской губернии 51 ярмарка проводилась при различных церквях, шесть ярмарок – при монастырях. Лавки для торговли часто устраивали сами прихожане. Весь доход, получаемый в ходе ярмарки от их аренды, шел на нужды церкви [61].

В крупных торговых селах, ярмарки которых имели большие торговые обороты, для них возводились гостиные двory. Например, Евдокиевская ярмарка в с. Благовещенском Шенкурского уезда Архангельской губернии на протяжении всей своей истории проводилась в гостинином дворе, имеющем вид замка, который по одним сведениям был построен в 1732, по другим – в 1752 г. [62].

Таким образом, организовать и провести ярмарку в XIX – начале XX в. было делом нелегким, и недостаток «премудрости» здесь мог привести к разного рода казусам. Однако независимо от степени ратения местных органов власти в вопросах организации ярмарки, времени и места ее проведения, количества торговцев и объема привезенных товаров ярмарка всегда являлась ярким и долгожданным событием для населения далеких северных краев, которое не было избаловано разнообразием зрелищности в своей повседневной жизни.

Литература и источники

1. Устав торговый. Ст. 2518-2521 // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 11. Ч. 2.; Устав торговый. Ст. 2811-2814 // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11. Ч. 2.; Устав торговый. Ст. 2811-2814 // Свод законов Российской империи. СПб., 1870. Т. 11. Ч. 2.; Устав торговый. Ст. 601 // Свод законов Российской империи. СПб., 1887. Т. 11. Ч. 2.; Устав торговый. Ст. 601 // Свод законов Российской империи. СПб., 1893. Т. 11. Ч. 2.; Устав торговый. Ст. 666 // Свод законов Российской империи. СПб., 1903. Т. 11. Ч. 2.

2. О дозволении производить торговлю на ярмарках всем состояниям. 29 мая 1814 // ПСЗ-1. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25594.
3. Уставы о прямых налогах, о пошлинах и акцизных сборах. Ст. 391 // Свод законов Российской империи. СПб., 1893. Т. 5.
4. О дозволении производить торговлю на ярмарках всем состояниям. 29 мая 1814 // ПСЗ-1. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25594; Устав торговый. Ст. 2516, 2522 // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 2809, 2815 // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 2809, 2815 // Свод законов Российской империи. СПб., 1870. Т. 11. Ч. 2.
5. Уставы о прямых налогах, о пошлинах и акцизных сборах. Ст. 390 // Свод законов Российской империи. СПб., 1893. Т. 5.
6. Там же. Ст. 392, 394-395.
7. О писании билетов и контрактов на занятие лавок, погребов и мест, во время ярмарок на гербовой бумаге. 25 июня 1819 // ПСЗ-1. Т. XXXVI. СПб., 1830. № 27854; Устав торговый. Ст. 2523-2527 // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 2816-2820 // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 2816-2820 // Свод законов Российской империи. СПб., 1870. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 601 // Свод законов Российской империи. СПб., 1887. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 602 // Свод законов Российской империи. СПб., 1893. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 667 // Свод законов Российской империи. СПб., 1903. Т. 11. Ч. 2; Свод Учреждений государственных и губернских. Ст. 37 // Свод законов Российской империи. СПб., 1835. Т. 4.
8. О писании билетов и контрактов на занятие лавок, погребов и мест, во время ярмарок на гербовой бумаге. 25 июня 1819 // ПСЗ-1. Т. XXXVI. СПб., 1830. № 27854.
9. Устав торговый. Ст. 2528-2529 // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 2821-2822 // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 2821-2822 // Свод законов Российской империи. СПб., 1870. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 603-604 // Свод законов Российской империи. СПб., 1887. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 603-604 // Свод законов Российской империи. СПб., 1893. Т. 11. Ч. 2.
10. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 120. Оп. 1. Д. 170. Л. 2.
11. Тупицын С. Благовещенска ярмарка: Страницы истории: прошлое земли Важской // Вельские вести, 1995. – 1 янв. С. 5.
12. Балаган. // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 40; Шалаш // Там же. Т. 4. С. 619.
13. Лар // Даль В. Указ. соч. С. 238.
14. НАРК. Ф. 121. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.
15. НАРК. Ф. 121. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
16. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 170. Л. 2.
17. НАРК. Ф. 121. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
18. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 170. Л. 2.
19. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 1439
20. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 170.
21. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 1439

22. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 4. Оп. 15. Т. 1. Д. 789; НАРК. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
23. НАРК. Ф. 121. Оп. 1. Д. 7. Л. 3-4.
24. НАРК. Ф. 121. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
25. Великоустюгский филиал ГАВО (ВУФ ГАВО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 463. Л. 2об.
26. НАРК. Ф. 121. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.
27. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 6. Л. 7-8.
28. ВУФ ГАВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 463. Л. 52.
29. НАРК. Ф. 121. Оп. 1. Д. 7.
30. НАРК. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1. Л. 12; Д. 7. Л. 5-8.
31. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 170. Л. 1.
32. ВУФ ГАВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1029. Л. 48-48 об.
33. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1490. Л. 1-26; НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 107. Л. 2.
34. НАРК. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
35. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 170. Л. 3, 5, 12, 20-22.
36. ГААО. Ф. 4. Оп. 23. Т. 1. Д. 424. Л. 2.
37. ГААО. Ф. 4. Оп. 23. Т. 1. Д. 424. Л. 4.
38. Баева Е.В., Баев И.И., Гомзиков Н.И. Историческое путешествие по городу Никольску в XVII – начале XX вв. // Никольская старина: исторические и этнографические очерки. Вологда, 2000. С. 194-195.
39. Ишимова А.О. Зырянка // В дебрях Севера. Русские писатели XVIII–XIX вв. о земле Коми / Сост. З.Я. Немшилова. Сыктывкар, 1983. С. 48.
40. Рогачев М.Б., Цой А.И. Усть-Сысольск. Страницы истории. Сыктывкар, 1989. С. 69.
41. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 170.
42. Чубинский П.П. Обзорение главнейших ярмарок Архангельской губернии // Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1865 год. Архангельск, 1866. Кн. 2я. С. 245-246.
43. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 2. Д. 2895. Л. 2; Ф. 18. Оп. 1. Д. 1972. Л. 21-22.
44. Двор // Даль В. Указ. соч. Т. 1.
45. Устав государственного благоустройства. Ст. 769 // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 12. Ч. 4.
46. Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 г. Архангельск, 1864. С. 118-119.
47. Вологодские губернские ведомости, 1839. 25 марта. № 13. С. 100.
48. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 1439.
49. Филипповский В.Н. Посад Верховажье. Записки краеведа. Вологда, 1994. С. 10-11.
50. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 542.
51. Маргаритинская ярмарка: История архангельской дореволюционной торговли // Бизнес Севера, 2002. № 38-39. С. 4; Огородников С.Ф. Очерк истории г.Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 292.
52. Реформа ярмарки: Письмо в редакцию // Вологодский справочный листок, 1911. № 204. С. 3.
53. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 252. Л. 5.

54. Погодин М.П. Дорога из Нижнего до Вологды // Вологда в воспоминаниях и путевых записках. Вологда: Русь, 1997. С. 57.
55. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1972. Л. 6-7.
56. Опыт описания Вологодской губернии Николая Брусилова. СПб., 1833. С. 15-16.
57. Погодин М.П. Указ. соч. С. 57.
58. Вологодская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1850. Т. 2. Ч. 3. С. 369.
59. Вологодские губернские ведомости, 1855. 29 янв. № 5.
60. Устав государственного благоустройства. Ст. 757 // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 12. Ч. 4.
61. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 1667; Т. 2. Д. 2170; Д. 2408; Ф. 18. Оп. 1. Д. 784; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2406. Л. 425-430; Д. 2991. Л. 843, 843об., 846; Иноходцев П. Описание городов Вологодского наместничества с их округами // Собрание сочинений, выбранных из месячных известий на разные годы. СПб., 1793. С. 327-328; О ярмарках в России // Академические известия на 1781 г. СПб., 1781. Ч. 7. С. 185, 586; Словарь учрежденных в России ярмарок и торгов // Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон. М., 1789. Ч. 5. С-Т. С. 27, 57, 113; Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. М., 1786. Т. 6. Кн. 4. С. 76, 78, 96, 106.
62. Вережкина Г.А. Евдокиевская ярмарка в Благовещенском // Крестьянская живопись Поважья. Из собраний музеев Архангельской области. М., 2003. С. 258.

О. Е. Бондаренко

**«Оказать... содействие посильным пожертвованием
деньгами, материалом и личным трудом»**

Благотворительная деятельность населения России, в том числе Коми края, наиболее ярко проявлялась в годы тяжелых испытаний, в том числе и в период Первой мировой войны.

Первоначально в августе 1914 г. сбор денежных средств и вещей осуществлял Усть-Сысольский уездный Дамский комитет Красного Креста. В типографии «Следникова и К^о» было отпечатано воззвание этого комитета: «Мария Владимировна Криницкая Председательница Уездного Дамского Комитета в городе Усть-Сысольске покорнейше просит лиц, сочувствующих святому делу оказания помощи больным воинам, проливающим кровь за защиту родины, примкнуть к деятельности комитета и *оказать* ему свое *содействие посильным пожертвованием деньгами, материалом и личным трудом*. Прием пожертвований принимается в здании уездного Съезда членами дамского комитета ежедневно с 11 до 1 часа дня» [1]. Уездным исправником Синявским текст этого обращения был разослан становым приставам, урядникам, полицейскому надзирателю г. Усть-Сысольска, всем волостным правлениям с указанием «означенное воззвание распространить среди населения и принять самые энергичные меры к сбору пожертвований... Пригласить всех интеллигентных женщин, желающих служить святому делу трудом и сборами, записаться в члены означенного Комитета» [2]. Начали поступать пожертвования, которые фиксировались в кассовой и материальной книгах секретарем комитета А. Забоевой. Суммы пожертвований были различны. Так, в приход кассовой книги за № 55 записаны 5 руб. 76 коп., а за № 58 – 50 коп., одновременно с этим зафиксировано поступление 35 $\frac{1}{4}$ арш. холста, десяти полотенец и одной салфетки [3].

В организации сбора пожертвований активную роль играла и церковь. В августе 1914 г. церковно-приходское попечительство Аныбской Преображенской церкви, выслушав предложение местного священника Николая

Доброумова «о необходимости без промедления откликнуться на призыв общества Красного Креста на дело помощи больным и раненым воинам, проливающим кровь свою за веру, царя и отечество на поле брани и вняв голосу Святейшего Синода уделять часть на сие дело из свободных сумм церквей и попечительств, постановили: отчислить из сумм попечительских 20 рублей» [4]. Священник Озельской Вознесенской церкви сообщал о собранных населением села Озельского и деревни Визябожской в пользу комитета на больных и раненых воинов 22 р. 50 коп. денег, а также двух тюках, в которых холста 147 аршин, 13 полотенцах, восьми рубашках. Настоятель Деревянской церкви священник Дмитрий Попов, член Государственной думы, информировал комитет по сбору пожертвований о 11 руб. 10 коп., собранных по приходу. Священник Помоздинской церкви препровождал 10 руб. 50 коп., собранных по подписному листу, а сумма денег, собранных священником Небдинской Преображенской церкви составила 14 руб. 6 коп. Из Корткеросской Успенской церкви поступили вещи, собранные по приходу: холста – 40 арш., полотенце – 7 шт., рукавиц шерстяных – десяти пар, шерстяных чулок – одна пара, шерстяных носков – три пары [5].

Настоятель Усть-Вымской Спасской церкви незначительную сумму пожертвований (4 руб. 40 коп.) объяснял тем, «что у нас, в приходе, в свою очередь организованы в пользу семейств запасных и раненых воинов, призванных на войну – Попечительский Совет и Церковное попечительство и проч., на обязанности каковых лежит сбор по приходу натурой ежемесячно и собранные пожертвования отправляют по назначению или же оказывают посильную помощь на месте. В виду такого положения дела, когда в приходе чувствуется острая нужда в оказании помощи семьям запасных на месте, само собой разумеется, что население, при его весьма скудном положении, в смысле материальном, не может сочувственно откликнуться к побочным – вытекающим со стороны сборам. По этим соображениям я позволил себе ограничиться той суммой сбора, которая при сем прилагается. Предъявив нескольким лицам подписной лист, я видел недовольство и, пожалуй, ропот со стороны. А потому ходить по приходу я не решился» [6].

Поступали деньги, не только выделенные по приговору сельских сходов, собранные по подписным листам, но и отдельные жители обращались в комитет со своими взносами. Так, крестьянин с. Мординского А.Т.Шевелев предлагал один рубль, просил принять от него малое пожертвование в пользу воинов; торгующий крестьянин Иван Есев (с. Деревянск) пожертвовал пять рублей; инспектор народных училищ Рейтенборд направил пять рублей в пользу Красного Креста.

Население уезда жертвовало деньги, деньги и вещи, в ряде случаев только вещи. В Усть-Сысольский склад Российского Общества Красного Креста

поступило сообщение от настоятеля Важкурской Собор-Богородицкой церкви: «Разделяя заботы Правительства и Российского Общества Красного Креста о раненых воинах, в рядах нашей доблестной армии проливавших кровь на поле брани в защиту дорогого Отечества нашего от врагов, к участию в таковых ныне мною расположены были мои прихожане, пожертвовавшие бельевым материалом для госпиталей и лазаретов названного Общества, именно: 1) рубах 6, 2) кальсонов 11, 3) полотенец 2, 4) шерстяной платок 1, 5) перчаток 9 пар, 6) холста 55 арш. и 7) суровых ниток 2 мотка» [7].

Среди пожертвованных вещей крестьянами Верхнелузской волости были «3 рубашки (2 сатиновые и 1 холщовая), 2 полотенца, 9 кусков холста 23 1/4 арш. и два кальсона» [8].

Деньги и вещи собирались по подписным листам. Суммы собранных денег были различны, среди собранных вещей значительное место занимал холст.

Книга для сбора пожертвований в пользу Усть-Сысольского комитета Красного Креста позволяет установить, что волостными правлениями собирались деньги на содержание койки в лазарете Вологодского общества сестер милосердия, на нужды передового транспортного отряда, в пользу комитета Великой княжны Татьяны Николаевны. Эти сборы носили постоянный характер, размер денег на нужды передового транспортного отряда был определен для всех правлений в 30 руб. ежемесячно. В 1916 г. появилась такая форма благотворительной деятельности как «ковш зерна нового урожая», в ходе которой происходил сбор зерна, пожертвованного крестьянами, с его последующей продажей и перечислением денег нуждающимся.

В сентябре 1914 г. последовало разъяснение, что «все пожертвования в пользу Красного Креста должны направляться в г. Усть-Сысольск в комитет при уездном съезде, а не в дамский комитет».

Несколько позднее в каждой волости были открыты отделения Усть-Сысольского комитета по сбору пожертвований на больных и раненых, члены которых избирались на сельских сходах.

Изучая архивные материалы, можно установить, что вся благотворительная деятельность находилась под контролем губернатора и полицейских властей. Об этом свидетельствует обращение Усть-Сысольского уездного исправника от 28 сентября 1914 г. к исполнителем чинам полиции:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Предписываю исполнителем чинам полиции немедленно донести мне, имеются ли в вверенных Вам районах какие-либо организации для сбора пожертвований на раненых воинов и заготовки вещей, открытие коих последовало без разрешения Вологодского губернатора, и в утвердительном случае в какой местности, под чьим председательством, в каком составе и когда

таковые открыты. На будущее время обо всех возникающих с целью помощи раненым и больным воинам организациям мне доносить» [9].

В ответ на это предписание поступила информация о том, что «в пределах Палаузской волости, никаких организаций, для пожертвований на раненых воинов и заготовки вещей не имеются» [10]. Из рапорта полицейского урядника 1-го стана Койгородского участка Усть-Сысольского уезда от 15 октября 1914 г. следовало, что «...организаций для сбора пожертвований на раненых воинов и заготовки вещей, открытие коих последовало, без разрешения губернатора участке нет» [11]. Межадорский урядник сообщал, что сбор церковным попечительством открыт в начале августа, и отдельного председателя нет, но отчетность ведет местный священник Клочков [12]. Из Воронцовской волости поступило донесение, что «каких-либо организаций для сбора пожертвований на раненых воинов и заготовки вещей не имеются, за исключением волостного попечительства по призрению семейств запасных, председателем коего состоит священник Валентин Колмаков» [13].

В ходе Первой мировой войны в России был создан комитет Великой княжны Татьяны Николаевны с целью оказания помощи семьям, члены которых были призваны на фронт, а также помощи раненым воинам. С этой целью в 1915 г. неоднократно проводились крупные благотворительные акции, происходили продажа особых знаков, кружечный сбор, собранные деньги вносились в пользу комитета.

24 февраля были подведены итоги кружечного сбора, в присутствии собравшихся кружки были вскрыты, денежные суммы, находящиеся в них, были различны: 2 р. 40 к. лежало в кружке В.К.Синявского, а В.Меньшиковой удалось собрать 53 р. 18 к. Она заявила, что «в кружку ее доверенным купцов Братьев Дербеневых – Семеном Ивановичем Охлопковым опущено 30 р. 50 к., составляющие 5% от продажи товаров 22 и 23 февраля» [14]. Всего в кружках оказалось пожертвованных денег 384 р. 40 к., которые и были отправлены в Вологду вместе с копией акта вскрытия кружек. А.Я. Колясников получил благодарственное письмо от губернатора, в котором была передана признательная благодарность «всем лицам, принимавшим участие в означенном сборе и оказавшим тем или иным путем содействие успеху такового».

Сбор денег в кружки приурочивался к гуляниям в городском саду. Взималась плата за вход в сад, продавались кедровые орехи, карамель, халва, пряники медовые, мороженое, пирожки, чай, квас. Кружки заимствовались на период сбора денег у благотворительных организаций и в приходских церквях.

Сбор пожертвований происходил и в городских церквях, и в церкви села Вильгорт во время всенощных бдений 30 мая и литургии 31 мая, на что было получено разрешение благочинного настоятеля Троицкого собора, исполь-

зовался для этой цели и призыв новобранцев. Так, в селе Усть-Кулом кружка № 85 была заполнена доверху, при ее вскрытии уездным воинским начальником в присутствии членов воинского присутствия оказалось, что «в кружке имелось кредитными билетами один рубль, серебряною мелкою монетою 4 руб. 66 коп. и медною монетою 7 руб. 40 коп., а всего 13 руб. 5 коп.» [15].

Участвующие в сборе денежных средств получили следующее приглашение: «Председатель Усть-Сысольского Уездного съезда, свидетельствуя свое совершенное почтение, покорнейше просит гг. Членов Усть-Сысольского Комитета по сбору пожертвований в пользу Комитета Ея Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны, пожаловать в помещение Уездного съезда 6 июня в 11 часов утра, для подсчета собранных пожертвований 29, 30, 31 мая сего года» [16]. Общие итоги были следующие: в кружках оказалось 425 руб. 92,5 коп., собрано по квитанционным книжкам 158 руб. 98 коп., выручено от открытых карточек 25 руб., от устройства гулянья и продажи цветов 52 руб. 10 коп., поступило от обществ 144 руб. 67 коп., всего поступило денег 805 руб. 22,5 коп. [17]. Собранные деньги были переведены в Вологду на имя губернатора.

К участию в денежных сборах этого комитета было привлечено и сельское население Усть-Сысольского уезда. На сходах до сведения крестьян доводилась информация земского начальника с предложением заменить сбор денег отчислением их из запасного мирского капитала или свободных остаточных сумм. Размер сбора предлагалось определить самим крестьянам, но не менее копейки с окладной души. Решение крестьян фиксировалось в принятых приговорах.

Нам удалось выявить 40 приговоров крестьян Уст-Сысольска. Процесс принятия затянулся почти на месяц. Это, очевидно, объяснялось несвоевременным доведением информации до волостных старшин и тем, что для проведения схода необходимо было наличие определенной численности домохозяев, имеющих право голоса, чтобы решение было правомочным. В некоторых случаях крестьяне исходили из предложения земского начальника и производили отчисление денег по одной копейке с окладной души, но так было не везде, размер отчислений составлял и по 2, 5, 10, 15 копеек с души. Можно высказать предположение, что определяющую роль играли суммы запасных капиталов и остаточных сумм сельских обществ. Крестьяне Вильгортской, Благовещенской, Корткеросской, Богоявленской, Урнинской, Ибской, Пожегодской, Ношульской волостей оговаривали в приговорах, что эти пожертвованные деньги будут включены в дополнительную раскладку сметы мирских сборов, в то время как крестьяне других волостей отмечали, что деньги перечисляются «безвозвратно».

Подавляющее большинство сходов положительно отнеслось к оказанию денежной помощи воинам и членам их семейств. Поэтому на общем фоне удивительно решение крестьян Вотчинской волости и общества: «ассигновать какой-либо суммы на вышеобозначенный предмет из общественной суммы отклонить». Такое же решение было принято и крестьянами Ручевской волости. Объяснение этому не приводится. Возможно, что не было денег у сельского общества, интересно решение, принятое в аналогичной ситуации Большелугским сельским обществом, которое в приговоре записало: «т.к. свободной суммы и остатков в мирском капитале не имеется, а также остатков и в запасном мирском капитале не имеется таковой суммы, в смету же назначить по душам в виду крайней дороговизны всякого рода съесных припасов нет возможности. Кому из нас желательно могут сейчас же пожертвовать посредством подписного листа, каковой сбор поручает сейчас же на сходке произвести волостному старосте, причем собралось добровольное пожертвование 4 рубля» [18].

Такое же решение вопроса было предложено и Читаевским обществом: «за неимением свободных волостных сумм, а также запасного мирско-го капитала мы внести пожертвование сразу не можем а сим приговором ассигновать по 15 к. с каждой окладной души каких в волости 306... деньги поручаем волостному старосте собрать с нас немедленно по числу окладных душ и внести по принадлежности. В чем и подписуемся» [19]. Аныбское общество перечислило на помощь пострадавшим от военных бедствий собранные уже деньги для этих целей с поселян в сумме 3 руб.

Трудно было крестьянам перечислять из мирских денег рубли, так как сами нуждались, но двигало ими стремление помочь раненым воинам и их семействам. В Подъельской волости с крестьян собрали по копейке с души, особо отмечено, что «кроме того пожертвованы особо от себя Максимом Васильевич Ветошкиным 50 к.» [20].

Суммы, которые должны были перечисляться комитету для оказания помощи воинам, по своим размерам были различны: от 1 р. 95 к. до 200 р. Население Борисовской волости перечислило 100 руб. на нужды комитета из свободных остаточных сельских сумм от прошлого 1914 г. Величина пожертвований зависела от числа ревизских душ, наличия свободных денежных сумм общества, волости и принятого размера денег на сходе, взимаемого с души. Таким образом, крестьянское население уезда откликнулось на призыв комитета «оказать поддержку тому несчастному населению, без различия национальности и вероисповедания, которое на грудь свою приняло удар жестокого врага, направленный на всю великую и могучую Россию» [21].

В годы войны продолжалась деятельность и Усть-Сысольского отделения Романовского комитета, задачей которого являлось «воспособление делу при-

зрения беспризорных сирот сельского населения без различия племен, состояний, сословий и вероисповеданий, а равно объединение правительственной, общественной и частной деятельности в этой области» [22]. Конкретная помощь Романовского комитета в деле призрения сирот выражалась в виде выдачи периодических и единовременных денежных пособий земским учреждениям, сельским обществам, благотворительным учреждениям на содержание и расширение существующих сиротских домов. В Усть-Сысольское отделение этого комитета входили: председатель Уездного Съезда действительный статский советник А.Я.Колясников, председатель Уездной Земской Управы И.В.Булатов, члены Уездной Земской Управы И.Н.Посельский и Н.П.Чеусов. Секретарем отделения стал А.З.Алюхин. Председателем Усть-Сысольского отделения романовского комитета был избран младший лесной ревизор Н.О.Пахарь.

Одним из источников формирования средств Романовского комитета являлись пожертвования организаций и частных лиц. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Три года подряд – в 1915, 1916, 1917 гг. – во время одной из недель Великого Поста Синод разрешал Романовскому комитету произвести «во всех церквах Империи» сбор пожертвований «на дело призрения детей сирот». Сбор пожертвований производили городские и сельские священники, каждый в своем храме или на селе. Таким образом, было собрано всего 310 руб. 14 коп. [23].

Другой вид сбора пожертвований – с помощью подписных листов. Подписные листы предоставляют нам богатый материал по вопросу о жертвователях. В деревнях и селах это, в первую очередь, сами священники. В каждом, без исключения, подписном листе первой всегда стоит фамилия священника. А были случаи, когда не только сам сельский священник, но и вся его семья жертвовали деньги на благородное дело. Некоторые деревенские жители, видимо, более зажиточные, жертвовали от 50 коп. до 1 руб. Но таких было совсем немного. Против большинства фамилий, написанных коряво, неумелой рукой, стоят суммы от одной до десяти копеек. И все эти крестьянские копейки, сливаясь в рубли, в десятки рублей, оказывались реальной помощью для детей-сирот.

Жители г. Усть-Сысольска жертвовали более крупные суммы – от одного до десяти рублей. В подписных листах встречаются фамилии Успасских, усть-сысольских купцов Кузьбожевых, Комлиных, Сухановых. Но и небогатые горожане не жалели денег на доброе дело. В документах можно встретить такие, например, строки: «от прислуги городской больницы – 1 руб. 25 коп» [24].

В целом, судя по имеющимся архивным материалам, в период с февраля 1915 г. по апрель 1917 г. в пользу Усть-Сысольского отделения Романовского комитета было пожертвовано 654 руб. 24 коп.

Из своих средств местное отделение Романовского комитета выделяло пособие Усть-Сысольскому детскому приюту. В год открытия комитета (1914) оно составило 100 руб., в 1915 г. – уже 1200 руб., в 1916 г. – 1200 и 5000 руб. [25]. Кстати, именно благодаря единовременному пособию в 5000 руб. он стал помещаться в собственном специально выстроенном деревянном двухэтажном здании.

С 19 мая 1917 г. Романовский комитет был переименован в «Комитет попечения о беспризорных детях». Деятельность комитета продолжалась, он по-прежнему отпускал пособия на дело призрения сирот, но уже в размере, не превышающем одной трети всех расходов учреждения.

К благотворительной деятельности привлекались и гимназистки. Они вносили средства на содержание одной койки при Вологодском лазарете. В этом принимали участие ученицы с 1 по 8 классы, да и взносы были разными (от 5 коп. до 1 руб.). Преподаватели и преподавательницы тоже вносили ежемесячно 1 % из получаемого жалованья на содержание одной койки для раненого в Вологодском лазарете Общины Сестер Милосердия. Еще в августе 1914 г. Петроградским Учебным округом предлагалось при занятии рукоделием основное внимание уделить изготовлению белья для раненых воинов, материал должны были закупать учебные заведения. Ученицы женской гимназии шили на средства Попечительного совета различные вещи для солдат и офицеров. Сохранился перечень вещей, изготовленных на десять солдат и одного офицера ученицами Усть-Сысольской гимназии: простыни – 66, пододеяльники – 22, наволочки нижние – 24, наволочки верхние – 44, рубашки – 33, кальсоны – 33, тюфяки – 11, фуфайки – 13, халаты – 11, портянки – одна пара, колпаки ночные – 22, платки но-совые – 36, салфеточки – 21, полотенца личные – 77, полотенца кухонные – 22. Всего было изготовлено 439 вещей на сумму 326 руб. 21 коп. [26]. Кроме того, ученицы женской гимназии принимали участие в сборе средств на усиление воздушного флота.

Таким образом, следует отметить участие в различных формах благотворительной деятельности всех слоев населения Коми края, искреннее стремление оказать помощь воинам, беженцам и всем, нуждающимся в ней.

Литература и источники

1. Национальный архив Республики Коми (далее НАРК). Ф. 14. Оп. 1. Д. 73. Л. 178.
2. Там же. Л. 177.
3. Там же. Л. 120-122.
4. НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 113. Л. 2.
5. Там же. Л. 37.
6. Там же. Л. 55-56.
7. Там же. Л. 97-97 об.

8. Там же. Л. 98
9. НАРК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 217. Л. 2.
10. Там же. Л. 5.
11. Там же. Л. 6.
12. Там же. Л. 3 об.
13. Там же. Л. 4.
14. НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 162. Л. 11.
15. НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 163. Л. 15.
16. Там же. Л. 18.
17. Там же. Л. 139 об.
18. Там же. Л. 104 об.
19. Там же. Л. 124 об.
20. Там же. Л. 137 об.
21. Там же. Л. 3.
22. НАРК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 334. Л. 82.
23. Там же. Л. 113, 282-334, 376-462.
24. Там же. Л. 102.
25. НАРК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 334. Л. 351. Ф. 227. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.
26. НАРК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 166. Л. 110.

И. И. Лейман, А. Ф. Сметанин

***Январская ярмарка в Вологде в XIX – начале XX века :
из истории повседневности****

Из-за отсутствия налаженной транспортной сети на протяжении длительного времени ярмарки в России оставались важнейшими артериями, связывавшими страну в единое социально-экономическое пространство.

Особое значение ярмарки имели на Европейском Севере России, где сезонный характер производства и сбыта товаров, слабое развитие сухопутных путей сообщения, низкая плотность населения при огромных размерах территории существенно тормозили создание единого информационно-культурного пространства и органичное включение региона в структуру внутреннего рынка страны. В этих условиях ярмарки являлись и катализатором процесса интеграции, так как привлекали к участию в них массу населения, что было обусловлено содержанием в ярмарках универсального набора культурных ценностей в сочетании с торгово-экономической составляющей. В число крупнейших ярмарок Европейского Севера России XIX в. (после Маргаритинской ярмарки в г. Архангельске) входила Январская ярмарка в Вологде.

Официально Январская ярмарка (6 января – 1 февраля) была учреждена в 1786 г. генерал-губернатором Алексеем Петровичем Мельгуновым, вместо существовавшей прежде в Вологде ярмарки с 25 ноября по 5 декабря [1]. Причиной изменения сроков ярмарки стала случавшаяся в конце ноября – начале декабря распутица, вследствие которой иногородние торговцы часто не имели возможности вовремя приехать на ярмарку.

В конце XVIII в. Январская ярмарка, вероятно, имела местное значение, о чем свидетельствует ассортимент продаваемого товара: сено, дрова, тес, доски, брусья, строевой лес и «родящиеся в лесах всякие ягоды и грибы» [2].

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Повседневная жизнь сельского и городского населения Коми края в XIX – XX веках».

С 1800 по 1806 г. Январская ярмарка не проводилась; вместо нее в Вологде вновь стала проходить ярмарка с 25 ноября по 5 декабря [3]. В 1806 г. вологодский губернатор, ссылаясь на мнение «благородного общества и лучших как здешняго, так и других городов граждан и обывателей», с разрешения министра внутренних дел возобновил ярмарку с 6 января по 1 февраля.

Именно с этого времени Январская ярмарка в Вологде стала быстро набирать обороты. Проведение Вологодской ярмарки в январе оказалось как нельзя удобным: к этому времени сюда прибывали товары с осенней Архангельской ярмарки, а с юга привозили товары, предназначенные для вывоза в другие регионы страны за границу через Архангельск. Несомненным преимуществом «зимней» ярмарки было то, что зимой провоз товара стоил по крайней мере в четыре раза дешевле, чем летом [4].

Еще в первом десятилетии XIX в. прибыль иногородних купцов на ярмарке превышала годовые обороты держателей местных городских лавок [5]. Торговля во время ярмарки продолжалась и днем, и «в ночные часы с огнем», причем «стечение народа было почти непрерывно» [6]. Такое «круглосуточное» внимание к торговле было обусловлено интересной особенностью Вологодской ярмарки: основная часть торговли проходила не под открытым небом, как это было на подавляющем большинстве ярмарок страны, а в специально отведенном для этих целей здании – ярмарочном доме.

Время, с которого существовал ярмарочный дом, точно неизвестно. В 1911 г. старожилы утверждали, что этот дом был выстроен специально для ярмарки «во времена крепостного права» для удобства помещиков, которым «не хотелось покупать товары на ярмарке вместе с простонародьем, а в ярмарочный дом простой народ не пускался». И торговали в ярмарочном доме товарами дорогими и «аристократическими»: золотом, серебром, изысканными тканями [7].

О существовании ярмарочного дома можно точно говорить с 1806 г. Тогда приезжающие на Вологодскую ярмарку купцы уже не арендовали лавки, «коих для них довольно было» в гостином дворе, где была сосредоточена стационарная торговля города, а нанимали «теплой дом здешняго купца Михайла Хомутанникова и все даже до одного в оном поместились в построенных двадцати пяти лавках» [8].

Каменный ярмарочный дом располагался между семинарией и училищем губернского города Вологды [9]. В описании ярмарочного дома 1876 г. говорится, что дом был трехэтажный; в здании насчитывалось 61 торговое помещение. Возле самого дома было устроено еще 36 деревянных балаганов. По желанию торговцев для возведения ярмарочных балаганов им предоставлялись торговые места напротив ярмарочного дома [10]. В 1911 г. в описании Вологды указывалось, что город в административном отношении

делился на три части, границами которых служили реки Вологда и Золотуха. Лучшей считалась первая часть, где находились учебные заведения, присутственные места, вокзал, гостиницы и сады. Ярмарочный дом, рынок и прочие торговые помещения были сосредоточены во второй части [11].

Ярмарочный дом как характерная особенность Вологодской ярмарки привлекал внимание многих современников. В начале 1830-х гг. вологодский губернатор Николай Брусилов писал, что Вологодская ярмарка «отличается от прочих тем, что лавки устроены не на открытом воздухе, а в комнатах общественного дома» [12]. Известный историк, издатель, публицист М.П. Погодин, который посетил Вологду в августе 1841 г., отмечал в воспоминаниях, что во время Январской ярмарки купцы располагались со своими товарами в комнатах каменного дома и торговали около двух недель [13]. В военно-статистическом обозрении Российской империи 1850 г. о Вологодской ярмарке говорилось, что «особенно замечательна она тем, что вся помещается в обширном теплом каменном доме, принадлежащем градскому обществу» [14]. В 1855 г. «Вологодские губернские ведомости» называли теплое помещение редкой особенностью вологодской ярмарки [15].

Во время ярмарки ярмарочный дом становился центром, где сосредотачивалось все городское общество. Основная масса народа начинала подходить к 11 часам утра, а последние посетители уходили уже затемно. «С раннего утра до позднего вечера дом наполнен густою толпою покупателей, спешащих наперерыв воспользоваться за сходную цену от самых бездельных мелочей до вещей ценных, составляющих предмет изобильной роскоши», «писала пресса [16]. Вологжане и приезжие гости «объедались» различными лакомствами: как заморскими – рахат-лукумом, халвой, так и истинно-русскими, вроде пышек и тульских пряников (на последние торговцы часто вместо миндаля клали фасоль); пили сбитень [17]. Вниманию посетителей предлагались книжные лавки и картинные выставки; особым вниманием пользовался магазин купца Ожаровского, где продавались галантерейные товары «заграничного происхождения». Ярмарка была тем местом, где даже самое прихотливое требование могло быть удовлетворено, были бы деньги. Покупатели имели возможность «попробовать на взводах ружья; спросить у книготорговца какую-нибудь сверхъестественную книгу, которую еще никто даже не сочинял; потребовать картину с известным изображением тени Наполеона между деревьями...» [18].

Вместе с купцами в Вологду приезжали и «увеселители», которые возводили дощатые балаганы и смешили публику знаменитым «петрушкой», который был тогда «единственным представителем искусств в Вологде» [19].

Среди участников ярмарки можно выделить два основных типа. Представители первого типа приезжали специально для оптовых покупок или

продаж. Это были торговцы, для которых переезд с ярмарки на ярмарку являлся привычным образом жизни. Они продавали товар, приобретенный на ярмарках Вологодской губернии или соседних с ней, закупали новый и по окончании торгов снова ехали на ближайшую в округе ярмарку. Зимой в Вологду приезжали также архангелогородцы и поморцы «в длинных и узких санях наподобие лодки» и на возах привозили сельдь. А когда собирались в обратный путь, часто покупали в большом количестве прилуцких калачей и везли их домой за тысячу верст [20].

Ярмарка была важным и хлопотным мероприятием для «рачительных хозяев и хозяек». Это было время закупки годовых запасов, которые во время ярмарки можно было приобрести на несколько копеек дешевле. В общей сложности эти сэкономленные копейки составляли значительный процент экономики годового семейного бюджета [21].

Представители второго типа участников ярмарки приходили просто погулять по торговым рядам, посмотреть на товар, показать себя. Теплое помещение создавало для такой прогулки прекрасные условия. «Огромная толпа разного качества людей, всех полов и возрастов» шумела в залах ярмарочного дома, как «гульливое море», «сбегала водопадом со всех возможных лестниц», – писал современник [22]. При этом в нижнем ярусе ярмарочного здания и во дворе покупателей было мало, хотя товары продавались не менее привлекательные и цены были ниже процентов на пятнадцать. Однако нижний ярус не отапливался, и температура воздуха была та же, что и на улице, поэтому «прогуливаться для собственного удовольствия не очень занимательно» [23].

Теплое помещение привлекало к участию в ярмарке и семьи знатных дворян и офицеров [24]. И в целом, ярмарка была временем городских увеселений, балов «в благородном собрании и у частных лиц». Однако для вологодского общества эти увеселения не были типичны, и скорее они прививались «как невольное и необходимое подражание тому, что заведено в других местах» [25].

XX век – «век пара, электричества и изумительных изобретений» [26] – внес изменения в ярмарочные будни. На ярмарке появились лавки с открытками, лавки с вещами на «выбор в пять копеек»; обновили свой репертуар шарманки; стали играть пьесы [27]. Однако свое торговое значение (когда в ходе торгов в широких размерах производилась заготовка товаров для отдельных районов) Январская ярмарка потеряла и стала служить «почти исключительно местом народного увеселения» [28]. Современник вынес Январской ярмарке жестокий приговор: «Стареет ярмарка, ... и скоро неумолимое время сотрет с лица земли это, каким-то чудом уцелевшее до сих пор, интересное

бытовое явление, отблеск старины стародавней, не лишенный, если хотите, даже своеобразной красоты и прелести».

История Вологодской январской ярмарки закончилась в 1917 г. На протяжении XX в. неоднократно предпринимались попытки возрождения ярмарки в Вологде, однако ее неповторимый колорит с играми, забавами, песнями навсегда остался в прошлом.

Литература и источники

1. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 252. Л. 8-9.
2. Челищев П. Путешествие по Северу России в 1791 г. // Вологда в воспоминаниях и путевых записках. Вологда: Русь, 1997. С. 17.
3. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 252. Л. 3-6.
4. Лебединская Т.А., Морозов Ю.П. Из истории ярмарок в Вологодской области (XVII – начало XX века) // Вологодский государственный технический университет. Вологда, 2000. Т. 1. С. 171-175.
5. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 252. Л. 4.
6. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 252. Л. 4.
7. Реформа ярмарки: Письмо в редакцию // Вологодский справочный листок, 1911. № 204. С. 3.
8. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 252. Л. 5.
9. Погодин М.П. Дорога из Нижнего до Вологды // Вологда в воспоминаниях и путевых записках. Вологда: Русь, 1997. С. 57.
10. ГАВО. Ф. 18. Оп.1 Д. 1972. Л. 6-7.
11. Торгов А.Я. Деловой спутник по Северному краю и верхнему Поволжью. Ярославль, 1911. С. 78.
12. Опыт описания Вологодской губернии Николая Брусилова. СПб., 1833. С. 15-16.
13. Погодин М.П. Дорога из Нижнего до Вологды // Вологда в воспоминаниях и путевых записках. Вологда: Русь, 1997. С. 57.
14. Вологодская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1850. Т. 2. Ч. 3. С. 369.
15. Вологодские губернские ведомости, 1855. 29 янв. № 5.
16. Архангельские губернские ведомости, 1853. 21 февр. № 8. С. 65.
17. Дань старине // Вологодский справочный листок, 1914. № 655. С. 3.
18. Вологодские губернские ведомости, 1855. 29 янв. № 5.
19. Дань старине // Вологодский справочный листок, 1914. № 655. С. 3.
20. Архимандрит Пимен (Мясников) (1810–1880). Воспоминания // Вологда в воспоминаниях и путевых записках. Вологда: Русь. 1997. С. 35.
21. Вологодские губернские ведомости, 1855. 29 янв. № 5.
22. Там же.
23. Там же.
24. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 252. Л. 5.

25. Вологодская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1850. Т. 2. Ч. 3. С. 253.
26. Дань старине // Вологодский справочный листок, 1914. № 655. С. 3.
27. Там же.
28. К познанию родного края // Ежегодник Вологодской губернии на 1912 г. Вологда, 1911. С. 3-6.

О. В. Золотарев

*Рабочие Коми края в период НЭПа**

После окончания гражданской войны, перед введением Новой экономической политики, положение рабочего класса было непростым. Значительное количество предприятий не работало. Объем производства во многих отраслях промышленности составлял менее 10% от довоенного уровня. Сокращалась и численность рабочих, многие из которых вследствие продовольственных сложностей были вынуждены покинуть города (они уезжали в деревню, где было легче прокормиться). Численность рабочих к 1921 г. сократилась (по сравнению с довоенным временем) в два раза. Производительность труда на еще работавших предприятиях резко упала, ведь рабочий, получавший натуральный «общественный трудовой паек» [1], позволявший вести полуголодное существование, не был заинтересован в результатах своего труда. Это вызывало широкое применение внеэкономических методов принуждения, которые помогали слабо. Кроме того, подобная ситуация порождала понятное недоверие рабочих к власти.

Еще более сложным, нежели в центральных регионах, было положение на окраинах бывшей Российской империи. Так, промышленность Коми края, в начале 1920-х гг. оставалась слабо развитой. К тому же немалый урон экономическому развитию автономии был нанесен гражданской войной. Да и последствия политики «военного коммунизма» были тяжелыми. В Коми крае, как, впрочем, по всей стране, промышленное производство переживало кризис, коснувшийся всех отраслей. Ведущая отрасль промышленности края – лесная – давала менее 11 % довоенного уровня заготовки древесины [2]. Не лучше обстояло дело и на чугунолитейных заводах (Кажимском, Ньючимском и Ньюпаском), Сереговском солеваренном заводе и Ухтинских нефтепромыслах.

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 09-01-41104а/С «История повседневной жизни населения Коми края в XIX – первой трети XX века».

Однако после начала проведения новой экономической политики власти области надеялась улучшить ситуацию. Во многом это основывалось на энергичных усилиях по перестройке структуры народного хозяйства автономии. И с интересом центра к природным богатствам края, стремлением организовать добычу и переработку сырья. Совместные усилия центра и властей на местах способствовали организации ряда экспедиций, готовивших условия для начала освоения месторождений нефти, угля и т.д. Но это требовало времени и немалых средств. Пока же областное руководство связывало основные надежды на промышленное развитие области с лесными богатствами края. Усилия в этом направлении не пропали. Уже к концу 1920-х гг. объемы лесозаготовок выросли в крае (по сравнению с дореволюционным временем) практически вдвое. Во многом эти успехи объяснялись участием в лесозаготовках иностранного капитала. Заготовку древесины в области вели государственный трест «Северолес» и акционерные общества «Руссанглолес» и «Руссголладлес». А в 1927 г. был создан трест «Комилес», который на долгие годы стал основным производителем древесины в автономии [3].

Что же касается индустриального развития области, то даже к концу 1920-х гг. успехи здесь были незначительны. Несмотря на утверждения местных властей, сделанные на VI Областной партконференции (1924 г.), что «промышленность и сельское хозяйство развиваются быстрыми темпами благодаря громадному подъему рабоче-крестьянских масс», дела обстояли не столь блестяще. Сами власти признавали: «Восстановить все быстро, конечно, невозможно... нам еще мешают в дальнейшем строительстве нэпманы, которые стремятся разрушить завоевания Советской власти и с которыми приходится вести борьбу... Под руководством Коммунистической партии изживаем все недочеты и ненормальности» [4].

Действительно, в процессе восстановления промышленности области власти сталкивались с серьезными проблемами. На большинстве предприятий модернизация не проводилась уже долгое время, поэтому они «настолько обветшали, что требуют не только ремонта, но коренного переоборудования». Даже кустарное производство испытывало острую нехватку производственного оборудования. Власти сетовали, что промышленность области «не только не развивается, но «влачит жалкое существование» [5]. Правда, кое-какие подвижки все же были: в 1926 г. в Усть-Сысольске был открыт лесопильный завод, в это же время в Усть-Усе строится мясо-рыбный консервный завод, в Ижме, Усть-Выми и других селах вступили в строй электростанции.

Между тем, положение же дел в старейшей отрасли промышленности края – чугунолитейной – с введением рыночных отношений и переходом на хозрасчет стало плачевным. Устаревшее оборудование не позволяло металлообработывающим заводам выдерживать конкуренцию с предприятиями

центра и юга России. Местные власти указывали, что в результате технической отсталости и низкой производительности труда себестоимость продукции чугунолитейных заводов Коми края была почти в три раза выше, нежели на Урале. Частичные усовершенствования не смогли значительно улучшить ситуацию. Себестоимость оставалась крайне высока, на VII областной партконференции (1927 г.) с грустью констатировалось: «При том ветхом оборудовании, что мы имеем, ждать прибыли глупо» [6]. В 1923 г. Нювчпасский завод, как убыточный, был закрыт, производство на Кажимском и Нювчимском было сокращено. (В Кажиме теперь только варили чугун, который отправлялся в Нювчим на переработку, в Нювчине же чугун теперь не производили). В какой-то степени конкурентным оставался лишь Сереговский солеваренный завод, который, впрочем, тоже требовал обновления. Реконструкция в Серегове была проведена во второй половине 1920-х гг. А до этого, после кратковременного (в 1921–1923 гг.) оживления, там так же шло сокращение производства.

С началом НЭПа для упорядочения управления промышленными предприятиями области был организован Коми трест, подчиненный областному Совету народного хозяйства. Впрочем, это не слишком помогло оживлению промышленного производства и структурным изменениям в народном хозяйстве автономии. В 1926 г. доля промышленности в валовой продукции области составляла 1,3 % (она едва достигла половины довоенного уровня). При этом более 60 % приходилось на сельское хозяйство, еще 27 % давало лесное хозяйство, остальное – кустарная промышленность, охота и рыболовство. Такое положение обуславливало крайнюю малочисленность рабочего класса области, который считался социальной опорой советской власти. Более того, численный состав фабрично-заводских рабочих автономной области к середине 1920-х гг. даже несколько уменьшился, что объяснялось как сокращением чугунолитейного производства, так и некоторым повышением производительности труда. На Кажимском, Нювчимском и Сереговском заводах трудилось не более 400 чел. (в 1920 г. – более 600 чел.). Число рабочих на территории Коми области даже не достигло дореволюционного уровня. Напомним, что в 1913 г. оно составляло около 1,1 тыс. чел. Лишь только число сезонных рабочих, занятых в лесной сфере, неуклонно росло. Это объяснялось тем повышенным вниманием, что уделяло государство заготовке древесины (ведь значительную часть валютных поступлений в бюджет страны давал экспорт леса, да и в местный бюджет поступления от лесной промышленности и лесного хозяйства составляли около 60 %). В целом, на лесозаготовках было занято в середине 1920-х гг. около 26 тыс. чел. [7].

Впрочем, малочисленность рабочего класса не уменьшала его значимости как социального базиса власти. Поэтому отношениям с коми пролетариатом

властные структуры уделяли немалое внимание. Впрочем, и в других регионах страны местное партийное руководство требовало «особого внимания со стороны партийных организаций к настроению рабочих», эта работа активизировалась во время неурожая, проведения денежной реформы, борьбы с бездефицитностью бюджета (чем во многом вызывалась нерегулярность выдачи зарплаты). Власти подчеркивали, что «ни в коем случае нельзя допускать падения ... партийной и профсоюзной работы в рабочих районах». Предлагалось даже отпуска ответственных работников и руководителей партаксов «строго согласовывать с возможностью замены данных товарищей, дабы не нарушить непрерывности в руководстве работой» [8]. Но несмотря на все усилия отношения между властью и рабочими складывались в этот период весьма непросто.

Ведь еще в годы революции и гражданской войны налицо был глубокий раскол рабочего класса Советской России. К середине 1918 г. можно говорить о широко распространенном среди населения (в том числе и Коми края, и рабочих Коми края) разочаровании в политических партиях. Исследователи отмечают, что в результате этих процессов более заметной стала позиция беспартийных представителей пролетариата, настроения и действия рядовых рабочих отличались групповым эгоизмом, несли на себе печать цеховой ограниченности и вовсе не отличались рабочей солидарностью. Многие представители пролетариата просто отстранились от активного участия в общественно-политической жизни, замкнулись на повседневных заботах. Многочисленность данной части пролетариев, несмотря на её пассивность, делала их весьма влиятельным фактором политической действительности [9]. О сходных процессах среди населения автономии говорит и коми историография. Отмечается, что ухудшение экономической жизни в годы гражданской войны вызывало недовольство жителей края любыми политическими силами, что, в конечном итоге, привело к формированию «относительно равнодушного отношения к судьбам... власти» [10].

Естественно, это создавало дополнительные сложности победившим большевикам. Причем НЭП на первых порах не только не снял, но даже в какой-то степени усугубил многие проблемы во взаимоотношениях правящей партии и рабочих. Конечно, властные структуры как в центре, так и на местах не могли оставаться равнодушными к подобной ситуации.

Центральные власти, озабоченные положением дел в промышленности, размыванием столь важной для неё социальной группы, как рабочий класс (многие рабочие, вследствие трудностей продовольственного снабжения городов, напомним, возвращались в деревни) связывали возрождение промышленного производства с НЭПом. Таким образом, они рассчитывали увеличить число пролетариев и расширить социальный базис власти. Однако

на первых порах новая экономическая политика не оправдывала данные надежды. Более того, НЭП не просто не дал ожидаемого толчка развитию промышленности (в отличие от сельского хозяйства), в основном его влияние здесь было отрицательным. Новая политика способствовала восстановлению в первую очередь мелкотоварного и кустарного производства, ибо оно меньше пострадало от последствий войны и революции, нежели крупная промышленность. Кроме того, именно оно давало основную массу потребительских товаров, в получении которых и был в первую очередь заинтересован крестьянин. Можно согласиться с некоторыми исследователями, указывавшими: «Если нэп спас крестьян от катастрофы, то он же поставил промышленность и рынок труда на грань хаоса... В результате пролетариат, героический знаменосец революции, был разбросан по стране, разобщен, и ряды его резко сократились. Рабочий стал пасынком нэпа». Таким образом, «ожидания рабочих, связанные с новой экономической политикой, во многом расходились с её реальными результатами». Действительно, вместо повышения жизненного уровня, улучшения дел с продовольственным снабжением, промышленных рабочих ожидали задержки зарплаты, низкие тарифные ставки, высокие нормы выработки, проблемы с отпусками, вызывающее понятное раздражение пролетариата бесхозяйственность руководства предприятий и т.д. Именно эти явления во многом обусловили волну забастовок. Так, только во второй половине 1923 г. органами ГПУ было учтено свыше 200 забастовок. При этом в основном бастовали рабочие, занятые на государственных предприятиях. Только к 1924 г. промышленность, благодаря принятию ряда экстренных мер, выкарабкалась из кризиса, куда её загнало начало НЭПа. Все эти процессы, естественно, не могли не сказываться на настроениях многих рабочих, окрестивших НЭП не иначе, как «новая эксплуатация пролетариата» [11].

Тенденции, характерные для всей страны, наблюдались и в Коми крае. Коми рабочие (в том числе и члены Компартии) восприняли новую экономическую политику враждебно. Особенно заметно это было на старейших промышленных предприятиях края – чугунолитейных. Например, единственная пролетарская организация РКП(б) в крае – на Нювчимском чугунолитейном заводе фактически развалилась еще в начале 1921 г., более 80 % её состава подали заявление о выходе из партии. Причем возродить её не представлялось возможным. Власти отмечали, что в Нювчине «ввиду малоподготовленности членов ячейки, неясного представления сущности НЭПа, ячейка в целом была на неправильном пути». Похожее положение было и в Нючпасе, где только в 1923 г. вышли из ячейки семь человек. В результате в 1923 г. на четырех заводах автономии и Ухтинских нефтепромыслах в партии состояло только 35 чел. Фактически был провален и ленинский набор рабочих

в партию. Партийных рабочих, как и рабочих-комсомольцев, было недопустимо мало, что вызывало понятную тревогу местного руководства. Оно не без основания возлагало вину на местных партийцев и считало, что «работа заводских ячеек» поставлена «из рук вон плохо» [12].

Власти пытались объяснить провалы в рабочей среде спецификой рабочего класса автономии. Они оправдывались: «Наш рабочий не рабочий до некоторой степени ... безусловно наших рабочих и нельзя ставить и сравнивать целиком и полностью с промышленным рабочим классом», хотя коми рабочие все же «резко отличаются от крестьянской массы». При этом все сваливалось на сокращение промышленного производства в области (что в середине 1920-х гг. соответствовало действительности). Это, по мнению местных руководителей, приводит к тому, что несмотря на некоторое «оживление» рабочего класса «деклассирование наших рабочих пока не прекратилось». Что и объясняет преобладавшие пессимистические настроения пролетариев на предприятиях области, «мещанско-обывательские взгляды на происходящее...наплевательское отношение к производству, отсутствие трудовой дисциплины» [13].

Впрочем, похожая ситуация была и в других регионах Советского Союза, ведь принесший возрождение промышленного производства НЭП привел и к изменению состава рабочих. При этом в рабочей среде не только возрождаются (правда, несколько в иных формах) старые традиции, но и возникают новые настроения. В частности, характерной чертой советского рабочего класса 1920-х гг., по мнению некоторых исследователей, «было наличие в его среде квалифицированных рабочих, имевших связь с деревней» [14], что вело к преобладанию крестьянских элементов в психологии и поведенческом стереотипе «гегемона революции».

Положение осложнялось и притоком в рабочую среду молодежи. Отличительной чертой рабочего класса автономии была его молодость (более половины фабрично-заводских рабочих коми промышленности были моложе 23 лет) и относительно невысокая квалификация [15].

Что касается относительно молодого возраста промышленных рабочих, то это явление было характерно для страны в целом. Молодежный вопрос был в стране столь острым, ибо молодые люди составляли значительную часть населения страны, кроме того, революционная молодежь именно себя, а не старших товарищей считала самой прогрессивной силой в стране. Она была недовольна своим нищенским существованием, тем, что её зажимают «отцы». Поэтому молодежь была готова поддержать скачок в будущее, причем во многом не из карьерных соображений, а желая проверить себя на прочность, получить закалку в борьбе (именно по этим соображениям молодежь и была основной движущей силой первых пятилеток). Между тем, уже к концу 1920-

х гг. менее 10 % рабочего класса были старыми кадрами, имевшими опыт как революции, так и гражданской войны. Молодые пролетарии являлись избранной группой в советском обществе 1920-х гг., силой, призванной стать поколением будущих строителей социализма. Молодой рабочий имел громадные шансы стать пролетарским выдвиженцем и «потенциальную возможность продвижения наверх». Это делало его во многом независимым, молодежь не признавала никаких авторитетов и не желала знать никакой дисциплины. Ленинградское руководство сетовало в 1926 г.: «Ребята не желают иногда подчиняться ни администрации, ни мастеру и никому другому. Если в целях производства их переводят в другой цех на худшую работу, они сопротивляются, грозят поколотить за это мастера и администрацию. Безусые мальчишки ударяют себя в грудь и орут: «За что мы боролись?» [16].

В Коми крае ситуация осложнялась и исключительно крестьянской психологией рабочей массы. Бывшие крестьяне, многие из которых ещё не порвали с сельскохозяйственным трудом, с большими сложностями привыкали к заводской дисциплине. Даже в конце 1920-х гг. на заводах автономии власти с поразительной наивностью отмечали, что несмотря на заключение соцдоговоров «с условием «ни одного прогульного дня» таковые, однако не изжиты». Действительно, только на Сыктывкарском кирпичном заводе за 15 дней прогулы совершили 15 рабочих. Было потеряно 37 человеко-дней. Причем прогульщики не выявлялись своевременно и к ним не применялись какие-нибудь серьезные административные меры. Более того, когда администрация, например, Ньючима, попыталась снизить зарплату из-за нарушений дисциплины и низкого качества работы, это вызвало серьезное недовольство рабочих предприятия. Еще большие проблемы с дисциплиной встречались в лесозаготовительной отрасли. Крестьяне, привлеченные к работе в лесу, в массовом порядке уходили домой на праздники. В определенной степени такие поступки рабочих были своеобразной реакцией на нарушения прав пролетариев и со стороны администрации. Ведь Кодекс законов о труде постоянно нарушался, положение об охране труда не соблюдалось. Так, на предприятиях «Руссголандлеса», по мнению рабочих, не имелось никаких возможностей для защиты прав трудящихся, администрация заставляла выполнять лишнюю работу помимо трудового договора, с рабочими обращались крайне грубо. Видя такое попрание своих прав и столь небрежное отношение к существующему законодательству, пролетарии считали себя не связанным нормами закона [17].

Отношения власти с рабочим классом сильно осложняло и наличие среди пролетариев большого количества молодых людей, да ещё преимущественно с крестьянской психологией, пока еще не нашедших себя в жизни, увлеченных, но плохо поддающихся управлению и дисциплине. Еще большие проблемы

представляло для властных структур непростое материальное положение рабочих, во многом определявшееся невысоким уровнем заработной платы. Даже к середине 1920-х гг. она еще не достигла довоенного уровня. Между тем власти признавали, что «определением... настроения рабочих и служащих может служить вопрос заработной платы». В первой половине 1920-х гг. в стране нередко практиковалась натуральная форма оплаты труда. В автономии это было необходимой мерой, ибо местная торговая сеть из-за слабости была не в состоянии наладить нормальное снабжение. Впрочем, постепенно денежная доля оплаты труда увеличивалась, а с середины 1920-х гг. зарплата выплачивалась только деньгами. Однако она была сравнительно невелика. На лесных предприятиях области зарплата только в середине 1920-х гг. сравнивалась с довоенной, на металлургических и особенно соляных заводах она была в этот период уже выше довоенного уровня. Способствовало улучшению материального положения работающих и принятие целого ряда законодательных актов. Теперь рабочим был гарантирован оплачиваемый отпуск, система социального страхования давала право на пособие по безработице, утрате трудоспособности, пособие по уходу за ребенком и т.п. Эти виды пособий составляли от 1/6 до 1/2 заработка. Получили рабочие возможность пользоваться бесплатной медициной, посещать курорты [18]. Конечно, все эти меры улучшали материальное положение советских трудящихся. Однако официальная статистика далеко не полностью отражала реальное положение дел.

В начальный период проведения новой экономической политики настроения как населения области в целом, так и рабочих полностью зависели от регулярности снабжения продовольствием. Власть признавали: «...настроение рабочих колеблющееся в зависимости от снабжения... Быт рабочих крайне затруднен предкризисом». Принимаемые государством меры по нормализации продовольственной ситуации вызвали огромный интерес. Например, в декабре 1921 г. сводки областного ЧК сообщают о наблюдаемом среди комрабочих «животрепещущем дебатировании по вопросу свободной торговли». Рабочие, не уверенные в том, что свободная торговля обеспечит им хорошее снабжение хлебом, и «благодаря такому состоянию рабочих замечаются среди них контрреволюционные элементы, антисоветская агитация». А в Ухте и вовсе настроение «подавленное» в связи с плохим продовольственным положением. Но постепенно снабжение улучшалось, на заводы (особенно металлургические) были направлены значительные запасы продуктов и ценностей, и ситуация стабилизировалась. В январе 1923 г. в качестве натуральной части оплаты труда рабочим чугунолитейных заводов выдавали до десяти пудов ржи. Рабочие не были удовлетворены такой оплатой, ибо цены на все продукты и предметы потребления резко выросли. Однако

власти считали, что рабочие «вполне сознательно относятся к такому, так как понимают, что заработная плата низка по причине малой доходности заводов» и с удовлетворением констатировали, что материальное положение рабочих «за последнее время сравнительно улучшилось» [19].

Но пролетарии вовсе не желали мириться со столь медленным повышением уровня жизни. Ведь даже обеспечение продуктами питания было явно недостаточным, в том числе и в Москве, где снабжение было наилучшим. Власти отмечали, что «молоко, сливочное масло и яйца (для московского рабочего) не являются предметами массового потребления и употребляются в рабочих семьях постольку, поскольку там есть дети, больные и пр. ... Для воспитания и питания детей взрослым рабочим приходится отказываться не только от удовлетворения других потребностей, но и сокращать свое питание» [20]. Если такое положение наблюдалось в снабжавшейся сравнительно неплохо столице, то что уж говорить о провинции. Кроме того, ситуация усугублялась и постоянными задержками заработной платы и продолжавшейся вплоть до середины 1920-х гг. выплатой части жалованья продуктами. В сводках Областного ГПУ постоянно говорилось о недовольстве рабочих предприятий Коми автономии как низкой зарплатой, так и задолженностями по заработной плате. Особенно серьезными были проблемы со своевременной оплатой труда. Конечно, данные вопросы стояли остро по всей стране. Региональные власти отмечали, что задержки зарплаты были во многом связаны со сложностями в процессе проведения денежной реформы и отсутствием средств у заводоуправлений. В частности, говорилось, что денежная реформа «на первых порах проходила с осложнениями и довольно серьезными, благодаря отсутствию казначейских знаков и серебряной валюты». Причем это не просто создавало затруднения с оплатой труда, дело было гораздо серьезнее. Речь уже шла о «необоснованных страхах даже среди рабочих... пролетарских районов... Были случаи, когда и коммунисты вели агитацию против денежной реформы» [21]. Так что этот вопрос начинал переходить из социально-экономической в политическую плоскость, что могло не просто сказываться на настроениях рабочих, но грозило существованию режима. Ведь задержки по зарплате в первой половине 1920-х гг. постоянно росли и составляли немалые суммы. Так, например, в первой половине 1922 г. задолженность рабочим только по Кажимскому чугунолитейному заводу составляла порой до 40 % заработной платы. Так, в январе из 105,8 тыс. руб. рабочим было выдано только 63,8 тыс. (долги составили 43 тыс. руб.), в апреле заводоуправление осталось должно рабочим 134 тыс. руб. (из общей суммы 275 тыс.). Похожая ситуация наблюдалась не только на Кажимском, но и других заводах автономии. Значительными были не только суммы, но и сроки задержек. Рабочие Северолеса в августе 1924 г. еще не

получили расчет за зимний период. Конечно, подобная ситуация не могла не волновать как рабочих, так и власти. Ведь, например, долги по зарплате лесозаготовителям приводили к серьезным проблемам с наймом рабочей силы. В отчетах властных структур различных уровней нередко встречаются указания на то, что население не желает наниматься на работу в лес, «недовольствуясь тем, что не получена еще зарплата за заготовки прошлого года». Жители края обоснованно заявляли: «Прежде чем мобилизовывать нас на ликвидацию прорывов... дайте нам зарплату, без этого работать нельзя» [22].

Немалые нарекания вызывала и практика выдачи части зарплаты продовольствием. Дело в том, что выдачи натурой проводились через систему Рабкоопа, где «отсутствуют необходимые для рабочих товары, а если и есть, то дороже, чем в других торговых организациях». Кроме того, лавки Рабкоопа не сумели в должной мере и вовремя организовать снабжение нужными продовольственными товарами, в результате рабочие Нювчимского завода в 1924 г. сетовали на то, что они «уже в течение трех месяцев не получали ни рыбы, ни круп». Недовольны были и уровнем цен в рабочих магазинах. Например, рабочие Сереговского сользавода в 1924 г. получали зарплату хлебом из расчета 1,4 руб. за пуд, хлеб же они были вынуждены продавать на свободном рынке (чтобы получить наличные средства) по цене 1,2 руб. за пуд. Фунт масла рабочим обменивали на 25 фунтов соли, что составляло около 69 коп., а в магазинах это же масло продавалось по 35-40 коп., пуд ржаной муки для рабочих стоил 2,1 руб. (а на рынке – 1,6 руб.). К тому же и качество товаров оставляло желать лучшего. Таким образом, если труд оплачивался товарами, рабочие значительно теряли в заработной плате. И это вызывало их понятное недовольство. Рабочие Нювчимского чугунолитейного завода в 1924 г. возмущались: чем покупать махорку по 14 коп. за 1/8 фунта с опилками в заводской лавке, лучше у частника купить по 8 коп. Вплоть до середины 1920-х гг. зарплата рабочим области выдавалась продовольствием, в основном мукой. Власти признавали, что «наличные деньги рабочий получает в редких случаях». Впрочем, с проведением денежной реформы и развитием системы государственной и кооперативной торговли денежная часть заработной платы постепенно увеличивалась, а натуральная – сокращалась. А с 1925–1926 гг. в лесозаготовительной промышленности автономии труд рабочих оплачивался уже только денежными средствами [23].

Оставались недовольны рабочие и уровнем заработной платы. Например, в 1924 г. она колебалась на заводах области от 22 до 46 руб. в месяц. В Нювчине жалованье рабочих составляло 40-45 руб., на Ухтинских нефтепромыслах – 38-45 руб. в месяц. Чрезвычайно низка была оплата труда поденных рабочих (как на Сереговском сользаводе, так и на чугунолитейных предприятиях она не превышала 0,6 руб.). Между тем, цены на продукты питания

были довольно высоки. Например, на конец 1924 г. они были следующими: рожь стоила 1,4-2,3 руб. за пуд, постное масло – 12,4-13,4 руб., соль – 1,13-2,2, треска – 6-7, сахар-песок – 13,3-14,3 руб. за пуд. Таким образом, дневной заработок рабочего мог приобрести на свой дневной заработок не более 1,5 кг трески или 4-5 кг ржи. Таким образом, заработная плата позволяла рабочим в лучшем случае удовлетворять лишь материальные потребности. Даже власти признавали, что заработная плата низка, что заработок рабочих уходит «исключительно на продовольствие», что требуется его увеличение. И «благодаря мизерной оплате и дороговизне товаров рабочий недоволен», именно на «почве плохого экономического положения наблюдается частичное недовольство... Советской властью» [24].

Неудовлетворенность невысоким жизненным уровнем было значительным и в других регионах страны. Причем наиболее серьезные проявления этих настроений стали проявляться именно к концу 1920-х гг. Местные структуры ГПУ постоянно сигнализировали о недовольстве рабочих. Например, в Поволжском регионе рабочие многих заводов говорили: «Раньше жили плохо и теперь не лучше, сидишь на воде и хлебе – скоро с голодухи ходить не будешь». Масла в огонь добились трудности с хлебозаготовками и еще более ухудшившееся вследствие этого, снабжение городов продовольствием. Введение карточной системы встречалось в штыки: «На 12 году революции... рабочие остаются без хлеба». Впрочем, чаще всего это глухое недовольство вовсе не было направлено против власти. Рабочие просто добивались признания имевшихся проблем: «Мы поддерживаем партию и будем поддерживать, но зачем нас обманывать... Если у государства не хватает хлеба и его нужно экономить, то так бы и сказали рабочим безо всякой маскировки» [25].

Как мы видим, к концу 1920-х гг. вновь серьезно встал вопрос о снабжении рабочих поселков, когда стал очевиден отход властей от новой экономической политики. Это стало заметно и в Коми крае. Рабочие проявляли особое недовольство постоянной нехваткой продовольственных товаров. Местные власти признавали, что «продовольственное снабжение рабочих не налажено», «безобразно». Даже трудящиеся первенца индустриализации Коми области – Сыктывкарского ЛДК – жаловались, что «в заводскую лавку не завозят продуктов питания: мяса, рыбы, консервы». Что же касается заводской столовой, то «общественное питание не только не улучшается, но... ухудшается. В столовой пища готовится из полугнилой селедки... отсутствуют какие-либо овощи, нет даже луку». Рабочим ЛДК настолько надоела соленая рыба, что они говорили: «Заморят этой селедкой». Даже власти признавали, что бывали случаи, когда рабочие «по три дня не получают даже хлеба, а зав. этими делами только разводят руками, да отвечают «а как же нам быть, когда крестьяне не продают ничего» и успокоившись на этом не улучшают снабжения». Похожее

положение складывалось и на других заводах автономии. Рабочие Ньючима были недовольны отсутствием необходимых для них товаров в заводских ларьках. А если они и были в продаже, «то дороже, чем в других торговых организациях. Кроме того, отсутствуют продукты питания». Сложившаяся продовольственная ситуация логично приводила к тому, что имело, как признавалось в сводках ОГПУ, «место массовое недовольство среди рабочих». Положение было для основной массы рабочих практически безвыходное, ведь восполнить нехватку продтоваров покупкой их у крестьян пролетарии не имели возможности. В документах того времени указывалось, что частный рынок был недоступен основным массам трудящихся. Кроме того, крестьяне сел, близких к столице автономии (Вильгорт, Чит, Зеленец и др.), поднимали цены на сельскохозяйственные товары, причем теперь уже нередко требовали за продовольствие не деньги, а промышленные товары (табак, мануфактуру и т.п.). Цены на продтовары на рынках установились действительно высокие. Так, за десяток яиц просили 8-10 руб., крынка молока шла за 2-2,5 руб., мясо – 6-7 руб. за килограмм, стакан сметаны стоил около 2 руб., масло – 16 руб. фунт. Столь дорогие продукты были доступны только специалистам, получавшим 400-450 руб. в месяц, но отнюдь не рабочим. Создавшееся положение заставило власти признать, что «в вопросах материально-бытового положения рабочих основным является продовольственный вопрос». Причем продовольственные сложности сильно влияли на настроения рабочих, их отношение к власти, что, естественно, не могло не волновать партийные и государственные структуры [26].

Особенно остро продовольственные проблемы проявлялись в отдаленных поселках лесозаготовителей. Действительно, сложностей с продовольственным снабжением поселков лесозаготовителей хватало. Даже в сводках ОГПУ говорилось о «скверном» снабжении рабочих на лесозаготовках, подчеркивалось, что «основным недостатком в подготовке к сплавному работам следует считать недостаток хлеба для выплаты 25 % зарплаты рабочим». Рабочие жаловались: «Ничего нет кроме черного хлеба, белым хлебом только по губам мажут». Во многих поселках лесозаготовителей (а точнее, почти в половине из них) даже не были построены продуктовые ларьки. Рабочие прямо говорили: «Кто будет здесь работать, руководства никакого нет, одежды, обуви нет, зарплату не выдают уже три месяца... Кто может так работать, ведь кормят одной крупой, хлеба не хватает, мясо очень дорого и не по нашему карману, поэтому мы ходим домой за продуктами». Не способствовало организации работ в лесу и отсутствие обуви и одежды. Все это грозило срывом сезонных работ. Власти признавали, что «имеющийся постоянный кадр рабочих из-за отсутствия условий для работы расходуется по домам». Значительным препятствием для вербовки рабочих оставались и долги по заработной плате.

Партийные структуры были встревожены тем, что «на местах вербовка рабочей силы проходит плохо, сельсоветы мер не принимают, ссылаясь на то, что без трудолюбивости все равно никто наниматься не будет». Многие крестьяне старались не попасть под разрядку лесозаготовок и попросту уезжали из области. Виноваты были в таком положении сами работодатели. Мало того, что им не удавалось обеспечить минимально приемлемые условия труда: продовольственное снабжение рабочих и своевременную выдачу заработка. Они выдвигали при найме такие жесткие условия (высокие нормы выработки и т.п.), что отказывались работать даже ко всему привыкшие комсомольцы [27].

Сложное продовольственное положение в области, непростые климатические условия и относительно невысокая оплата труда приводили к массовому исходу квалифицированной рабочей силы. Власти сетовали, что «технический персонал, недовольствуясь продовольственными затруднениями, собирается уезжать из области». Это процесс принимал характер бегства. При этом важно отметить, что и привлечь в отдаленную область квалифицированных специалистов было непросто. На VIII Областной партконференции (1925 г.) на этот счет прямо говорилось: «У нас нет дельных специалистов. Хорошие работники в нашу отдаленную и глухую область не едут, приходится довольствоваться людьми слабыми и случайными». Нередко даже завербованные за тысячи верст квалифицированные рабочие (как это случилось на Печорском лесозаводе) из-за недостаточного заработка быстро уезжали. В итоге столь нужных для области специалистов явно не хватало. Например, в конце 1920-х гг. лесная отрасль была укомплектована инженерно-техническим персоналом на 15-20 % «в качественном отношении» и наполовину «в количественном». Таким образом, складывающаяся ситуация была тревожна не только из-за острого недостатка имеющихся специалистов, но и уровня их подготовки. К тому же она осложнялась и трениями технического и управляющего персонала с рабочими. Чаще всего это вызывалось «грубым и бюрократическим» отношением администрации к рабочему персоналу. Трудящиеся обвиняли руководство предприятий в злоупотреблениях, несоблюдении прав рабочих, систематических нарушениях Кодекса о труде, даже побоях со стороны управляющих. Вот что сообщалось, например, в газете «Югд туй» в конце 1922 г. о работе Сереговского сользавода: «Дела на Сереговском заводе неважны... Табельщик завода берет на работу только по своему нраву. Служащих на заводе точно муравьев в муравейнике... Коллективный договор рабочих... выполняется не точно, и многие из рабочих не знают и его содержания. Реденько проходят собрания, но голос рабочего остается в большинстве случаев гласом вопиющего в пустыне. В бухгалтерии путаница страшная, расчеты с рабочими производятся неточно... Так то

живем мы на заводе» [28]. Конечно, возможно, краски в данном случае несколько сгущены, но ситуация складывалась явно тревожная.

Серьезный разлад в отношении рабочих и квалифицированных служащих вносил и наметившийся в нэповский период значительный разрыв в доходах этих социальных групп. Государство, понявшее ценность специалистов и озабоченное их нехваткой, было вынуждено хорошо оплачивать квалифицированный труд. Это ярко выразилось в установлении сдельной системы оплаты труда и введении тарифной сетки, определяющей уровень заработной платы различных категорий работников. При этом повышающий коэффициент для рабочих профессий был заметно ниже, чем у управленцев и административного персонала. Например, в конце 1920-х гг. «в среднем по крупной промышленности заработок директора превышал заработок среднего служащего в 3,1 раза, рабочего в 5,6 раза, а чернорабочего – в 7 раз» [29]. Это вызывало понятную зависть и недовольство рабочего класса, которому еще недавно, в годы «военного коммунизма» постоянно говорили о всеобщем равенстве. Не обошло это явление и рабочих Коми заводов. Они с возмущением говорили о высоких доходах административного аппарата. Например, рабочие Сереговского завода в 1926 г. сетовали: «Управляющий заводом получает сто двадцать рублей в месяц и ничего не делает, а нам... платят лишь столько, чтобы не могли с голоду сдохнуть». Налицо был «отрыв аппарата от массы». В других регионах страны на этой почве фиксировалось прямое недовольство рабочих политикой правительства. Нередко рабочие, рассуждая о значительном разрыве между зарплатой административно-технического персонала и рядовыми тружениками, делали вывод о том, что «видимо, правительство идет не по путям равенства, а по путям выделения привилегированной верхушки». Подобные настроения были даже выгодны для властей, особенно в условиях начавшегося в конце 1920-х гг. левого поворота, ибо они способствовали нарастанию раскола между спецами и рабочими, помогали отвлечь рабочих от неудобных для властей тем. Именно поэтому в Коми крае власть, понимая, что на многих предприятиях складываются «натянутые отношения» рабочих и заводоуправления, в большинстве случаев вставали на сторону рабочих, полагая, что управленческий аппарат «засорен чуждым бюрократическим и антисоветским элементом», «белобандитами» и «политически безграмотными» руководителями. Именно поэтому многие управленцы «не отвечают своему назначению и с возлагаемыми на них задачами не справляются». Выход виделся в «выдвижении на руководящую работу батрачества и бедноты». Проводимые чистки приводили к частой смене руководящих кадров (нередко за один присест лишались постов 10-15 % руководителей). А такая нестабильность вела к

неразберихе и еще больше осложняла ситуацию (тем более, что перемены отнюдь не усиливали руководство предприятий) [30].

Подобные конфликты не были чем-либо особенным. Они имели место и в других регионах. Органы ГПУ нередко фиксировали «сильный антагонизм между ответработниками-коммунистами и спецами с одной стороны, и рабочими – с другой». Пролетарии были крайне обозлены на административную верхушку. Об этом свидетельствуют такие высказывания: «На нашем месте заставить бы поработать комиссаров, да ответработничков, выезжающих на нашей шее и угнетающих нас хуже, чем буржуазия». Порой это недовольство перекидывалось и на партийную верхушку, что, естественно, было весьма тревожным сигналом для власти. Например, в Самаре группа рабочих прямо заявляла партбюрократам: «Все вы такие жулики и кровопийцы, как и вся партия. На наши трудовые копейки роскошничайте и пьянствуйте... Понасажали вас здесь, вы и издеваетесь над рабочим классом. Мы боролись не за то, чтобы выкармливать таких гадов». Часто такие настроения рабочих провоцировали сами работники администрации, которые бравировали своей обеспеченностью. В одном из отчетов ГПУ по Поволжью, например, подчеркивалось, что «верхи ведут себя... нетактично: пьянствуют на глазах всей рабочей и партийной массы, ездят на рысаках», что вызывает неприязнь и недоверие рабочих. Поэтому рабочие очень болезненно реагировали на грубость административного персонала, пренебрежительное отношение к их нуждам (в частности, к охране труда и обеспечению техники безопасности) [31].

Подобные настроения «спецеества» нередко оцениваются в научной и публицистической литературе как своего рода «антиинтеллектуализм». Но они носили и определенный политический оттенок. Дело в том, что члены администрации и высококвалифицированные специалисты фабрик и заводов были в своем большинстве выходцами из обеспеченных, так называемых буржуазных и мелкобуржуазных слоев общества. Вполне естественно, что малограмотные и не так хорошо оплачиваемые рабочие пытались обвинять во многих (если не во всех) производственных проблемах именно «спецов». Ряд исследователей такое отношение связывает с тем, что как раз администрация и технические специалисты занимались вопросами пересмотра норм выработки, интенсификации производства, ужесточения дисциплины (к которому рабочие с преимущественно крестьянской психологией оказались не готовы). Таким образом, несовершенная система расценок и норм, производственные реорганизации и т.п. создавали весьма нездоровые отношения между рабочими и специалистами, порой перераставшие не просто в недоверие, но и в открытую враждебность. При этом надо отметить и определенную разницу между квалифицированными и неквалифици-

цированными рабочими. Квалифицированный пролетарий, осознавший ценность своего труда в нэповский период, когда вводились хозрасчет и иные меры материального стимулирования труда, стал жестко относиться к проявлениям бесхозяйственности, нарушениям трудовой дисциплины, уравниловке в заработной плате. И это вносило определенные трещины в единство гегемона революции. Квалифицированный и неквалифицированный рабочий были недовольны разными сторонами жизни. Если квалифицированный пролетарий выражал несогласие с закрытием школ, недостаточностью культурно-просветительной работы, то неквалифицированный – низкой зарплатой, значительной разницей в оплате труда, угрозой безработицы. Причем, к концу 1920-х гг. конфликт между «старыми» и «новыми» (преимущественно из крестьян) рабочими заметно усилился [32]. Ведь психология этих людей была весьма различна. Но данная проблема не была характерна для Коми автономии, где в основном трудились малоквалифицированные рабочие, и трудящихся с твердо установившейся рабочей психологией и закалкой потомственного пролетария почти не было. Возможно, именно этим обстоятельством и объясняется столь значительное место в трудовых конфликтах в Коми автономии, как зарплата, недовольство действиями администрации, жилищные проблемы.

Впрочем, жилищный вопрос стоял в автономии действительно чрезвычайно остро. Если на старых заводах, особенно чугунолитейных (Нювчим, Кажим, Нючпас), большинство рабочих жило в собственных домах, и данная проблема им по понятным причинам была неинтересна, то вот на ряде предприятий, вынужденных нанимать сезонных рабочих, ситуация с жильем была не из простых. В официальных документах признавалось, что «быт рабочих был во всех отношениях плохой». Действительно, описание помещений, в котором жили и работали трудящиеся, производит жуткое впечатление. Например, газета «Югд туй» в апреле 1923 г., рассказывая о положении в Серегово, пишет об «убогих, сгнивших солеварницах», в которых царят сырость и духота, в которых рабочие получают отравления, говорится и об отсутствии жилищ, соответствующих минимальным санитарным нормам. Похожее положение было и на Ухтинских нефтепромыслах, где рабочие проживали в «сырых, грязных помещениях». Но особенно непростыми были условия жилья рабочих лесной промышленности, причем, не только в лесопунктах, но даже в городах. Вот как описывается общежитие рабочих «Северолеса» в Усть-Сысольске той же газетой «Югд туй» в мае 1925 г.: «Первая комната... очень маленькая, была набита спящими рабочими. Спят на голом полу, вповалку, кто как успел расположиться, и не раздеваясь. Раздеваться нельзя, так как на полу толстый слой грязи, а нар, где бы могли отдыхать рабочие, не имеется». Правда, другие комнаты выглядят почище, в

них хотя бы есть нары, но и там «воздух скверный», какое-либо освещение отсутствует». «Вот так «Северолес» держит своих рабочих и дорожит ими, закупоря как сельдей в бочке, в духоте, темноте и грязи», – подводит грустный итог газета [33].

Не лучше было положение и на флагмане индустрии Коми автономии – Сыктывкарском лесозаводе. Сводки ОГПУ, фиксируя настроения рабочих, свидетельствовали о нежелательных для властей тенденциях. Одной из причин негативного отношения рабочих СЛДК к проводимой в стране политике политуправление считало «совершенно неудовлетворительные» жилищные условия рабочих. Говорилось о том, что в рабочих бараках «теснота и антисанитарные условия». Проживающие в них с трудом спасались «от большого количества клопов и тараканов». Люди были вынуждены искать иного места для ночлега, нежели собственное жилище, и устраивались на чердаках. Сами бараки были ветхие. Их стены «имеют провалы и щели, в которые продувает ветер». Да и нравы царили в жилищах далеко не ангельские. По мнению ГПУ, там требовалась систематическая охрана. Отсутствие таковой вело к «систематическим кражам у рабочих денег, вещей, продуктов». Власти были всерьез обеспокоены подобным положением, ибо, по справедливому замечанию ОГПУ, «существующие материально-бытовые условия рабочих на заводе не обеспечивали закрепление постоянного кадра и поднятия производительности труда рабочих» [34], что в условиях начинавшейся индустриализации было недопустимо.

Аналогичные проблемы наблюдались и в поселках лесозаготовителей. Здесь так же складывалось «крайне ненормальное положение» с вербовкой рабочих, что вело к сезонному кризису вывоза лесоматериалов. Между тем, именно экспорт леса был одним из источников валютных поступлений, особенно важных в условиях индустриального обновления страны. А во многом сложности с обеспечением лесной промышленности кадрами лесозаготовителей объяснялись явно ненормальными жилищными условиями, в которых отдыхали лесные рабочие. Конечно, жилищное строительство в лесу велось, во многих поселках были сооружены бараки. Однако почти везде они с самого начала их эксплуатации находились в «безобразном состоянии». Вот как они характеризовались в одном из отчетов: «Бараки по качеству плохи, построены из сырораствующего материала, со стен и потолков течет, необходимым инвентарем в достаточной степени не оборудованы (частично нет печей, сушилок, столов, баков, кипятильников, умывальников и т.д.). Имели место случаи, в виду необорудованности бараков, временного помещения лесорубов в конюшни...». Жилые помещения были переполнены, нередко в бараке, рассчитанном на 40 человек, ютилось до 80 рабочих. Во многих местах избушки лесорубов представляли жалкое зрелище. Например,

в Нившере рабочие жили «по колено в воде», так как крыши безбожно протекали. Даже власти признавали, что в таких условиях «жить нельзя». Понятно, что столкнувшись с подобными условиями проживания, низкой и несвоевременной оплатой труда, негодным продовольственным снабжением, люди отказывались работать на лесозаготовках, справедливо замечая, что «это есть принудительный труд» [35].

Но утверждать, что Коми область в плане обеспечения достойными жилищными условиями рабочих в чем-то отличалась от других регионов страны, нельзя. Везде наблюдалась острая нехватка жилья (еще более обострившаяся позднее, в период индустриализации). Обеспеченность «квадратными метрами» серьезно отставала даже от размера допустимого минимума жилой площади на человека (8 кв. м). По официальным данным переписи 1926 г., в среднем по СССР на одного человека приходилось не более 5,9 кв. м жилья. Согласно проведенным еще в середине 1920-х гг. исследованиям, лишь 3,5 % семей рабочих и 22,5 % семей служащих жили в относительно сносных условиях, подавляющее же большинство в «невозможных». Износ муниципального жилищного фонда достигал 40 %. Большинство помещений не соответствовало никаким санитарным нормам. Практически не было жилья, в котором имелись бы водопровод и канализация. Попытки решить проблему путем создания общежитий рабочей молодежи в тот период особых результатов не принесли. Органы ГПУ в своих отчетах почти во всех районах страны постоянно отмечали «наличие ненормальных жилищных условий рабочих (скученность, барачный образ жизни, сырость старых помещений, далеко не достаточное строительство новых жилищ для рабочих)» [36]. Глава правительства А.И.Рыков в 1927 г. был вынужден признать, что с жильем «в целом ряде районов чуть ли не хуже, чем до войны» [37]. Действительно, имевшиеся рабочие жилища глаз не радовали, даже в столице страны. Вот, например, как выглядело одно из московских рабочих общежитий в 1925 г.: «Это была казарма с высокими потолками на шестьдесят кроватей. У двери топилась печка, обитая железом. К ней прислонялись валенки для сушки. Жалобно хрипел граммофон. Несколько мальчишек в пальто и шапках курили, играли в карты, матерились. Полы в уборной были залиты мочой. Выйдя из этого смрадного места, люди, не снимая обуви, ложились на свои кровати. Все к этому привыкли. Никому и в голову не приходило сделать им замечание...» И такое положение было не исключением, а правилом. Вот мало чем отличающееся от первого описание общежития еще одной фабрики: «В комнатах накурено. От цементных полов зимой холодно, а летом пыльно. Кровати тесно сдвинуты, постели смяты и сбиты в сторону сапогами. На них ложились, не раздеваясь и не снимая сапог. Наволочки на подушках лоснились от давно не мытых салных голов. В мужской комнате на шестьдесят кроватей

приходилось восемьдесят жильцов, из них несколько жен рабочих с детьми. Некоторые кровати так и были заняты целыми семьями. На полу окурки и плевки. Вентиляция отсутствовала. Было душно и шумно. Среди проживающих встречались довольно колоритные личности, например, комсомолец Журавлев. Последний раз его умыли сразу после рождения, и с тех пор он являлся ярким противником всех средств личной гигиены, утверждая, что бактерии от грязи дохнут... Товарищи по общежитию воспринимали его как «ходячую заразу» и требовали выселить...» [38]. Сколь похоже это на картину, что мы встретили в общежитии рабочих «Северолеса». Только одна была в Москве, другая – в Усть-Сысольске.

Современники отмечали, что население настолько привыкло к грязи и беспорядку, что попросту не замечало их. Поэтому свойственная жилищным условиям антисанитария переносилась, как мы заметили, и на отношение к собственному телу и одежде. Возможно, здесь сказывалась и привычка экономить на всем, на чем можно и нельзя. Например, молодежный журнал «Смена» в заметке, посвященной нечистоплотности молодежи, в 1927 г. отмечал: «Зачастую в понедельник комсомолец приходит на работу прямо с гулянья. На его ногах по 40 рублей лакированные шимми, шевиотовый костюм, галстук. Он снимает с себя ботинки, пиджак, рубашку, надевает халат и – о ужас! – шея и спина грязные, рубаха нижняя рваная, из носков пальцы выглядят, несет нестерпимым потом!» Не помогала улучшить положение и деятельность специально созданной в Москве Чрезвычайной санитарной комиссии [39].

Но если такое наблюдалось в центральных районах, то что уж говорить о ситуации в отдаленном северном регионе. Во многом сохранению темноты и невежественности рабочих масс способствовала и безразличная позиция местных властей. Они в двадцатые годы во многом отстранились от организации культурно-массовой работы. В большинстве рабочих поселков она существовала только на бумаге. В одной из сводок ОГПУ о положении дел в поселках лесозаготовителей отмечалось: «Культурно-массовой работы среди лесорубов нет... Красные уголки пустуют, местные организации ограничились лишь составлением планов, а на реализацию их должного внимания не уделяется...». «Культпросветработа поставлена не везде», – жаловались в другом документе. В какой-то степени такое положение было даже выгодно властям. Они, конечно, замечали «сильную отсталость рабочих» и «отсутствие каких-либо культурных развлечений», но полагали, что это ограничивает запросы рабочих. Ибо зарплата идет исключительно на удовлетворение материальных потребностей и, несмотря на её мизерность, «является для существования в течение месяца достаточной» [40]. Конечно, такая позиция была довольно близорукой, в центре важность просветительской деятельности

среди рабочей массы прекрасно понимали, но средств для ведения подобной деятельности вследствие ортодоксальной финансовой политики, требовавшей всемерного сокращения расходов, постоянно не хватало.

Недовольство рабочих собственным положением, в первую очередь материальным, приводило не просто к столкновениям с администрацией, но и к таким неприятным для властей явлениям, как забастовки. При этом в начальный период НЭПа поводом для забастовок на многих предприятиях страны являлось сокращение размера и задержки выдачи продовольственных пайков. Падение курса рубля увеличивало заинтересованность рабочих в натурализации заработной платы, особенно это актуально было для низкооплачиваемых категорий. Ибо они выкупали паек по более низким ценам. Таким образом власть пыталась реализовать принципы социальной справедливости. В это время в забастовочное движение пытались включиться враждебные большевикам эсеры и меньшевики, но в Коми области активность этих политических сил незаметна. С 1922/23 г. наблюдаются уже и качественные изменения в забастовочном движении. Увеличивается не только их число, но и продолжительность. Меняются и причины остановок работы, требования рабочих. Теперь это в основном увеличение зарплаты и снижение норм выработки, хотя продовольственный вопрос продолжает волновать рабочие массы, и недостатки в продовольственном обеспечении остаются причиной рабочего недовольства [41].

Имели место они и в Коми области. Так, летом 1925 г. вспыхнула забастовка рабочих на Сереговском сользаводе. Она началась на «почве плохого экономического положения» рабочих, грубости администрации, постоянного нарушения трудового законодательства, в особенности в сфере охраны труда. Поводом для недовольства рабочих было достаточно, оплата труда была «мизерной», к тому же выдавалась она в большинстве случаев не наличными, а товарами из заводской лавки (а цены там были намного выше, а ассортимент – много беднее (в основном только мука), нежели у частных торговцев). Нередко и натуральная оплата задерживалась на длительный срок. Администрация удовлетворить требования забастовщиков была не в состоянии, ибо для закупки товаров в заводскую лавку просто не имелось средств. Впрочем, забастовочное движение удалось потушить быстро, ведь завод вследствие экономических трудностей был на грани закрытия, а терять рабочее место людям не хотелось. Но сам факт забастовки, да к тому же, как отмечалось, проявившееся в ходе забастовки «частичное недовольство на Советскую власть» не могли оставить местные партийно-государственные структуры безучастными. Да и на других предприятиях автономии угроза забастовки была вполне реальна. Так, на грани остановки производства был в начале 1924 г. Ньючимский чугунолитейный завод, когда массовое

недовольство рабочих вызвали попытки администрации снизить заработную плату работникам предприятия. Однако причины недовольства власти и администрация предприятий полностью снять были, как уже отмечалось, не в состоянии, что вновь и вновь приводило к кризису в отношениях с рабочими. В значительной степени этому способствовало и отсутствие гибкости в действиях руководящих структур. При этом надо заметить, что порой рабочие пытались перенести недовольство своим положением на администрацию предприятия. Но нередко как раз грубость и произвол со стороны администрации приводили к забастовкам. Именно эти обстоятельства привели к повторению забастовки на Сереговском заводе в 1925 г. [42].

Еще более значительные масштабы приняло забастовочное движение в лесной отрасли Коми края во второй половине 1920-х гг. (хотя в целом для страны в этот период было характерно снижение забастовочной волны). Возможно, эта активность была спровоцирована позицией властей, которые особенно активно реагировали на выступления сотрудников частных и концессионных предприятий. Ибо власть могла здесь в полной мере выступить в качестве защитника интересов рабочей массы, не ущемляя экономических интересов государства. В Коми крае первые признаки недовольства лесозаготовителей стали очевидны уже в 1924 г. В начале этого года на некоторое время прекратили работу лесорубы на Выми. В мае забастовали недовольные заработной платой рабочие «Северолеса» в Ибском районе. Действительно, основания для недовольства имелись: за 12-часовой рабочий день давали один рубль и 5 пудов ржи. Рабочие полагали, что это – слишком небольшая оплата их тяжелого труда, и требовали сдельной оплаты – 25 копеек с бревна. Забастовка продолжалась семь дней и закончилась компромиссным соглашением: 18 копеек с бревна. Волнения в 1924 г. возникли и среди рабочих треста «Руссголландлес», не удовлетворенных малой прибавкой к заработной плате. В 1925 г. забастовка на предприятиях «Северолеса» повторилась. Рабочие отказались сплавлять лес и направили делегацию в контору с требованием об увеличении заработной платы. Отказ администрации повысить заработную плату послужил поводом для прекращения работы и сплавщиков «Англолеса» в Усть-Куломском районе в 1926 г. Чтобы возобновить работу, администрации пришлось пойти на уступки и увеличить зарплату. Забастовки в лесной отрасли не прекращались всю вторую половину двадцатых годов. Так, только за девять месяцев 1929 г. в Коми автономии было зафиксировано несколько подобных случаев (в том числе одна забастовка – на лесозаготовках, и четыре – на сплаве). При этом все без исключения забастовки носили экономический характер, и большая часть выступлений рабочих заканчивалась хотя бы частичным удовлетворением их требований [43].

Говоря о размахе забастовочного движения, мы должны указать на то, что вряд ли можно в точной степени судить о его масштабах. И это несмотря на то, что оно находилось в сфере особого внимания партийного руководства. Ведь доклады о забастовках помимо грифа «совершенно секретно» имели пометку «по прочтении сжечь, о чем составить акт и сообщить в бюро секретариата ЦК». Поэтому вполне возможно, что свидетельств о ряде забастовок мы не имеем. Даже приводимые в документах данные весьма разнятся. Например, количество стачек, зафиксированное органами ГПУ, в разы превышает профсоюзную статистику. То же самое можно говорить и о числе бастовавших. Впрочем, вряд ли в трудовых конфликтах участвовало значительное число трудящихся. Исследователи свидетельствуют о том, что в стачках нэповского периода принимало участие не более 3 % индустриальных рабочих [44].

И все же забастовочное движение в 1920-е гг. порой принимало острые и неприятные для властей формы. Так что забастовки рабочих в Коми крае не были в этом смысле каким-либо исключением. Стаечное движение рабочего класса наблюдалось в 1920-е гг. по всей стране. Основной причиной было недовольство реальным снижением жизненного уровня людей. Нередко забастовка была актом отчаяния, крайней мерой, последней надеждой привлечь внимание администрации к проблемам рабочих. Политизированные выступления практически прекратились (в отличие от периода «военного коммунизма»), а экономические стачки были непродолжительными, по большей части стихийными, плохо организованными и менее массовыми. При этом настроения трудящихся характеризовались крайней неустойчивостью, склонностью к компромиссам. Государство не без успеха использовало мирные средства разрешения трудовых споров, уходя от жестких форм противостояния. Уступки, на которые шла власть, отчасти снимали социальную напряженность, однако «в период нэпа уровень общественного богатства был так низок, что административное вмешательство в ущерб экономической эффективности, было единственным способом соблюдения насущных интересов трудящихся слоев общества... консервация этих мер глубоко противоречила коренным интересам тех же трудящихся, воспитывая в них иждивенческие настроения» [45]. И разрешить эту проблему власть в силу экономической слабости системы оказывалась не в состоянии.

Еще одна особенность протестного движения: в него, как мы видели, было вовлечено абсолютное меньшинство рабочих. Конечно, любая забастовка, даже имеющая, казалось бы, сугубо экономический характер, волевым несет в себе и политическую составляющую, ибо она выражает недовольство политикой властей. В выступлениях рабочих, которые содержали вполне умеренные требования, можно обнаружить и критическое отношение

к действиям государственных структур. Нередко именно Советскую власть и коммунистов рабочие обвиняли в «неумелом ведении хозяйства». Поэтому практически всякая стачка расценивалась как выступление против существующей власти. Но в целом можно согласиться с мнением тех исследователей, которые полагают, что в трудовых конфликтах периода НЭПа не следует выделять политическую подкладку, настолько незначительное место она занимала. К тому же сама власть стремилась свести трудовой спор к признанию отдельных недостатков, перенаправляя тем самым, недовольство рабочих на администраторов низового уровня [46].

При этом все же именно новая экономическая политика, несмотря на все издержки, смогла в определенной степени улучшить положение трудящихся. Хотя в основном это, скорее, заслуга частного, нежели государства. Ведь основной причиной недовольства рабочих (в том числе и на предприятиях Коми края) в начале 1920-х гг. были остановки предприятий (или угроза прекращения их работы). И это было итогом не провалов в деятельности того или иного завода, а вытекало из общей экономической ситуации, вызванной «военным коммунизмом». Но при этом пик забастовочного движения в России пришелся на начальный период НЭПа, а точнее, 1922 г. Ведь рабочий в этот момент был дезориентирован. С одной стороны – снимались ограничения и запреты 1917–1920 гг. (с товарно-денежных отношений, возможности выбирать место работы и т.д.). В то же время рабочий не без основания полагал, что результатами НЭПа воспользуется, в первую очередь, возрожденная самой Советской властью новая буржуазия (которая будет стремиться восстановить капитализм) Однако забастовочное движение рабочих (протестовавших, в том числе и против нэпманов) было подавлено властями, ибо для власти в тот момент было важнее обеспечить существование нэпманов, нежели защитить интересы рабочих. Ведь именно благодаря «новой буржуазии» в стране удалось в значительной степени снизить социальную напряженность, и власть получила необходимую передышку [47].

В какой-то степени волну стачечного движения заглушала боязнь безработицы. Особенно страшно потерять имеющуюся работу было для трудящихся Коми края. Ведь предприятий было немного, и найти новое место было практически невозможно. И потеря работы в заводских поселках грозила голодом. В одной из сводок ГПУ говорилось о положении уволенных с Сереговского завода: «Безработные женщины Сереговского сользавода остаются без куска хлеба». Наверное, поэтому забастовки в автономии были все же редким явлением. Рабочие шли на эту меру только в том случае, когда были доведены до крайности. Впрочем, количество безработных в автономии было сравнительно невелико. Например, в 1926 г. в посредническом бюро (заменившем Биржу труда) зарегистрировалось всего 100 чел. Причем только

десять из них были «пролетарского происхождения». Иная ситуация наблюдалась в других регионах, где недовольство потерявших место рабочих было направлено не только на администрацию бирж труда и страховых касс. Открыто выражалось и недовольство самой властью: «Разве это жизнь, когда на производстве работать нет возможности, а уволишься – страхкасса пособие не хочет выдавать. Разве это власть? Разве это пролетарская партия, которая ведет к гибели рабочий класс...» [48]. Об открытом выражении подобных настроений безработных в Коми крае сведений нет.

Ситуацию в некоторой степени смягчала и позиция профессиональных союзов. После победы большевиков они взяли курс на огосударствление профсоюзов. Поэтому данные структуры начали рассматривать забастовочное движение как подрыв рабочей власти и нарушение союзной дисциплины. Однако новая экономическая политика и допущение капиталистических отношений в народное хозяйство заставили многих профсоюзных деятелей по-новому поставить вопрос о деятельности профсоюзов. Допущение рынка при общем сохранении курса на социалистическое строительство заставляло в условиях сохранения классовой борьбы признания стачек как средства защиты классовых интересов пролетариата. При этом от руководства профсоюзов требовалось по-новому определить как роль профсоюзов, так и в политическом плане обосновать принципиальную разницу между стачками в частном и государственном секторе народного хозяйства. Главная же задача, что стояла перед советскими профсоюзами в годы НЭПа, заключалась в посредничестве между рабочими и государством в разрешении возникающих конфликтных ситуаций. Они, прежде всего, должны были своевременно устранять «поводы к конфликтам», тем самым, защищая интересы рабочих. Именно предупреждение конфликтов и предлагалось считать мерилем успешности работы профорганов. Однако в подобной ситуации профсоюзы попадали в весьма двойственное положение. С одной стороны, главными методами работы считались убеждение и воспитание, а с другой они должны были, как часть власти, применять и методы принуждения, что нередко способствовало возникновению негативных настроений среди трудящихся. Так, рабочие весьма неоднозначно воспринимали действия профсоюзов, направленные на укрепление трудовой дисциплины (они были весьма разнообразны, вплоть до разработки в 1923 г. ВЦСПС специального «Табеля взысканий»). Например, один из поволжских рабочих прямо заявил «эта труддисциплина нас, рабочих, задавила, жить стало невозможно. Зачем нам после этого профсоюз, если он отказывается защищать? Зачем мы будем им платить деньги, зачем нам подчиняться таким законам... их дают пузаны, сидящие в центре, за наш труд наедающие брюхо». И подобные настроения не были редкостью, ведь рабочие продолжали воспринимать профсоюзные

органы исключительно как защитника своих прав, не желая видеть в них часть государственного аппарата, пытающегося погасить трудовые конфликты, причем, далеко не всегда действуя в пользу рабочих. Но в первые годы НЭПа стачечная борьба приняла столь массовый характер, что практика работы профсоюзов не соответствовала теории «своевременного устранения» конфликтов. Конечно, руководство профсоюзов прекрасно понимало непростое положение трудовых масс и пыталось добиться улучшения ситуации. Однако проблемы, вызывавшие недовольство рабочих, были весьма масштабны, отражали широкий спектр нэповской действительности, и, главное, носили системный характер. Поэтому на профорганы в условиях принявших массовый характер протестов власти возложили непосильную задачу: свести проявления недовольства в определенные, предусмотренные властями рамки, не допускающие остановки работы. Во многом этого пытались достичь путем заключения коллективных трудовых договоров, фиксирующих все нюансы трудовых отношений. Разработка и принятие данных соглашений была возложена на профсоюзы. Впрочем, профорганизации слабо справлялись с этой задачей. Поэтому властям (нередко через структуры профсоюзов) приходилось прибегать к карательным санкциям, что опять же порождало недоверие рабочих к профессиональным союзам. Поэтому по признанию самих профорганов большинство стачек объявлялось не только без согласования с профсоюзами, но даже вопреки их примиренческой позиции. Впрочем, целый ряд споров в условиях новой экономической политики удалось разрешить и без прерывания работы. Такие инциденты именовались «трудовыми конфликтами». Причем, в отношении трудовых конфликтов на государственных и негосударственных (арендных, концессионных) предприятиях профсоюзы занимали весьма разнящуюся позицию. В негосударственном секторе профсоюзы даже поддерживали забастовочное движение. Нередко даже незначительное нарушение частником трудового законодательства заканчивалось судебным разбирательством. И признание права на забастовку в 1922 г. было во многом вызвано появлением частного сектора и необходимостью в связи с этим бороться с эксплуатацией. Играла свою роль и важность поддержки государства в условиях конкуренции между частным и государственным секторами экономики. Но даже эти действия не означали перемен в политическом статусе профсоюзов. Они защищали, в первую очередь, интересы государства [49]. Таким образом, профессиональные союзы, которые должны были стать, по мысли большевистского руководства, «школой коммунизма», фактически мало что могли предпринять для улучшения положения и защиты прав рабочих масс. Ведь их деятельность не должна была выходить за строго очерченные партийными структурами рамки.

А в Коми крае к тому же деятельность профсоюзов была в силу их малочисленности малозаметна. Хотя надо признать, ряды профессиональных союзов имели ярко выраженную тенденцию к расширению. Если в 1924 г. в профсоюзах Коми автономной области состояло чуть более 3,2 тыс. чел., то в 1925 г. – уже более 9,3 тыс., а к концу 1926 г. – более 16 тыс. чел. (в других источниках фигурируют иные данные: в 1925 г. – 11,4 тыс., в 1926 г. – 13,7 тыс., в 1927 г. – 15,4 тыс. чел.). Однако собственно заводских рабочих в коми профсоюзах было немного – не более 6 %. Основу коми профсоюзов составляли служащие (около 36 %) и крестьяне, занятые на лесозаготовках (более 58 %). Власти признавали, что «основная база профсоюзов – это лесозаготовительная и лесорубческая масса». Между тем, постоянно растущие объемы лесозаготовок в области обеспечивались исключительно силами крестьян-сезонников. При этом срок работы таких работников был весьма коротким. И вскоре лесозаготовители возвращались к привычному крестьянскому труду. За столь короткий срок они не успевали впитать рабочую психологию, почувствовать себя полноценными представителями пролетарского класса. В своем большинстве они оставались крестьянами. В полной мере рабочими их вряд ли можно считать. А вот количество потомственных рабочих в Коми крае, в том числе и в профсоюзах, вследствие постепенного закрытия ряда заводских предприятий имело тенденцию к уменьшению. Только в 1926 г. количество заводских рабочих из-за консервации Кажимского чугунолитейного завода сократилось с 532 до 424 чел. При этом действия профсоюзов по защите экономических интересов рабочих даже официальными структурами признавались «недостаточными». Профессиональные организации не обращали должного внимания даже на такие болезненные для рабочей массы моменты, как своевременная выплата заработной платы, нарушения существующего законодательства при приеме и увольнении с работы и т.п. Хозяйственные структуры при полном попустительстве профорганов принижали материальные и бытовые интересы рабочих. Правда, в городе профсоюзы действовали гораздо активнее, и пресса тех лет фиксирует рост числа трудовых конфликтов по инициативе профорганов. Недостатки в работе профсоюзов списывались на молодость профсоюзной организации. Власти полагали, что формализм в работе этих структур можно изжить при более активном участии партийных органов в профсоюзной работе [50]. Впрочем, определенную активность профсоюзы в деле реальной защиты интересов рабочих проявляли, как и в других районах страны, на концессионных лесозаготовительных предприятиях. Именно на них, как мы убедились, наблюдалось наибольшее число трудовых споров, которые заканчивались и стачками, и уступками рабочим. Впрочем, профсоюзы играли определенную роль в защите материальных интересов своих членов, обсуждении и принятии коллективных

договоров, контроле за выполнением этих соглашений, организации и работе различных производственных комиссий и совещаний. Вели профсоюзы и культурно-массовую и политико-просветительную работу. Немало сделали эти организации в деле обеспечения путевками в дома отдыха, санатории. Так, только в 1925 г. путевки получили 60 рабочих и служащих Коми автономии (причем до 80 % таких путевок предоставлялось именно рабочим) [51]. Однако участие профсоюзов в деле улучшения положения рабочих было незначительным. Их неспособность защитить интересы рабочих обусловили как малую привлекательность этих структур для рабочего класса (членство в них становилось нередко просто обязательной формальностью), так и небольшой авторитет профсоюзных организаций.

Нежелание, а может быть, неспособность обеспечить реальное повышение жизненного уровня населения (в том числе и рабочих) приводили к относительным неудачам многих государственных инициатив. Так, например, в конце 1920-х гг. с большим скрипом шла подписка на государственные займы. Задолженность по подписке достигала в некоторых районах автономии 80 % суммы. Власти свидетельствовали о «равнодушном отношении» к этой кампании. Например, рабочие на лесозаготовках подписывались на весьма незначительные суммы, заявляя, что принимаемые меры «нарушают установки ВЦСПС», да и «займами хозяйство не поднимешь», а «если у Советского государства нет средств на индустриализацию, пусть не берется за такие большие планы». Власти полагали, что это результат бездействия комиссии по реализации займа, плохо развернутой разъяснительной работы и т.п. [52]. Думается, причины лежали глубже – в определенном недоверии к власти, отсюда и настороженное отношение рабочих к подобным мероприятиям.

Это подтверждается и оценками самих властей. В целом, по наблюдениям властных структур, настроения рабочих в Коми крае в 1920-е гг. колебались от «удовлетворительных» и «доброжелательных» до «подавленных» и прямо враждебных Советской власти. В сводках ГПУ порой говорилось и о «контр-революционных элементах» среди рабочих. Впрочем, оговаривалось, что они «авторитета» и «успеха» «никакого не имеют». Надо отметить, что отношение коми пролетариата к власти было крайне неустойчивым и претерпевало порой быстрые и значительные перемены. Например, на протяжении 1925 г. оно во многом определялось проведением пропагандистской кампании по «ленинскому призыву» в партию. Только в Серегово было подано 20 заявлений о приеме в ряды РКП(б). Что касается негативных для властей тенденций, то они связывались с неудовлетворительным экономическим положением области, продовольственными проблемами. Но в основном было характерно «безразличное» отношение к власти. Во многом это объяснялось тем, что рабочие воспринимали Советскую власть как свою, как власть, за которую

они боролись. Но в то же время уже шло определенное отчуждение власти от народа, с большими издержками налаживалась сносная жизнь. Именно эти обстоятельства и обусловили отношение к власти, которое довольно образно было отражено на IV областной партконференции (1923 г.): «Народ говорит, что Советская власть хороша, но много в ней жуликов» [53].

В целом, мы можем утверждать, что ожидания рабочих на резкое повышение жизненного уровня, связанные с началом НЭПа, не оправдались. Хотя советское государство и объявило именно пролетария главной социальной силой нового общества, оно оказалось не в состоянии удовлетворить даже самых умеренных и насущных нужд рабочих. Жизненный уровень российского пролетария оставался в 1920-е гг. невысоким. Он был по многим показателям даже ниже того, что существовал в дореволюционной России. И этот факт еще в первой половине 1920-х гг. открыто признавался властями [54]. Именно поэтому в нэповский период в настроениях рабочих наблюдалось скрытое недовольство, которое порой выплескивалось и в открытые формы. В первую очередь неудовлетворенность рабочих была вызвана сохранением ряда элементов «военно-коммунистической» системы – волонтаристским произволом административного аппарата, существенной разницей в уровне жизни партийно-хозяйственной верхушки и рядовых рабочих. Но появились и новые обстоятельства, прежде всего, вызывающий раздражение нарочито роскошный образ жизни нэпманов. И понятное раздражение рабочих: своя власть возрождает ненавистную буржуазию, с которой они, рабочие, боролись и победили в ходе гражданской войны. Пролетарии полагали, что плодами НЭПа воспользовались, в первую очередь, «бывшие», которые стремились превратить Советское государство в капиталистическое. Эти противоречивые обстоятельства порождали ситуацию, когда трудящиеся были недовольны своей «рабоче-крестьянской» властью и были вынуждены выступать против нее, выдвигая как экономические, так и порой политические требования. Но это же обусловило и то, что действия рабочих отличались значительной противоречивостью, групповой ограниченностью. Требования пролетариев в основном ограничивались пределами одного предприятия. Для разочарованных рабочих была характерна аполитичность, стремление отмежеваться от участия в общественно-политической жизни, уход в мир повседневных житейских забот. Именно с этой проблемой столкнулись оппозиционные большевикам политические силы, не сумевшие использовать недовольство трудящихся в своих интересах. В этих обстоятельствах определяющей была именно экономическая ситуация. И власть воспринималась рабочим классом, прежде всего, через изменение жизненного уровня. А он все же рос, но не так быстро, как этого хотелось и властям, и рабочим.

Литература и источники

1. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. М., 1920. Ч. 1. С.135.
2. См.: История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 343.
3. Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край: очерки о десяти веках истории. Сыктывкар, 2003. С. 293.
4. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 8.
5. См.: НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43, 46об. Л. 66; Удж, 1921. 8 мая (№ 26). С. 2.
6. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Л. 21об.
7. См.: НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Л. 7; История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. С. 345-346, 347-348; Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край... С. 294.
8. См.: Лютов Л.Н. Настроения рабочих провинции в годы НЭПа // Отечественная история, 2007. № 4. С. 67.
9. Рабочий активизм в послереволюционной России // Отечественная история, 2002. № 2. С. 119.
10. См.: Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Коми край в годы гражданской войны: население и власть. Сыктывкар, 1994. С. 23; Они же. Черные годы. Революция и гражданская война в Коми крае. 1917–1921. Сыктывкар, 2001. С. 309-310; Таскаев М.В. Небольшевистские партии и Белая армия в Коми крае. Сыктывкар, 2000. С. 101; Жеребцов И.Л. Отношение населения Коми Края к власти в 1918 – начале 1920-х годов // Отечественная история, 1994. № 6. С. 67, и др.
11. См.: Карр Э. Русская революция. От Ленина до Сталина. 1917–1929. М., 1990. С. 58, 63, 67; Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция. 1917–1923. М., 1990. Кн.1. С. 645; Лютов Л.Н. Указ. соч. С. 65.
12. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 26; Д. 43. Л. 46об.; Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Черные годы... С. 303.
13. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 46об., 47; Д. 604. Л. 42.
14. См.: Фицпатрик Ш. Классы и проблема классовой принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопросы истории, 1990. № 8. С. 20.
15. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. С. 348.
16. См.: Kurh-Korolev С. «Gezähmte Helden». Die Formierung der Sowjetjungend 1917–1932. Essen: Klartext Verlag, 2005. S. 323, 328; Фицпатрик Ш. Классы и проблема классовой принадлежности в Советской России. С.21.
17. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 805. Л. 162; Д. 276. Л. 4; Д. 801. Л. 10; Д. 431. Л. 2-3; Д. 523. Л. 66, 176.
18. Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории, 1998. № 5. С. 32; НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. Л. 1; История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. С. 349.
19. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 11. Л. 10, 17; Д. 205. Л. 10.
20. Кабо Е.А. Очерки рабочего быта. М., 1928. Т. 1. С. 153-154.
21. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Л. 7; Оп. 2. Д. 276. Л. 106; Д. 277. Л. 89; Лютов Л.Н. Указ. соч. С. 66.

22. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 116. Л. 68; Д. 277. Л. 1; Д. 276. Л. 106; Д. 806. Л. 7; Д. 805. Л. 162.
23. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 276. Л. 59, 66, 116; Д. 277. Л. 5, 16; Д. 431. Л. 2; История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. С. 349, и др.
24. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 276. Л. 59; Д. 277. Л. 89, 99, 119; Д. 431. 2, 18; Оп. 1. Д. 53. Л. 160 и др.
25. Лютов Л.Н. Настроения рабочих..... С. 68.
26. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 760. Л. 201; Д. 806. Л. 46; Д. 805. Л. 46, 161; Д. 968. Л. 62; Д. 277. Л. 5.
27. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 760. Л. 5, 10, 48; Д. 806. Л. 7; Д. 912. Л. 6-7.
28. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 805. Л. 161-162; Д. 431. Л. 3; Д. 73. Л. 72; Д. 604. Л. 44; Д. 912. Л. 79; Югид туй, 1922. 30 нояб. С. 3.
29. См.: Рашин А. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР. М., 1928. С. 126.
30. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 524. Л. 105; Д. 807. Л. 20; Д. 760. Л. 63-64; Югид туй, 1923. 15 апр. (№63). С. 2; Лютов Л.Н. Настроения рабочих... С. 71-71.
31. См.: Лютов Л.Н. Настроения рабочих... С. 65, 68, 69 и др.
32. См.: Рабочий активизм в послереволюционной России // Отечественная история, 2002. № 2. С. 121-122, 123 и др.
33. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 11. Л. 40; Д. 430. Л. 22; Югид туй, 1923. 15 апр. (№ 63). С. 2; Югид туй, 1924. 18 мая (№ 111). С. 3.
34. См.: НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 968. Л. 62.
35. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 760. Л. 52; Д. 852. Л. 99; Д. 909. Л. 25, 57.
36. Лютов Л.Н. Настроения рабочих... С. 68; Ярославцева Т.А. Государственная политика в жилищно-коммунальной сфере на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы // Отечественная история, 2006. № 5. С. 99; Горлов В.Н. Советские общежития рабочей молодежи // Отечественная история, 2004. № 5. С. 177.
37. Всероссийский XIII съезд Советов. М., 1927. С. 142.
38. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. М., 2008. С. 418-419; Лютов Л.Н. Настроения рабочих.... С. 68.
39. Андреевский Г.В. Указ. соч. С. 422.
40. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 909. Л. 25; Д. 277. Л. 99; Д. 801. Л. 11.
41. См.: Лозбенев И.Н. Особенности рабочего движения в Центральной промышленной районе России в 1920-е годы // Отечественная история, 2005. № 5. С.142; Мирясов А.В. К вопросу о мотивации труда рабочих России в 1920-е годы // Отечественная история, 2005. № 5. С. 133-134.
42. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 431. Л. 2-3, 18; Д. 276. Л. 4.
43. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 276. Л. 6, 46; Д. 431. Л. 20; Д. 524. Л. 107; Д. 804. Л. 3.
44. См.: Борисова Л.В. «Советский тред-юнионизм»: профсоюзы и забастовочная борьба в годы НЭПа // Отечественная история, 2007. № 6. С. 95; Рабочий активизм в послереволюционной России // Отечественная история, 2002. № 2. С. 123; Розенберг В. Формы и методы рабочего протеста в 1918–1929 гг. // Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. М., 1998. С. 10 и др.

45. Жиромская В.Б. Социальные процессы в советском городе в первой половине 1920-х годов // Историческое значение нэпа. М., 1990. С. 90.
46. См.: Рабочий активизм в послереволюционной России // Отечественная история, 2002. № 2. С. 114, 118; Лютов Л.Н. Указ. соч. С. 66; Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М., 2005. С. 160 и др.
47. Там же. С. 120.
48. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 108; Оп. 2. Д. 523. Л. 2; Лютов Л.Н. Указ. соч. С. 70.
49. См.: Борисова Л.В. «Советский тред-юнионизм»... С. 89-97; Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России. С. 160-161; Лютов Л.Н. Настроения рабочих... С. 72.
50. Югид туй, 1926. 19 дек. (№ 219). С. 1-2; НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 116, 161; Д. 110. Л. 45.
51. История Коми... Т.2. С. 334, 349.
52. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 805. Л. 36-37, 82; Д. 806. Л. 22.
53. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 276. Л. 14; Д. 430. Л. 1; Д. 11. Л. 17об; Д. 431. Л. 18; Д. 968. Л. 62; Оп. 1. Д. 53. Л. 1 и др.
54. См.: Седьмой съезд профессиональных союзов СССР (16-18 декабря 1926 г.). М., 1927; Кабо Е. Очерки рабочего быта. М., 1928. Т. 1, и др.

М. В. Таскаев

**Из жизни населения автономной Усть-Цильмы
в 1920-е годы***

Ушли в прошлое лихие годы революции и гражданской войны, бывшие «красные» и «белые» теперь мирно соседствовали друг с другом, и даже самый распоследний печорский кулак начинал понимать, что Советская власть, как и НЭП, пришла «всерьез и надолго». Но не зря Печора являлась «оплотом белогвардейщины». Печорский ревком неоднократно издавал приказы и распоряжения, в которых угрожал всеми карами тем, кто по-прежнему считал «красных» врагами народа: «... под страхом суровой ответственности перед революцией, всякое притеснение лиц, причастных к революции – прекратить. Каждый сознательный гражданин, у которого бьется революционное сердце, должен помочь пострадавшим от контрреволюции, а не издеваться над ними».

Второй съезд Советов Печорского уезда в январе 1921 г. после доклада предуездисполкома И.Я.Гагарина о советском строительстве заметил: «Отсталость населения в значении дела Советского строительства является результатом равнодушного отношения к социалистическому благоустройству нашей жизни». Печорские волисполкомы (например, в Пижемской волости) находились, как отмечали советские ревизионные комиссии, «в ужасном состоянии, ликвидации бывшей волземуправы не производилось, финансовое состояние волости не поддается ни малейшему учету...». Настроения крестьян в отношении соввласти «в общем среднее, в некоторых случаях колеблющееся в связи с НЭП...». Бывшие торговцы и богатые оленеводы исправно мutilовали воду, создавали «тайные организации», как например, в Усть-Усе, где П.В.Ануфриев (кулак, бывший эсер с партстажем с 1905 г.), А.П.Коробов (лавочник, бывший комендант волости при белых), А.А.Козловский (сын дьякона, учитель), В.И.Рочев (начальник почты), Д.Я.Сметанин (бывший начальник волмилиции при белых), И.Г.Терентьев (спекулянт) и др. пытались

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 09-01-41104а/С «История повседневной жизни населения Коми края в XIX – первой трети XX века».

повести «наступление на коммунистов». Усть-усинская волячейка РКП(б) сообщила в уездный комитет партии, что «тайная организация» ... держит связь с другими волостями, с такими тоже должно быть элементами». В целом, отношение к коммунистам на Печоре долгое время было «самое плохое». В сводках ОГПУ отмечалось, что среди населения «недоверие вообще на совслужащих выражается тем, что коммунисты обманывают и грабят...».

И все же советский уклад жизни медленно, но верно утверждался. Долго печорцы не признавали советских денег, вся частная купля-продажа шла в царских рублях («орленных»), а нередко и белогвардейских «чайковках», но в конце 1921 г. уездная газета «Красная Печора» констатировала: «... крестьяне начинают продавать продукты сельского хозяйства на наши советские расчетные знаки». Газета, правда, оговаривалась – «конечно, эти случаи редки», но все же помаленьку советский рубль начинал теснить своих конкурентов.

Другим примером налаживания нормального, если можно так выразиться в данном случае, образа жизни при советской власти, являлось возвращение массовых драк печорской молодежи – излюбленного дореволюционного развлечения. Случаи «национальных» разборок (так здесь называли меж-волостные драки) нередко попадали на страницы уездной газеты. Можно найти, например, сообщения, что сизябские подростки кольями встречают на своих вечеринках ижемцев, гамцы нападают с ножами на мохченцев, всюду в волостях местная молодежь подкарауливает и избивает «чужаков». Это было немыслимо в годы гражданской войны, когда разделение шло только по военно-политическим мотивам.

В январе 1921 г. Всезырянский съезд коммунистов высказался за создание Коми республики, в состав которой должны были войти обширные территории, населенные коми-зырянами, коми-пермяками, а также нижняя Печора, населенная в основном русскими и самоедами (ненцами). Газета «Красная Печора» от 6 февраля 1921 г. опубликовала обращение «К зырянам Печорского уезда» за подписью Е.Ануфриева и А.Забоева, в котором излагались резолюции Всезырянского съезда о «выделении Зырянской автономной Советской социалистической Республики». Новая реальность в виде Коми автономии на месте бывших губерний внесла изрядную сумятицу в провинциальную печорскую жизнь.

16 марта 1922 г. ВЦИК постановил присоединить к Коми АО территорию нижней и верхней Печоры. Усть-Сысольск праздновал победу. 2 мая 1922 г. вышел Декрет ВЦИК «Об административном делении автономной области Коми», в котором определялись границы области и ее внутреннее деление на четыре уезда. Центром объединенного Печорского уезда области, согласно Декрету, становилась Ижма.

В связи с передачей нижней Печоры в состав Коми АО в Усть-Цильме начался полный хаос. Практически весь состав Печорского укома РКП(б) во главе с т.Сапрыгиным выехал в Архангельск. Начался вывоз уездного имущества из Усть-Цильмы в Ижму. Архангельская газета «Волна» в № 17 за 1923 г. писала о советско-партийной работе на Печоре весной и летом 1922 г.: «... до 1 августа в связи с передачей уезда области Коми был полный развал и разгром. Работы, конечно, никакой не велось». Состояние дел на Печоре в это время хорошо передает доклад т.Паданина в архангельский губком РКП(б) о поездке в Печорский уезд по проведению Всероссийской переписи от 6 марта 1922 г., сохранившийся в фондах ГАОПДФ Архангельской области: «Село Усть-Цильма из себя представляет какую-то автономную республику, если взять всю ее в общем масштабе. Почти все тов., стоящие на ответ. постах занимаются только пьянством и делают насилия на крестьян, как было насилие сделано тов. Кисляковым Михаилом в дер.Бирковки один раз, и второй в сел. Усть-Цильмы каковой даже делал выстрелы из ливорвера ввиду того, что крестьяне мало дали выпить. Местные власти крестьянам никакой помощи не оказывают, некоторые деревни на краю гибели. Тов. партийные все время заняты с выпивкой, ни одного партийного не найдешь в учреждении, если придешь в 12 час. дня. Спросишь у остальных тов. занимавшихся в учреждении, где ответ. работники, то ответы печальные. Ведь партийные всю ночь пили, сейчас отдыхают. Помощи от сов. органов нет никакой. Население: кулаки, всецело видя халатное отношение партийных к работе, окончательно подняло голову и открыто агитирует за свержение сов. власти... Положение вещей в уезде ожидать что-либо хорошее невозможно, что можно ожидать только худшее. Необходимо забросить свежих партийных работников для взбудораживания, старых же удалить. Переменить секретаря укома т.Сапрыгина, который уже живую работу не ведет, а только бумажную. Выслать на Печору ревизионную комиссию» (стиль и орфография документа сохранены – М.Т.).

Между тем, население нижней Печоры и, в первую очередь, Усть-Цильмы, ошарашенное внезапным известием ВЦИК о включении их в состав Коми области, предприняло ряд эффективных, как оказалось впоследствии, действий. Наиболее яростные противники вхождения в Коми область распускали слухи, вспоминая времена «красного террора» в годы гражданской войны при советском командующем Печорского края Морице Мандельбауме: «Каково-то будет жить под Коми. Придет коми да как отнимет всю пушнину, всю рыбу, оленей – тогда и увидим, каково жить под Коми. Всем еще памятен нам отход Мандельбаума – в его отряде все почти были коми... Все это коми стараются для каких-то своих выгод...». Усть-цилемы вспоминали, как в 1918 г. их волость пострадала от красноармейцев-зырян, и это подливало масло в

огонь в буквальном смысле. Усть-Цильма выступила инициатором посылки в Москву делегации ходоков (Т.Чупров, Н.Сапрыгин, М.Кисляков) от нижней Печоры, которая должна была любой ценой заставить ВЦИК пересмотреть решение о включении нижнепечорских волостей и Малоземельской тундры в Коми область. На общеволостном сходе усть-цилемы ввели срочное подворное натуробложение – для московских нужд делегации было решено собрать сливочное масло. В итоге, собрали более 80 пудов масла (один пуд – 16 кг). Ходоки отбыли в Москву с единственным наказом – «возвращаться с Архангельском». 20 апреля 1922 г. начальник архангельского губЧК Ломакин сообщал в Петроград о положении дел на Печоре: «Наблюдается недовольство крестьян чисто русских ввиду присоединения Печорского уезда области Коми. Послан протест в ВЦИК».

Что такое тонна сливочного масла в эти голодные времена, читатель, надеюсь, представляет. По стране всю набирает обороты кампания помощи голодающим Поволжья. На каждой странице коми областных газет – призывы о помощи голодающим. В самой Коми области не все благополучно обстоит с продуктами. Цены на все многомиллионные. В июле 1922 г. пуд ржи в Усть-Сысольске стоил 7 млн. руб., пуд ячменя – 5 млн., десяток яиц – 500 тыс. руб., пуд картофеля – 200 тыс. руб. в дензнаках 1922 г. (кстати, еще дороже продовольственных в столице Коми АО в это время были промтовары; так, пара резиновых галош оценивалась в 10 млн. руб., игральные карты стоили 7 млн. руб., а один простой карандаш оценивался в 500 тыс. руб.). Уполномоченный ОГПУ по Ижмо-Печорскому уезду Власов писал в Усть-Сысольск о положении дел в Усинском районе: «... голодают, хлеба нет, существуют на мясе и мху».

Политическая ситуация на Печоре весной 1922 г. осложнилась начавшейся кампанией изъятия церковных ценностей в фонд помощи голодающим Поволжья. Печорское крестьянство, защищая церкви, пригрозило утопить в проруби всех уполномоченных, посланных изымать церковное добро. ГПУ в своих информсводках в апреле 1922 г. отмечало: «В Печорском уезде вопрос с изъятием церковных ценностей стоит очень остро. Командированные на места уполномоченные вернулись обратно, т.к. население под влиянием агитации отдельных личностей из граждан и попов категорически отказалось выдать ценности, заявляя, что лучше умрут у церквей. На уполномоченных набрасывались с руганью, угрожая петлей и прорубью. Говорят, раз отобрали пушнину, то и пусть ее передают Поволжью, а церкви оставят в покое». На 15 июня 1922 г. по Печорскому уезду было изъято церковных ценностей: чуть больше восьми фунтов серебра, монета достоинством в один рубль и полтора фунта неопределенного металла.

Между тем, в Москве печорские ходоки Терентий Чупров и Михаил Кисляков добились приема у председателя ВЦИК М.И.Калинина. В итоге, 27 мая 1922 г. ВЦИК отменил свое мартовское решение о включении нижней Печоры в Коми область и вернул Усть-Цильму в Архангельскую губернию. Трения между Усть-Цильмой и Усть-Сысольском летом 1922 г. дошли до такой степени, что началось формирование вооруженного отряда, стоявшего на охране уездной собственности. 15 июня 1922 г. усть-цилемское «общегородское» партийное собрание РКП(б), на котором присутствовали 40 коммунистов и три комсомольца, под председательством т.Тиранова постановило организовать взвод ЧОН под командованием Сергеева для защиты усть-цилемского советского и партийного имущества от вывоза его в пределы Коми АО. Печора вновь обрела деление на два уезда: Печорский (с центром в Усть-Цильме) и Ижмо-Печорский.

Усть-Цильма являлась самым крупным селом в уезде. В 1925 г. сюда привезли радиоустановку, в 1927 г. была построена первая электростанция. Имелась типография, где печаталась уездная газета «Печорская правда». Кроме нее в уездной избе-читальне (всего по уезду были две волостные и десять сельских изб-читален и пять красных уголков), выходили регулярно стенгазеты «Голос крестьянина» и «Красный будильник» (популярна была также «живая газета» – новости в театральной постановке).

Почта из Архангельска доходила до Усть-Цильмы за 13-14, зимой – за восемь дней. В шести населенных пунктах уезда имелись телефонные станции, телеграф весной работал с перерывами.

Население занималось сельским хозяйством (сажали картофель, репу), разводило коров (стадо уездного молочного скота в 1925 г. насчитывало 3636 голов, в январе 1926 г. по уезду было 20 молочных артелей), овечье стадо в 1925 г. насчитывало 3539 голов, лошадиный табун – 553 лошадей. Традиционно были развиты рыболовство (промысел семги доходил до 8000 пудов в год, нередко не хватало соли, и большая часть пойманной рыбы портилась), оленеводство. В уезде работали кооперативы «Кочевник», «Рыбак». Сельскохозяйственный инвентарь насчитывал 153 косилки, 91 конные грабли. Из промышленных предприятий в уезде были замшевый завод отделения Госторга, типография уездисполкома и мукомольная мельница на лесозаводе № 51 (последний принадлежал Коми АО).

Печорский уком РКП(б) в отчете в архангельский губком партии за первый квартал 1925 г. писал: «В уезде население исключительно крестьянское, последнее к органам соввласти и партии относится удовлетворительно, доказательством этому может служить хотя бы то, что у крестьянства недостаток денег, но налог сдается в общем хорошо. Кроме того, проходившие перевыборы Виков и Сиков (волисполкомов и сельсоветов – М.Т.) показали,

что крестьянство уезда на деловых коммунистов смотрит положительно, выдвигая их в Советы и к самым перевыборам в этот раз отнеслось с большим вниманием и интересом, чем когда бы то ни было. Есть отдельные личности из среды кулачества, которые стараются уменьшить и подорвать авторитет РКП(б) и Соввласти, но в общей сложности успеха сколько-нибудь значительного в политическом смысле не имеют». 2 апреля 1926 г. уполномоченный ОГПУ по Печорскому уезду дополнял политическую картину уезда: «Печорская деревня малограмотная, малоразвитая, малокультурная, часто поддается провокационным слухам и критически к ним не относится: каждую весну регулярно гуляет слух о войне, когда-где-с кем никто не спрашивает. Причины слухов самые разные: идет переучет комсостава запаса, обучают допризывников и некоторые запасаются продуктами на случай ... войны... Православное духовенство здесь исключительно тихоновское. Самые ярые из них: здешний усть-цилемский поп... и затем священник в с.Куя. Старообрядческое духовенство имеет еще колоссальное значение и влияние. В церковь вообще ходят только взрослые. Староверческие попы наносят еще много вреда – не дают пускать детей в школу, таскают их на исповедь, кое-где организуют свою школу... Особенно сильное влияние старов. попы имеют в Кривошеинском обществе, затем в Пижме, самой Усть-Цильме и др. местах...».

Опасения у ГПУ вызывало большое («значительное») количество огнестрельного оружия у печорского населения, оставшегося в уезде со времен гражданской войны. Считалось, что в Печорском уезде имеются на руках сотни винтовок, револьверов различных систем и патроны, и все это «хранится хорошо скрытым». В марте 1925 г. начальник архангельского ОГПУ Гордон предложил Печорскому уезду РКП(б) организовать по уезду кампанию по добровольной сдаче огнестрельного оружия населением.

В январе 1926 г. в уезде имелись три ячейки РКП(б), объединявшие 81 коммуниста и кандидата в партию (из них три женщины), 13 организаций ВЛКСМ – 248 комсомольцев (из них 23 девушки) и шесть пионерских отрядов (в Усть-Цильме – четыре отряда) из 151 пионера (из них 25 девочек). Имелись добровольные общества МОПР (261 чел.), «Авиахим» (282 чел.), общество «Долой неграмотность» (114 чел.), Общество друзей Радио. В профсоюзы входили 472 чел. (профсоюзы Союз советских служащих, Рабпрос, Нарсвязь, Медсантруд, Рабземлес, Транспорт, деревообделочников и др.). Комитеты крестьянской взаимопомощи (11 сельских и три волостных) объединяли 1439 хозяйств и 295 чумов. В уезде насчитывалось 2294 неграмотных в возрасте от 14 до 30 лет. Работу в Печорском уезде искали сотни батраков – все приезжие в основном из других уездов Архангельской губернии и Коми АО.

Моральное состояние печорской коммунистической организации неоднократно обсуждалось как в губернском центре, так и на заседаниях укома РКП(б). 5 февраля 1926 г., например, совещание уездных работников при укоме партии, рассматривая личные дела многих коммунистов, отмечало: «Товарищ, имеющий в личном деле старые грешки, не раз предупреждается после этого и все же напивается в «доску» в пивной и произносит громогласную речь в присутствии беспартийных, среди которых были ссыльные, на тему «Характеристика руководителей уезда», где называет председателя УИКа «бюрократором», а другого ответственного работника «б...дью», а некоторых крестьян в «отцы родные», желая, очевидно, этим подкупить их и получить в нужное время поддержку, но, конечно, эти «отцы родные» откажутся от таких «сыновей», и не будут поддерживать их художеств». Редактор «Печорской правды» В. Зайцев на этом же совещании подчеркивал, что «... у нас главных видов заболеваний две: пьянка и половая разнузданность. Эти пороки пустили глубокие корни в среду не только партийцев, но и комсомольцев и даже пионеров». Совещание констатировало, что «... из болезненных явлений... наиболее распространены пьянка с дебошем, якшание со ссыльными, подсиживание, дискредитация партии и совласти».

Решением административной комиссии НКВД в 1923 г. Коми область и Печора были определены как регион для проживания административно-высланных. После Московского судебного процесса над ПСР в 1922 г. (на котором во враждебных действиях против советской власти обвинялись 34 чел., из них 11 членов ЦК ПСР и три члена Московского бюро ЦК ПСР) в Коми область прибыла первая партия административно-высланных эсеров из центральных районов России. ОГПУ разместило ссыльных в уездных центрах Усть-Выми и Усть-Сысольске, не решаясь отправлять их в сельские районы. Согласно докладу начальника ОГПУ по Коми АО Л.Ф. Липовского на заседании бюро Коми обкома РКП(б) 9 июля 1923 г. «... к данному времени имеется около 50 человек ссыльных... Относительно использования политических ссыльных имеется такое указание: использовать их как возможно, но не давать им ответственных работ. Большинство политссыльных принадлежит к сильным активистам своих партий. ГПУ боится того, что эта публика вновь что-либо учинит и придется снова поднимать дела о них. До сего времени активной работы за политическими ссыльными не обнаружено... Эсеры мы отправлять в уезды воздерживаемся», опасаясь их влияния на крестьянство. Помимо эсеров вскоре стали прибывать ссыльные анархисты, кадеты и другие представители оппозиции в Советской России. В апреле 1925 г. в Коми области насчитывалось 117 политссыльных, из них 43 эсера, 17 анархистов, один кадет, шесть бывших белогвардейских офицеров и т.д.

Часть ссыльных использовалась на различных должностях в хозорганах, часть имела возможность работать учителями, аптекарями, особенно в Ижмо-Печорском уезде, где ощущалась острая нехватка кадров. Так, например, в 1924 г. административно-высланные в Ижмо-Печорском уезде работали в управлении печорского пароходства, уездном земельном управлении, уездном финотделе и даже непосредственно в общем отделе уездисполкома.

В Печорском уезде в 1925 г. насчитывалось свыше 150 ссыльных, причем большая часть их проживала с семьями – в итоге получалась целая колония административно-высланных свыше 250 чел. По окончании ссылки не все покидали Печору. Так, в 1926 г. десять человек из ссыльных остались добровольно жить на суровом Севере. Местное ГПУ разделяло печорскую ссылку на три категории: политические, социально-вредные и прочие. Среди ссыльных имелись эсеры, меньшевики, савинковцы, просто бандиты и пр. Политические ссыльные группировались по партийным различиям, часто собирались в кружки, обсуждали внутреннюю и международную политику СССР, выписывали и читали центральные газеты и журналы (в том числе иностранные «буржуазные»), книги. Имелась постоянная связь печорской ссылки с Ижмой, Пермью и Архангельском (ГПУ предполагало, что агентом ссыльных по связям с Архангельском являлся некто Рябухин). Секретарь Печорского укома РКП(б) Павловцев сообщал в Архангельск, что ссыльные в Усть-Цильме прекрасно осведомлены о состоянии дел во всех уездных учреждениях, в том числе уюке партии, уездисполкоме и ГПУ.

В январе 1926 г. из Усть-Цильмы писали прокурору Архангельской губернии: «Политические ссыльные изредка собираются вместе и ведут между собой беседы. Темы – международное и внутреннее положение СССР... Никакой политической агитацией и пропагандой не занимаются. Какого-либо влияния на население политического вредного также не оказывают. Административно-высланные (уголовные элементы)... иногда дерутся с мужиками и хулиганят, почему и не могут пользоваться со стороны населения каким-либо доверием или авторитетом». В других донесениях агентов ГПУ можно прочесть, что нередко «ссыльные являются источником провокационных слухов» и что «население относится к ссыльным враждебно».

Ссылка оказывала колоссальное (если не политическое, то торгово-культурное) влияние на уезд. Достаточно сказать, что по донесениям печорского ГПУ в 1926 г., часть ссыльных, занимавшихся торговлей и спекуляцией, могла «дать несколько очков вперед кооперации. У одного был оборот в 18000 руб. за полугодие...». Ссыльные организовали в Усть-Цильме первый игорный дом – «лото», где официально шла игра на деньги. «Лото» открывалось в 17 часов вечера и работало до 4 часов утра. Уездная «Печорская правда» в 1926 г. отмечала, что когда работает «лото», в усть-цилемской избе-читальне

никого нет, все играют у ссыльных. Кроме «лото» ссыльные регулярно ставили спектакли в Народном доме (Нардоме), куда стекалась масса публики. Театральная труппа ставила московские спектакли, большим успехом пользовались, например, комедии «Тетка Чарлея» («Здравствуйте, я ваша тетя!»), «Шальная девчонка», пьеса «Поцелуй Иуды» и др. В Усть-Цильме имелся кинематограф (билет в кино стоил 35 коп.), привезенный наверное еще белогвардейцами (из документов штаба Печорского района, хранящихся в фондах НАРК, известно, что в начале 1920 г. полковник В.Ахаткин просил Архангельск выслать на Печору «синематограф»). Зимой в Усть-Цильме открывался каток, где катались на коньках (был кружок конькобежцев).

Печорский уездисполком под председательством А.Молчанова во второй половине 1920-х гг. в поисках средств пополнения уездного бюджета вводил различные местные налоги, в том числе на развлечения (так, стопроцентным налогом облагались билеты на маскарады, танцевальные и музыкально-вокальные вечера), на тиражирование афиш и плакатов и т.д. Кстати, местным налогом был обложен и игорный дом ссыльных «лото».

В 1925 г. в Усть-Цильме тиражом в 260-280 экз. начала выходить своя уездная газета «Печорская правда» под редакцией В.Зайцева, на страницах которой как в 1925, так и в 1926 г. ни разу не были опубликованы материалы и статьи, посвященные новостям как из Коми области в целом, так и Ижмо-Печорского уезда в частности. Только один-единственный раз «Печорская правда» мимоходом черкнула пару строк, что в Усть-Цильме состоялся футбольный матч между усть-цилемской и ижемской футбольными командами. Это было единственное косвенное упоминание в «Печорской правде» о существовании где-то там Ижмо-Печорского уезда в составе Коми АО. Ни разу также «Печорская правда», в отличие от ижемской «Красной Печоры» не поднимала вопросы об объединении всей Печоры.

Кстати, «Печорская правда» своим появлением фактически спасла от закрытия свою соседку. «Красная Печора», выходящая в Ижме, была уже на грани закрытия, не хватало средств, номера выходили от случая к случаю. Но как только в Ижме узнали, что в Усть-Цильме появилась своя газета, «Красная Печора» стала выходить регулярно, да к тому же еще и дважды в неделю. В отличие от «Печорской правды» ижемская газета публиковала материалы о жизни на территории соседнего Печорского уезда, давала бытовые зарисовки об Усть-Цильме и ее обитателях и т.д.

Печорский уезд и Усть-Цильма жили своим маленьким мирком, не оглядываясь на соседей. Очередная уездная партконференция коммунистов, проходившая в Усть-Цильме в сентябре 1925 г., вообще решила, что в развитии оленеводства на нижней Печоре пора брать пример с Америки, «применяя их опыт в первую очередь на наших опытных стадах». VIII съезд Советов

Печорского уезда в конце января 1926 г., рассмотрев перспективы рыбного промысла, постановил наладить торговлю, нет, не с коми соседом, а с Чердынью – вывозить печорскую семгу, а также «кислоп» (печорскую рыбу со специфическим запахом) на пермский рынок.

Казалось, что Усть-Цильма окончательно закрепились в составе Архангельской губернии. Но в 1929 г., когда образовался Северный край, Архангельск «кинул» усть-цилемов. Стремясь заполучить целиком Коми автономную область в состав Северного края, Архангельск согласился на включение Печорского уезда в состав Коми автономии при условии, что сама Коми АО войдет в Северный край с подчинением Архангельску. С 1929 г. Печорский уезд и Усть-Цильма стали числиться в Коми АО.

**Из жизни сыктывкарцев в 1952–1953 годах
(по материалам газеты «За новый Север»)***

1952

Опера «Русалка»

Опера «Русалка» – одно из лучших произведений русского композитора Даргомыжского... Концертно-эстрадное бюро Коми АССР решило осуществить постановку этой оперы на своей сцене. Это будет крупная работа коллектива.

Роль мельника будет исполнять – А.В. Соловьев, Наташи – В. Воскресенская, князя – И. Приймeko, свата – П.А. Осипов. В опере участвует хор и балет ансамбля песни и пляски Коми АССР.

(1 января, с. 3)

На пионерских сборах

...В 6 «в» классе, например, был проведен сбор «О странах народной демократии». В подготовке сбора активное участие принимала учительница географии Т.Ф. Лыткина. Учащиеся нашли нужную литературу, подготовили выступления о Болгарии, Чехословакии, Албании, Польше, Венгрии, Румынии. Перед сбором они несколько раз консультировались у учителя. Сбор прошел содержательно, интересно и помог учащимся лучше усвоить программный материал.

Пионеры 6 «б» класса провели интересный сбор на тему «Как нужно готовить уроки». Перед сбором пионеры проверили, как готовят уроки школьники Хлебникова, Юркина, которые всегда отвечают хорошо, и как готовят уроки учащиеся Забоев и Козлов, которые отвечают всегда слабо. Оказалось, что Козлов прочитанное не пересказывает и потому в классе не может ответить больше чем на «3», письменные работы выполняет, не выучив правил...

После этого сбора учащиеся еще раз посетили на дому, проверили, как стали готовить уроки Козлов и Забоев. Помогли и родители учащихся. Отец

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 09-01-41104а/С «История повседневной жизни населения Коми края в XIX – первой трети XX века».

ученика Козлова стал помогать своему сыну правильно распределять время, и сын стал лучше учиться.¹

А. Ворсина (20 апреля, с. 3)

Строители

...Сыктывкар сегодня – белозеленая северная столица. Трех- и четырехэтажные каменные здания, окрашенные в теплые, светлые тона, в зеленом убранстве деревьев, расположились на террасе.

...Взять хотя бы один проект: дом, который строится на углу Советской и Коммунистической улиц. В первом этаже разместятся ресторан и магазины: молочных и рыбопродуктов, хлебобулочных изделий, соков и вод. Новоселы найдут в доме двух и трехкомнатные квартиры со всеми удобствами: кухней, водопроводом, канализацией, центральным отоплением, ванной комнатой.

Таких домов уже немало в Сыктывкаре. В проектной мастерской республиканские архитекторы Тентюкова, Кусков, Дозоров думают о единых ансамблях ... социалистического города.

На улице Орджоникидзе возводится Дворец пионеров. Автор проекта – архитектор Тентюкова. Она поставила задачу: дать детворе радостный дворец, в котором всем им – юным чтецам и музыкантам, танцорам и изобретателям, техникам и книголюбам – нашлись бы чудесные комнаты, кабинеты, лаборатории, читальный и концертный залы.

В центре Дворца встанет портик, украшенный ионическими колоннами. Барельефы на фасаде о счастливой жизни советских детей еще ярче подчеркнут оптимистический и лирический, гостеприимный образ дворца.²

...В мастерской проектировался 54-квартирный дом на углу Орджоникидзе и Интернациональной... Угол дома выделяется насыщенными украшениями: лепной карниз, массивные арки, а фасад легко и ясно гармонирует с теми зданиями, которые замкнут квартал с противоположной стороны.

...Сыктывкар – небольшой город, но строительство кипит в нем на каждом шагу. Строятся жилые дома, общежития³, новый кинотеатр⁴, закладывается библиотека⁵, ...вырастет целый ансамбль с величественным Домом Советов

¹ Другие темы сборов, которые приводятся в статье: «Мичурин – великий русский преобразователь природы», «Как организовать режим дня», «Кем быть?».

² О внутреннем убранстве Дворца пионеров см.: Красное знамя, 1957. 1 янв. С. 3.

³ Одно из них – ныне общежитие КРИРОиПК на улице Орджоникидзе.

⁴ Кинотеатр «Октябрь». Подробнее о нем см.: Новый кинотеатр // За новый Север, 1954. 24 янв.

⁵ См.: Ширшов В.П. Сыктывкар строится // За новый Север, 1953. 19 апр.

на Красной площади⁶, шире станут улицы, залитые асфальтом⁷, набережная оденется в гранит.

Л. Мархасев (1 мая, с. 3)

Новый речной вокзал

Взору пассажиров, подъезжающих к Сыктывкару, открывается вид сверкающего белизной двухэтажного дебаркатера. Он сделан вычегодскими судостроителями и является одним из крупнейших и красивейших в республике дебаркатеров.

Здесь имеются хорошо оборудованная комната матери и ребенка, красный уголок, где можно посмотреть свежие газеты и журналы, медпункт, буфет, зал ожидания.

На первом этаже дебаркатера также есть багажные камеры, а на втором этаже – гостиница на пятьдесят мест⁸.

(25 июня, с. 1)

Народ славит Сталина

Никогда еще в Парке культуры и отдыха имени Кирова не было так многолюдно, как в минувшее воскресенье. Более 15 тысяч горожан, гости из Кослана, Помоздино, Айкино, Жешарта, Устькулома, Микуни, Вожаеля, Ньючима, Серегово собрались на первый республиканский Праздник песни.

...На естественном амфитеатре возле спортивной площадки ...располагаются зрители. Тем временем полторы тысячи участников сводного хора занимают устланную коврами огромную сцену.

...Мощно звучит Гимн Советского Союза в исполнении хора.... Радует глаз нарядным национальным костюмам.

... Ведущий программы заслуженный артист РСФСР и народный артист Коми АССР П.А. Мысов объявляет следующую песню «Величальная Сталину»... Эту песню сложила на Печоре народная сказительница Маремьяна Голубкова и положил на музыку нювчимский учитель П. Чисталев...

⁶ Последнее упоминание в печати названия центральной площади города как Красной. Позднее площадь называют Юбилейной. В этом же году на ней произвели небольшую реконструкцию – поставили новый обелиск на могиле героев гражданской войны.

⁷ В 1952 г. начнут асфальтировать улицы Коммунистическую и Орджоникидзе, а на улице Советской станут заменять деревянные столбы электрического освещения на металлические.

⁸ Набережная и Речной вокзал тогда были центром города. Поэтому вход на вокзал украшали большие двусторонние арочные ворота с надписью «Пристань» и со скульптурой гребца в нише между воротами, а перед воротами стоял памятник В.И.Ленину.

... С большим подъемом хор исполняет коми песню «Моя отчизна», «Марш советской молодежи», песню вичугских ткачих «Родина», тепло и задорно звучат «Заполярные частушки».

В заключении первого отделения был исполнен финальный хор из оперы Глинки «Иван Сусанин» – «Славься».

Во втором отделении проходил смотр отдельных художественных коллективов.

(1 июля, с. 1)

Новое освещение в драмтеатре

В Коми республиканском драматическом театре заканчивается капитальное переоборудование освещения сцены...

Могучие софиты позволяют создавать иллюзию голубого неба с медленно плывущими облаками, пасмурного дня или голубой лунной ночи в зависимости от требования художника и режиссера спектакля.

Новое цветное освещение позволит окрашивать бесцветные декорации и делать многокрасочной театральную живопись.

Управление освещением сцены и зрительного зала будет производиться из так называемого «поста управления», с помощью тридцати ручек регулятора.

(2 сентября, с. 3)

1953

Великая скорбь

Никто ни на минуту не выключал радио в эти дни.

Весть о тяжелой болезни товарища Сталина резкой болью отдалась в сердце каждого советского человека... В тревожном ожидании шли дни... Не было первых среди тех, кто услышал вчера на рассвете эту страшную весть. Она дошла сразу ко всем. И тоска сжала сердце в те минуты, когда было сказано:

– 5 марта в 9 часов 50 минут вечера скончался Иосиф Виссарионович Сталин.

Пасмурное морозное утро было вчера в Сыктывкаре. Репродукторы разносили над белыми, заснеженными улицами города Обращение Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза. И в каждой семье вслушивались в глубоко западавшие в душу слова обращения, в которых черпали поддержку в своем горе, узнавали свои мысли, свою великую скорбь.

(7 марта, с. 3)

Сыктывкар строится

...В октябре будет сдан в эксплуатацию 37-квартирный трехэтажный жилой дом, что строится на углу Советской и Коммунистической улиц.

...К октябрю войдет в строй новый кинотеатр на 300 мест по улице Советской. Кроме хорошо оформленного зрительного зала здесь будут помещения для настольных игр, небольшая читальня, буфет.

На улице Орджоникидзе вырос большой трехэтажный Дворец Пионеров... В начале будущего года в нем зазвонят детские голоса. Перед зданием Дворца Пионеров будет разбит партерный сад с низким ограждением; скульптуры и вазы украсят вход в Дворец Пионеров.

На будущий год город обогатится еще одним красивым зданием – трехэтажным домом на улице Бабушкина против родильного дома. Это здание займет то место, где сейчас стоит Дом колхозника, подлежащий сносу.

В двух верхних этажах здания разместятся 30 квартир, а в первом – специализированный универмаг⁹ – Детский мир, хлебобулочный магазин, гастроном, аптека.

...В парке культуры и отдыха строится Зеленый театр на тысячу мест. Величественно рисуется новое здание республиканской библиотеки на Советской улице, против магазина № 6. Это будет высокое двухэтажное здание на тяжелом цоколе. Несколько читальных залов и кабинеты для групповых занятий... Семиярусное железобетонное книгохранилище на полмиллиона книг.

Скоро войдет в строй 16-квартирный дом на улице Орджоникидзе против гостиницы¹⁰...

...Горсовет принял решение – отказаться от посадки молодых деревьев, которые уничтожаются в тот же год. Отныне в городе будут сажаться многолетние липы, березы, тополи. На многих улицах и в первую очередь на Советской, Орджоникидзе, Коммунистической, Ленина, Кирова на полосе озеленения впервые в этом году будут высажены сотни тысяч всевозможных цветов.

В. П. Ширшов (19 апр., с. 1)

Комфортабельный теплоход¹¹

На днях к причалу Сыктывкарского речного порта подошло не совсем обычное судно – комфортабельный пассажирский теплоход... Теплоход,

⁹ Дом войдет в строй в 1955 г. О внутреннем убранстве магазинов см.: Новая булочная // Красное знамя, 1956. 24 янв.; В новом магазине // Красное знамя, 1956. 3 июня.

¹⁰ Речь идет о доме, в котором находится музей И.А. Куратова.

¹¹ Теплоход типа речной трамвай серии М («Москва») – 104 прошел за девять дней от Москвы до Сыктывкара по маршруту: Москва – канал им. Москвы – Большая Волга – Рыбинское водохранилище – Шексна – Кубенское озеро – Сухона – Малая Северная Двина – Вычегда.

рассчитанный на 143 пассажира, оборудован мягкими сидениями, радио, буфетом с холодильником. Новое судно будет обслуживать пригородные рейсы, а по выходным дням доставлять сыктывкарцев в места массовых гуляний¹².

(30 июня, с. 3)

В доме отдыха «Лемь-ю»

«Лемь-ю» в переводе на русский язык означает «черемуховая речка». В местечке, носящем это название, расположился дом отдыха профсоюза работников местной промышленности.

Живописные берега Вычегды с большой песчаной отмелью посередине реки, служащей превосходным естественным пляжем, сосновый вперемежку с лиственным лес – все это влечет сюда в дни отпусков рабочих учреждений и предприятий республики...

Для отдыхающих здесь налажено 4-х разовое питание. К их услугам предоставлены многочисленные игры – городки, волейбол, пинг-понг, и др. Есть музыкальные инструменты, в библиотеке дома отдыха насчитывается свыше тысячи книг. По вечерам здесь нередко читаются лекции на разнообразных темы, демонстрируются кинофильмы¹³.

Вечером на открытой площадке слышны переливчатые звуки баяна – молодежь танцует. С реки ясно доносится песня. Одна за другой на плес выплывают лодки.

(1 июля, с. 3)

Летним днем

Каждое утро, когда горнист сводной пионерской дружины¹⁴ играет сбор, по тенистым аллеям Сыктывкарского парка культуры и отдыха имени Кирова ребята поодиночке и группами стекаются к шахматному павильону. Здесь – сборный пункт, откуда пионерские отряды под звуки аккордеона и барабанную дробь, со знаменосцами во главе, направляются на окаймленную высокими тополями спортивную площадку.

¹² В этом же (1953) г. на сыктывкарском переезде через реку в Заречье начнет курсировать моторный катер см.: О сыктывкарском переезде // За новый Север, 1953. 17 окт.

¹³ Предполагалось в 1957 г. сделать Дом отдыха в местечке «Лемью» санаторием и проводить сеансы грязелечения, физиотерапию, хвойные ванны. См.: Сухоруков П. В доме отдыха «Лемью» // Красное знамя, 1955. 7 авг.

¹⁴ Кроме сводных пионерских отрядов и дружин в городе организовывались на летнее время детские площадки при школах. Они были санаторного или оздоровительного типа.

Построение на линейку... Четкие рапорты вожатых...

Команда:

– Поднять флаг!

Алый стяг взвивается на высокую белую мачту.

И начинается лагерный день...

У каждого из пионерских отрядов – свое занятие. Одни идут кататься на «колесе обозрения» или кружиться на карусели, другие направляются купаться и загорать, у третьих – танцевальный или хоровой кружки, четвертые собираются за книгой, пятые отправляются в поход...¹⁵

...О проведенном времени рассказывают дневники дружин и отрядов:

«Сегодня загорали на пляже. Смотрели новые киножурналы, читали книгу «Из глубины веков», рассказывающую о том, как советские ученые нашли способ восстанавливать по черепу лицо наших предков».

«На улице дождь, но нам не скучно. Мы слушаем большой концерт художественной самодеятельности».

«В нашем отряде очень интересно прошел сбор на тему «Мой любимый герой». Ребята рассказывали о Зое Космодемьянской, Павлике Морозове».

...За лето пионеры сводной дружины прочитали много книг, научились плавать, разучили много новых песен, загорели и окрепли...

П. Сухоруков (2 августа, с. 3)

В школе № 12

Перед школами Советского Союза стоит важная задача по политехнизации обучения. Средняя школа № 12 города Сыктывкара успешно справляется с этой задачей. При школе есть небольшой участок, на котором учащиеся ставят различные опыты, связанные с изучением ботаники, основ дарвинизма и т.д. На участке, на небольших делянках растут злаковые и огородные культуры. Есть питомник деревьев, где растут тополь, кедр, сад с яблонями, малиной, смородиной.

Хорошо оборудованы в школе кабинеты и лаборатории. На уроках физики, посвященных лабораторным работам, каждый учащийся проводит эксперимент и затем описывает его. Подобные работы проводятся и на уроках химии и естествознания. Школа регулярно организует экскурсии, связанные с изучением той или иной темы. Ученики были на электростанции, на аэродроме.

(21 октября, с. 2)

¹⁵ Ходили в многодневные походы: в Слободу (Эжва), на р. Лемью через затон «Красный водник», на р. Петуховку; в однодневные – на р. Дырнос. В многодневных походах посещали экскурсиями предприятия, играли с местными ребятами в спортивные игры, собирали гербарий для школы.

Скульптурный портрет героев коми народа

Через несколько дней в Сыктывкаре в Доме Союзов открывается Коми художественная выставка 1953 года. Среди разнообразных работ мастеров кисти и пера на выставке впервые значительное место займут скульптурные работы.

Молодые скульпторы Ю. Борисов и В. Мамченко ... представят на выставку свою совместную работу – бюст Героя Советского Союза Н.В. Оплеснина.

...Изображению дочери коми народа героини гражданской войны, партизанки Домны Каликовой посвятила свою работу молодая художница Т. Кроева.

...Воссоздание скульптурных портретов лучших сынов и дочерей коми народа – замечательное начинание сыктывкарских художников.

(1 ноября, с. 2)

Новый зал в республиканском краеведческом музее

В отделе дореволюционного периода Республиканского краеведческого музея открыт новый зал, показывающий жизнь коми народа в XIX веке.

...Над созданием новых экспонатов и художественным оформлением научные работники музея и художники работали в течение целого года. Показ зала начинается с раскрытия общего экономического состояния России в XIX веке и событий Отечественной войны 1812 года. Приводятся материалы, свидетельствующие об участии коми народа в Отечественной войне.

По одному из документов, найденному в Вологодском областном архиве, установлено, что в Сыктывкаре (Усть-Сысольске) были пленные французы в количестве ста человек. Таким образом, название местечка «Париж», из области преданий переходит в число исторических фактов...

Особый раздел зала посвящен восстаниям коми крестьян и рабочих в XIX веке... Молодой художник Э.Козлов довольно удачно воспроизводит в своей картине волнение ижемских крестьян на строительстве Мезенской дороги. Хорошо показано Устькуломское восстание в диарамная макете, созданном художниками П.М. Митюшевым, В.А. Рожиным и Т.П. Краевой...¹⁶

М. Калинин (17 ноября)

Публикация Б.Р.Колегова

¹⁶ Следующая реконструкция экспозиции будет проведена в 1957 г. Тогда обновят зал Октябрьской революции и гражданской войны. Будут выставлены личные вещи участников войны, схемы сражений гражданской войны на территории Коми края. Особое внимание будет уделено современности и достижениям трудящихся Коми АССР по выполнению директив XX съезда КПСС, поэтому вся современная история будет дана тематически (по отраслям народного хозяйства: лес, газ, нефть, уголь тогда и сейчас).

А. Б. Артеев

Пионеры картофельных грядок

В полном разгаре дачный сезон. Большинство пенсионеров мигрировали из городов на огороды, и здесь, как грачи, копошатся в земле, высаживая свои «насущенные» картофель и огурец. Удивительно, что такой феномен культуры XX–XXI вв., как дача, пока еще не изучен ни историками, ни социологами. Самим дачникам – некогда, а ученых мужей дачи как-то не вдохновляют. А ведь дача – это не просто загородный дом, а культурный символ, смысл которого менялся в зависимости от исторического периода. Сегодня в Коми около 75 тысяч садово-огородных участков – дач. Они есть близ всех городов, кроме Воркуты. В большинстве сельских районов также есть свои дачники – в одном лишь Сыктывдинском районе их свыше 20 тысяч. Только жители Ижемского и Усть-Цилемского районов пока обходятся без дач. Постановление Совмина Коми АССР о садово-огородных участках вышло в 1967 г., тогда и было организовано в Дырноте первое общество в республике, которое до сих пор называется «Первое садоводческое общество». Из дачников-первопроходцев в строю остался только семидесятилетний Степан Александрович Ганов. Примечательно, что его дом № 1 находился на первом проезде, поэтому гановская дача может быть вполне официально признана первой в республике.

Дачная эволюция

Стоит напомнить, что первые дачи появились в России еще в эпоху Петра I. Это были усадьбы под Петербургом, которые царь дарил приближенным за заслуги перед государством. Тогда же и появилось слово «дача» (от глагола «давать»). Здесь устраивали балы, открывали салоны, дачи стали неотъемлемой частью богемной жизни, куда дворяне приглашали поэтов, художников, композиторов. К концу XIX в. дачи настолько вошли в русский быт, что на этот вид загородного отдыха работала целая промышленность, выпускавшая товары для дачного времяпрепровождения. После революции дачи были экспро-

приурованы. В начале сталинской эпохи личные дачи полагались лишь высшему советскому руководству и известным ученым, писателям, композиторам, знатным дояркам и шахтерам. В 1960-х гг. в СССР началась «оттепель», которая коснулась и дачного движения – теперь почти каждый желающий мог себе позволить иметь земельный участок. Правда, в Республике Коми этот процесс запоздал почти на десять лет.

Но, все еще страшась появления частной собственности, власть не спешила давать большие наделы земли. Максимальный размер участка в то время не должен был превышать шести соток. Из-за этого ограничения дача получила свое второе название «6 соток». Пик дачного бума пришелся на 1980-е гг., когда в стране возник продовольственный дефицит. Дачные поселки начали стремительно разрастаться, образуя вокруг городов дачно-аграрные пояса. После перестройки «новые русские» вывели дачное строительство на новый уровень и стали возводить себе дворцы и крепости. Но для большинства дача осталась в первую очередь тем простым и удобным вариантом отдыха (каким она была в конце XIX в.) или местом, где можно сделать хороший запас на зиму (как это было в конце XX в.). По данным статистики, сейчас в России дачным хозяйством занимаются более 22 миллионов семей, что составляет примерно половину населения страны.

Жизнь пройти – не поле перейти

Нашему разговору о даче предшествовали воспоминания о долгой жизни Степана Александровича. Его родители познакомились во время учебы в Сыктывкаре. В 1936 г. после окончания кооперативного техникума их направили на работу в Летку. Там спустя год и родился Степан, а через четыре года его младший брат. В 1941 г. отец ушел на фронт, где вскоре погиб. Мать и дети переехали жить к дедушке и бабушке в Визингу. По воспоминаниям Степана Александровича, до 1944 г. благодаря довоенным запасам продовольствия в деревнях питались более-менее сносно. Но к концу войны жизнь стала тяжелой. Ребята ватагой ходили в лес по грибы и ягоды, с шести лет бегали на рыбалку. Когда весной уж совсем прижимало, и есть было нечего, дети собирали на полях съедобное растение – пestyш, в лесах сдирали и поедали сосновый и еловый луб, а весной пили березовый сок. Начиная с 1944 г. в деревнях возле Визинги появилось много немцев и поляков – военнопленных и спецпоселенцев. Они строили себе в поселках бараки, хибарки, рыли землянки, тут же работали и жили. Часто с холма можно было увидеть, как по тракту из Сыктывкара без конвоя пешком бредет небольшая группа поселенцев. Они заходили в дома крестьян и просили еды. Маленького Степана ужасало то, что в самые лютые морозы они шли в дырявых, перевязанных веревками сапогах. Поначалу пацаны боялись этих людей, но потом

привыкли. «Нас воспитывало само время, – вспоминает Ганов. – Надеяться на взрослых было некогда. Мой дед плотничал – чинил заборы вокруг колхозных полей, вот и я топор держал с тех пор, как мог его поднять. Помогал ему вначале сучки обрубать, а потом и деревья стал сам валить. В огороде работали наравне со взрослыми. В марте нас, старших школьников отправляли в лес, чтобы заготовить дрова для школы. Деревья валили взрослые, а мы распиливали бревна и обрубали сучья. А начиная уже со второго класса, мы ходили на уборку колхозного льна». В старших классах Степан учился в Ленинградской области, а его мать – на курсах в Ленинграде. После курсов мать взяли на работу в Сыктывкар. Школу Степан окончил уже в Сыктывкаре. Поступил в первое техническое училище в Княжпогосте, где выучился на механика лесопункта. Из армии вернулся младшим лейтенантом и коммунистом. Строил дороги в городе, был слесарем, закончил лесотехническую академию. В 1968 г. пришел на судоремонтный завод в Заречье, где и проработал до выхода на пенсию в 1994 г. Начинал конструктором, потом был главным инженером, а с 1991 г. – директором.

Первые дачники

«Дачу иметь было престижно, поэтому получить ее могли только избранные: персональные пенсионеры, известные горожане и люди «не посторонние» власти, – вспоминает Степан Александрович. – Хотя отношение к дачам у людей в те годы было разное. Кто-то считал это благом, а кто-то баловством. Мне, в принципе, дача была не нужна, только вот мать настояла. До выхода на пенсию она работала в министерстве торговли, руководила трестом столовых и хлебокомбинатом. В общем, была известным человеком в городе, вот сама и купила, пока я был на учебе в институте. Благо, вступительный взнос был небольшим – всего три рубля. В 1968 году я закончил институт и приехал из Москвы. А дома меня мать «обрадовала» дачей. Так что деваться мне было некуда – вернулся с учебы и начал строить забор на даче. Леса на участке не было, поэтому рубить и корчевать деревья не пришлось. Сделали тогда здесь всего два-три проезда, а наша дача оказалось на проезде № 1, но после расширения общества проезд стал уже одиннадцатым. Соседи по даче все как на подбор были известные люди: полковник, командовавший во время войны «катюшами» и участник парада Победы в Москве Николай Митюшев, заместитель министра торговли, заслуженный учитель. Из дачных первопроходцев сейчас в живых осталось немного, да и те уже далеко не все в силах приезжать на дачу. Два года общество оставалось небольшим, но в 1970 году в городе начался «дачный бум», все захотели свой участок. Поэтому территория дырносских дач резко начала расти во все стороны. Мои коллеги по работе в конструкторском бюро завода приходили ко мне на

экскурсии, смотрели, что такое дача, и как здесь все устроено. Посмотрев, четверо из них взяли участки на седьмом проезде».

«Курятники» и козы

В первые годы дачей в основном занималась мать нынешнего хозяина. Умерла Елизавета Васильевна в 1984 г. Поначалу участок был стандартный, но лет семь назад Гановы купили соседний участок, и общая площадь «фазенды» сейчас чуть более 9 соток. Дома в 1960-х гг. разрешали строить только по утвержденным сверху стандартам. Например, толщина стен не должна была превышать десяти сантиметров. Сверху считали, что домик на участке должен стоять только для того, чтобы хранить там инструменты или переждать непогоду. При этом здание должно было быть небольшим – по размерам оно напоминает нынешние сарайчики. Два таких дома еще сохранились на заброшенных участках по соседству с дачей Гановых. Кирпичные русские печи тоже были под запретом, можно было ставить только железные буржуйки. Видимо, комфортная жизнь на дачах считалась «буржуазным пережитком». Размеры первого дачного дома Гановых были невелики: два на три метра. Построили его за сто рублей в столярных мастерских минторга. Простоял этот сколоченный из досок «курятник» около десяти лет, затем пошел на постройку сарая. А свой нынешний дом Степан Александрович возвел своими руками из списанных бон в 1980 году. Новый дом вырос до 4,5 на 5,5 метра. В 1990 г. рядом с домом был возведен новый пеноблочный сарай и баня.

Те, кто брал дачу, подходили к этому делу основательно – приглашали для консультации агрономов, разрабатывали планы посадок. Гановы в первую очередь на участке посадили кусты: крыжовник, малину и смородину. Уже потом очередь дошла до картофеля. В 1970-е гг. вовсе сажали запрещенные ныне коноплю и мак. При этом дачники даже не подозревали о наркотических свойствах этих растений. Например, конопля для Степана Александровича была в первую очередь символом... детства. В довоенные годы в коми деревнях сажали и выращивали целые поля конопли. Из ее крепких волокон плели веревки для колхоза. У соседей по даче в теплице даже зрели арбузы. Чтобы земля щедро родила, хозяева удобряли навозом – каждый сезон по две машины. «Сейчас выращиваем все то, что растет, – рассказывает о нынешних посадках Степан Александрович. – Картошку, лук, огурцы, помидоры, ягоды. Одного картофеля собираем до ста ведер. Зимой урожай храним в городе».

В 1970-е гг. в поселке Дырнос держали огромные стада коз. Козы паслись недалеко от дач и частенько совершали массовые набеги на огороды. Поэтому в первую очередь и пришлось возводить забор. От другой напасти – воров – забор не спасает. Зимой все дачи вокруг Сыктывкара традиционно обворо-

вывают. Дом Гановых вскрывали уже четыре раза. Утащили инструменты, электропилу, рубанок, штангенциркули. В последний раз залезали шесть лет назад. Но сейчас дом защищен металлическими ставнями, да и хозяева стараются не оставлять на зиму ничего ценного, а с мая до октября Степан Ганов живет на даче. Ездили Гановы в Дырнос на автобусе, велосипеде. Даже пешком от городской квартиры до дачного участка было, как говорится, рукой подать, – от крыльца до крыльца час ходьбы. Вообще, дачи Гановых и их соседей официально находятся в городской черте, поэтому на участки повышенный спрос. Почти каждый день приезжают на иномарках покупатели. Но новых дачников интересует уже не земля-кормилица, а дом, баня, участок. Если для старшего поколения – дача – это работа, то для молодых – это, в первую очередь место, отдыха. Меняется время, меняется и отношение к дачам.

Содержание

Мацук М.А. Судебная деятельность городских воевод в XVII в. (на материалах Яренского уезда)	3
Приходская летопись Нившерской Воскресенской церкви (1870–1873 годы) (<i>публикация И.Л.Жеребцова</i>)	14
Власова В.В. Система запретов и конфессиональные символы коми староверов: бытовые явления как маркеры группы	25
Лейман И.И. «Премудрости» и казусы ярмарочного дела в XIX – начале XX вв. (на примере Европейского Севера России).....	40
Бондаренко О.Е. «Оказать... содействие посильным пожертвованием деньгами, материалом и личным трудом»	53
Лейман И.И., Сметанин А.Ф. Январская ярмарка в Вологде в XIX – начале XX века: из истории повседневности	62
Золотарев О.В. Рабочие Коми края в период НЭПа	68
Таскаев М.В. Из жизни населения автономной Усть-Цильмы в 1920-е годы	99
Из жизни сыктывкарцев в 1952–1953 годах (по материалам газеты «За новый Север») (<i>публикация Б.Р. Колегова</i>)	109
Артеев А.Б. Пионеры картофельных грядок	117

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КОМИ КРАЯ

Выпуск 4

Научное издание

Оригинал-макет – Н.К.Забоева

Компьютерный набор. Уч.-изд.л. 7,25. Усл. печ. л. 7,7.

Тираж 150 экз. Заказ № 113.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

ISBN 978-5-89606-377-3

